

МАГИЯ ЛЮБВИ

ЛУЧШЕЕ
РОМАНТИЧЕСКОЕ
ФЭНТЕЗИ
2017

НАТАЛЬЯ ЖИЛЬЦОВА, МИЛЕНА ЗАВОЙЧИНСКАЯ,
НАТАЛЬЯ КОСУХИНА, ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ, АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА,
ГАЛИНА ГОНЧАРОВА, ЕВА НИКОЛЬСКАЯ, АННА ОДУВАЛОВА,
ОЛЬГА ПАШНИНА, СВЕТЛАНА УШКОВА

Annotation

Любовь покоряет не только людей, но и самых разных волшебных существ: вампиров, фей, оборотней и даже – кто бы мог подумать – самого Змея Горыныча! Любовь спасает миры, сражает драконов, очаровывает темных колдунов и побеждает лесных троллей!

Любовь всесильна, а ее магия позволит вам окунуться в завораживающие рассказы признанных звезд романтического фэнтези, чьи произведения на протяжении многих лет радуют читателей. Десятки ярких фамилий, десятки необыкновенных и волшебных историй о магии и любви ждут вас на страницах коллекционного сборника. А иллюстрации от известных художников романтического фэнтези покажут колдовские миры глазами их создателей.

- [Наталья Жильцова, Милена Завойчинская, Наталья Косухина и другие](#)
 -
 - [Наталья Жильцова](#)
 - [Милена Завойчинская](#)
 - [Наталья Косухина](#)
 - [Елена Малиновская](#)
 - [Александра Лисина](#)
 - [Галина Гончарова](#)
 - [Ева Никольская](#)
 - [Анна Одувалова](#)
 - [Ольга Пашнина](#)
 - [Светлана Ушкова](#)
-

**Наталья Жильцова, Милена
Завойчинская, Наталья Косухина и другие
Магия любви. Лучшее романтическое
фэнтези, 2017**

© Г. Гончарова, Н. Жильцова, М. Завойчинская, Н. Косухина, А. Лисина, Е. Малиновская, Е. Никольская, А. Одувалова, О. Пашнина, С. Ушкова

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Наталья Жильцова
Белая фея

Вы думаете, что феи – добрые существа? Зубные, там, Цветочные... Да как бы не так! Мы, феи, бываем те еще стервы. К примеру, те, которые ядовитым растениям покровительствуют, запросто отравить могут. Причем

не только физически – ядом, но и душу – словом.

А то, что на вид мы хрупкие, нежные и улыбчивые, – так это наше врожденное очарование. Дар у нас такой, эволюцией презентованный для выживания.

Хотя вообще, чтобы выжить, нам много не надо. Питаемся мы, как обычные люди, болезням не подвержены, регенерацией тоже не обделены, как и любая нечисть. Вся проблема в магии. Чтобы она не иссякла, нужно подпитываться тем видом энергии, к которому мы относимся. И вот тут могут возникнуть сложности.

Не у всех, конечно. К примеру, Зубные феи охотятся на детские зубы. У них особых проблем нет. Зубы – ресурс такой, легко находящийся. Раз в месяц достал и колдуй себе дальше.

Цветочным феям тоже живется легко. Посадил свой цветочек в горшок и питайся его энергетикой до отвала, пока не засохнет. А дальше – другой цветок, и пошло по новой.

Есть еще Зеленые феи. Эти постоянно кого-нибудь спаивают, ибо питаются человеческими галлюцинациями.

В общем, вы поняли. Нас много. И среди этого многообразия возможностей мне не повезло больше всех. Мой вид – самый немногочисленный, пусть и обладающий в потенциале сильной магией, но на деле практически всегда живущий без нее. Потому что отыскать в современном мире чистую, искреннюю любовь практически невозможно.

Да, я – Белая фея, или фея Платонической любви, как бы это ни банально звучало. Я пытаюсь самой светлой эмоцией людей. Вот только эта самая эмоция мало в ком встречается, а если и встречается, то очень быстро перегорает. Уж поверьте, я знаю, о чем говорю, – в ЗАГСе работаю. И каждый день вижу дружбу, увлечение, привязанность, нежность, страсть и все возможные комбинации этих чувств. А вот целомудрие и самопожертвование – увы. Оно и понятно: если испытываешь к человеку какие-то чувства, хочется физической близости, а не вздохиания в уголке, сохраняя невинность. В этом плане даже моей ворчливой коллеге Антонине Сергеевне, Темной фее из отдела разводов, которая питается ненавистью, повезло куда больше.

Так что для самозащиты вместо магии мне приходится полагаться на лежащую в машине монтировку. Ну и ходить на курсы самообороны к знакомому оборотню – мастеру спорта.

Есть, конечно, еще вариант – артефакты. Но дорогие они, да и подзарядки периодически требуют, что тоже стоит денег. Приличных. Ведьмы и ведьмаки своему дару алхимического синтеза цену знают и

зарабатывать умеют.

В общем, не с моей зарплатой артефакты покупать. В мире, где практически каждый вид нечисти благодаря своим особым талантам умудрялся найти выгоду, мы, Белые феи, считались ущербными. И жили наравне с обычными людьми, а то и хуже. Потому что...

Нет, лучше об этом не думать.

Я досадливо вздохнула и, переложив стопку оформленных документов на край стола, притянула к себе новую папку.

Ровно в то же время от дверей раздалось бодрое:

– Всем привет!

И на пороге кабинета появилась секретарша директора Гелка – веселая, компанейская, огненно-рыжая красавица с третьим размером груди. Мечта всех мужчин, короче говоря. Впрочем, оно и неудивительно, ибо Гелка, а точнее Гелла Адовна – суккуб. Да-да, самый настоящий, который мужчин э-э... пользует.

– Сегодня ты особенно кисло выглядишь, – забирая документы, сочувственно отметила она. – Совсем на нуле?

– Угу, – я поморщилась. – За три месяца вообще никого подходящего не попалось. Как ни пыталась подольше резерв растянуть, все равно кончился.

– Н-да... Слушай, вроде на следующей неделе побольше народа будет. Может, с ними повезет. А еще в выходные фильм новый романтический выходит. В кинотеатрах поискать можно.

– Слышала, поищу, – я кивнула. – Ничего, не в первый раз, справлюсь. Но пока что у меня похмелье. И настроение соответствующее.

– Тебе бы отвлечься. Развеяться. – Гелка нахмурилась, а затем вдруг щелкнула пальцами. – Слушай, пошли со мной в клуб?

– Зачем? – искренне удивилась я. – Это у вас там раздолье. Или у Зеленых...

– Брось. Не только же о пропитании нужно думать, надо и просто развлекаться! А там весело. Вот, например, как думаешь, зачем обычные люди туда ходят? Выпить, потанцевать, еще выпить, еще потанцевать. Знакомства завести, ни к чему не обязывающие. Ну же, Ленка, ты все ж Белая, а не синий чулок! Сегодня пятница, на работу завтра не вставать. Пошли!

Пить мне не хотелось. Танцевать тоже. Тем более не хотелось ни к чему не обязывающих знакомств. Но и осознавать себя синим чулком я не желала. Поэтому вопреки всему взяла и согласилась.

– Вот и отлично! Значит, подъезжай к девяти в «Лярву», там и

встретимся! – радостно воскликнула Гелка и щокала на шпильках обратно к себе.

После работы я поспешила домой, чтобы подготовиться к походу в ночной клуб. Всю дорогу меня одолевали сомнения, но я стойко уверяла себя, что для психологического здоровья требуется разрядка, и танцы подходят как нельзя лучше.

Уговоры возымели действие, и к шкафу я подходила полная решимости сегодня отлично отдохнуть.

В свои неполные двадцать пять лет я могла похвастаться ростом чуть выше среднего и стройной фигурой. Не суккуб, конечно, но все равно очень даже ничего. Вообще, с внешностью у любой нечисти проблем нет, так что короткое черное платье село как влитое.

Дальше настала очередь макияжа. Несмотря на предстоящий вечер,зывающим его делать не стала. Лишь чуть ярче подкрасила голубые глаза да бесцветный блеск для губ сменила бархатистой, винного цвета помадой. Дополнила все серьгами и браслетом с аквамаринами, длинные светлые волосы уложила локонами, и вот в зеркальном отражении уже не просто женщина, а ангел.

«Даже крылья имеются», – мысленно хмыкнула я. Жаль, демонстрировать окружающим их нельзя – людей пока еще все-таки намного больше нечисти, и нас они сильно не любят.

Глубоко вздохнув, я взглянула на часы и двинулась на выход. Пора было отправляться на встречу с Гелкой.

До указанного подругой адреса добралась быстро и удовлетворенно хмыкнула. Клуб оказался шикарный. При входе переливались огни иллюминации, заманивая посетителей ярким блеском. У дверей стояла пара охранников в строгих костюмах, а вдоль турнекета тянулась целая очередь из желающих оказаться внутри.

Что ж, может, и впрямь не зря я приехала. Где-то в глубине души даже зародилось странное предвкушение.

Стоило мне припарковаться и выйти из машины, как рядом сразу же, будто из воздуха, оказалась Гелла.

– Отлично выглядишь, – окинув меня быстрым оценивающим взглядом, сделала она комплимент и подхватила под локоток.

Минуя всю очередь, мы прошли прямо к охране, и та на удивление без вопросов пропустила нас внутрь.

– Не удивляйся. Я тут часто зависаю, так что есть свои привилегии, – пояснила подруга.

Я в ответ лишь улыбнулась и стала с интересом оглядываться. Вокруг

царил полумрак, который расчерчивали лучи лазерной иллюминации, а каждый миллиметр пространства наполняла раскрепощающая, быстрая музыка. Танцпол был забит развлекающейся молодежью, а на расставленных вдоль стен мягких диванчиках сидели презентабельные мужчины постарше в окружении девушек модельной внешности.

Гелла сразу потащила меня в гущу танцующей толпы, и действительно на какое-то время это отвлекло от всего. Вот только ненадолго. Спустя пару треков и самозабвенных танцев мой взгляд вновь заскользил по толпе. Не знаю, что я надеялась здесь увидеть, но... явно не недалеких, накачанных алкоголем парней и совсем молодых, глупо хихикающих девчонок.

С каждой минутой разочарование одолевало все сильнее и находиться среди подвыпивших молодых людей хотелось все меньше. А вот Гелла обществом явно наслаждалась. Даже легкая зависть кольнула: вот уж кому здесь и хлеб, и зрелица.

В результате уже через полчаса я мысленно махнула на все рукой и отправилась к бару. Может, если выпью, то и настроение улучшится?

По дороге приметила пару оборотней в компании с суккубом да нескольких Зеленых фей, которые уже подобрали себе жертв на вечер. Что и требовалось доказать – нечисть сюда не на танцульки приходит, а со вполне конкретными гастрономически-физиологическими удовольствиями.

Я мрачно села за барную стойку и заказала коктейль. Потом второй. А допивая третий, окончательно поняла: все-таки зря я пришла. Клубы – явно не мое. И, кажется, Гелка может иметь полное право называть меня синим чулком.

Раздраженная и сердитая на саму себя, выдохнула, сделала последний глоток и решительно поставила бокал на стойку. Но едва приняла решение уходить, почти над ухом неожиданно раздался низковатый мужской голос:

– Привет.

Вздрогнув, быстро обернулась и обнаружила его обладателя.

Стоящий рядом незнакомец был лет двадцати семи на вид. С короткими каштановыми волосами, высокий, мощный, в джинсах и тонкой футболке, очерчивающей чеканный рельеф мышц. На правильном лице мужчины играла легкая полуулыбка, а вот льдисто-голубые глаза смотрели цепко, внимательно. Сразу чувствовалось – не обычный человеческий качок, а кто-то из наших. Из нечисти. Такой, который своей силе цену знает и может ее использовать не только для демонстрации восторженным дамочкам.

Но при всем этом опасности от мужчины не ощущалось. Чувствовались лишь интерес и желание. Как ни банально. И как бы он ни

пытался это скрыть.

Впрочем, неудивительно, в таком-то месте и по отношению ко мне.

Я в очередной раз пожалела, что не суккуб. Была бы как Гелка, сейчас получила бы и удовольствие, и пищу в комплекте. А так...

«Впрочем, даже без пищи удовольствие тоже иногда нужно получать», – мелькнула мысль. А следом за ней вторая: «Почему бы и нет?»

Он симпатичный, у меня давно никого не было. Почему бы и не расслабиться хоть ненадолго? Не зря же я тут оказалась, в конце концов?

– Привет. – Я слегка улыбнулась.

– Ты ведь фея? – усаживаясь рядом, уточнил мужчина.

Вот так и знала, что этот опасный типчик из нечисти. Что ж, еще проще: развлекаться будем оба.

– Да.

– Но не Зеленая.

– Ты проницателен, – я хмыкнула.

– А какая? Цветочная?

– Поверь, таких, как я, тут больше нет, – заверила я. – Да и вообще в нашем городе.

– Супер! – Он улыбнулся шире. – В таком случае мне нужна пыльца с твоих крыльев.

Я едва не открыла рот, ибо к такому повороту разговора была не готова. Вот совсем не готова!

Остатки романтического настроения окончательно выветрились из головы, оставив только досаду и злость на один из самых неудачных вечеров в моей жизни. Нет, ну надо же! Даже в таком, насквозь пропитанном похотью и желанием месте от меня хотят не тела, а пыльцу!

– Ничем помочь не могу, – резко поднимаясь, рыкнула я.

Мужчина мигом нахмурился, а в его глазах промелькнуло какое-то странное выражение.

– Подожди. – Он вскочил следом. – Подожди, давай погово...

– Не о чем разговаривать. Отвали.

– Но я...

– Удачи лишу. Отравлю. Морок наведу, – зло перечислила я стандартный магический арсенал фей. Да, конкретно у меня сейчас магии нет, но он-то об этом не знает.

И, развернувшись, направилась на выход. Хватит с меня на сегодня. Как бы ни хотелось Гелке, для меня этот вечер однозначно не удался.

Однако едва я открыла машину, рядом снова раздался оклик клубного приставалы.

– Сказала же, отвали! – раздраженно бросила я, оборачиваясь.

В то же мгновение мужчина дунул на меня чем-то с ладони, и по коже пробежала легкая волна онемения. Странно знакомая...

– Блокиратор магии фей, – сообщил этот тип, хватая меня за руку. – Предлагаю успокоиться и все-таки поговорить. Мирно.

Нет, он вообще обнаглел!

– Да пошел ты! – рявкнула я и, как учил оборотень на самообороне, выкрутила руку, вырываясь из захвата. А затем, схватив с сиденья монтировку, отточенным движением с разворота врезала мужику в челюсть.

Тот с хрипом рухнул на асфальт. Правда, к его чести, сознания не потерял.

«Точно нечисть», – резюмировала я, добавляя мужику с ноги и прыгая за руль.

– Твою ж!.. Да что ты за фея такая?! – с подыванием донеслось вслед.

– Добрая! – крикнула я. – Только в плохом настроении!

И, хлопнув дверью, надавила на газ.

До дома добралась быстро, ибо в порыве праведного гнева гнала, безбожно проскакивая на светофорах на желтый. И лишь хлопнув входной дверью и оказавшись в темноте собственного коридора, немного успокоилась. Скинула туфли и прошла на кухню, где быстро сделала себе чаю.

Нет, ну вот с чего я такая «везучая»? Только настроилась на ничего не обязывающее удовольствие, а мне с приветом сразу про пыльцу! И этот тоже хорош! Ну какой нормальный мужик ходит в клуб в поисках редкой пыльцы?!

В общем, мне снова не повезло, даже в такой малости. Это удручало и злило одновременно, так что спать я пошла далеко не в радужном настроении. Одно хорошо – завтра выходной, хоть выспаться смогу.

Ага, как бы не так!

Мое чертово невезение, похоже, окончательно решило со мной не расставаться, ибо в полвосьмого утра я проснулась от резкого звонка в дверь.

В полвосьмого! В субботу! После бессонной ночи!

– Чтоб вас демоны пожрали, изверги! – простонала я и натянула подушку на голову.

Не встану, кто бы там ни был. Пусть убираются на фиг.

Однако звонок продолжал и продолжал нагло, требовательно верещать. Так что все же пришлось подниматься.

Да кто ж там такой настойчивый в такую рань приперся-то?! Ох, и почему я не ведьма? Или не Темная фея? Прокляла бы сейчас, не задумываясь даже!

Натянув халатик, я с руганью направилась к двери. Открыла... и опешила. На пороге стоял вчерашний хам!

Рефлекторно я тотчас попыталась захлопнуть дверь, но мужчина мигом перехватил ту рукой и удержал. С легкостью удержал, полностью оправдывая вчерашние догадки о приличной физической силе.

Сердце на миг сжалось.

– Да погоди ты, не пугайся! – тотчас выдохнул он. – Я ж не маньяк какой, даже не оборотень, а ведьмак. Ведьмак я! И мне всего лишь нужно немного пыльцы!

Точно ненормальный.

– Слушай, кругом полно фей, – нервно пробормотала я. – Иди, договорись с какой-нибудь Зеленою на бартер. Она тебе пыльцу, ты ей глюки.

– Пыльцу Зеленою я еще вчера достал, – сообщил ведьмак, отодвигая меня и по-хозяйски проходя в квартиру.

В мою, между прочим, квартиру!

– Тем более! – прошипела я с возмущением. – Чего еще надо?

– Мне нужно больше. О! – приметив на окне одинокий горшочек с кактусом, ведьмак ухмыльнулся. – Значит, я не ошибся и ты все-таки Цветочная? Кактус? Что ж, теперь понятно, откуда в тебе такой колючий характер.

– Выметайся из моей квартиры!

– Послушай, колючка, ну не будь такой вредной. У меня очень важный заказ на дорогущий артефакт и времени в обрез, до понедельника. Один из ингредиентов – пыльца тринацати разных фей. А вас, блин, разных, хрень еще разыщешь. В основном Зубные да Зеленые, а из Цветочных сплошь розы с ромашками. В общем, я собрал только девять доз. Надо еще четыре...

– Соболезную. Ничем помочь не могу.

– ...И если ты – кактус, то это супер и здорово, – даже не сбился он. – Дай немного пыльцы, подскажи адресочки трех подружек, и я...

– Погоди! – окончательно обалдела я от такой сверхнаглости. – Тебе еще и адресочки теперь подавай?!

– Колючка...

– Да иди ты знаешь куда?!

Моя рука потянулась к стоящей в углу коридора швабре. Но замерла,

после выкрика:

– Колючка, я заплачу!

Конечно, не то чтобы мне сильно нужны были деньги... хотя кого я обманываю. В моем положении лишние деньги всегда кстати.

– Сколько?

– Тысячу!

Швабра все-таки была схвачена.

– Две! – правильно понял намек ведьмак. – Разумеется, баксов!

Хм... две тысячи долларов за горсточку пыльцы, которой у меня в принципе немало, ибо я практически не колдую. Плюс три адреса разных фей.

Швабра была отставлена обратно в угол.

– Ладно. – Я махнула рукой и пошла в гостиную. – Договорились. Но деньги вперед.

– Как скажешь, – не стал спорить ведьмак. – Меня Адам зовут.

– Елена. Кстати, откуда ты вообще узнал, где я живу?

– Твоя подруга – жутко говорливый суккуб.

Ну, Гелка! Я сделала мысленную зарубку обязательно отплатить рыжей чем-нибудь таким же «хорошим». Например, слить адрес подруги тому очкастому воздыхателю, который ей уже вторую неделю на работу цветы носит.

– Диктуй номер карты, – потребовал Адам.

Продиктовала. Ведьмак ненадолго завис над своим смартфоном, а вскоре мой пиликнул о пополнении баланса на запрашиваемую сумму.

Ведьмак выжидало посмотрел на меня. Теперь настала моя очередь выполнить условия сделки, а для этого предстояло принять истинный облик.

Я сосредоточилась, делая крылья практически видимыми. Белое невесомое кружево с серебристыми прожилками вспыхнуло за моей спиной, наполнив при этом пространство легкой свежестью и прохладой.

Я знала, что вместе с появлением крыльев и весь мой облик преобразился. Волосы стали не просто светлыми, а серебристо-белыми, глаза же приобрели насыщенный ультрамариновый цвет.

– Bay! – Адам присвистнул. – И так выглядят кактусы? Да ты не Елена, а Елена Прекрасная!

– Спасибо, – не прониклась сравнением я. – А теперь бери уже, что хотел.

Моргнув, ведьмак опомнился, достал из заплечного рюкзака тонкое зачарованное перо, пробирку и смахнул в нее немного пыльцы. Потом

отошел и, вновь оглядев меня, серьезно повторил:

– Ты действительно невероятно выглядишь. Подобных тебе я еще не видел.

В его голосе слышалось искреннее восхищение, а во взгляде вновь промелькнуло что-то странное. Сдерживаемое и... нет, в моем обессиленном состоянии не разобрать.

«А ведь мое сияние совсем тусклое, – мелькнула мысль. – Если бы Адам увидел меня в полной силе...»

Неожиданно захотелось увидеть его реакцию на это, и я с досадой куснула губу. Нашла о чем думать!

Волевым усилием погасив сияние, я поплотнее закуталась в халат. Глубоко вздохнула, осаживая неуместные эмоции, и уточнила:

– Говори, какая пыльца у тебя есть. Попробую подобрать еще трех фей.

А вскоре уже сидела на диване и задумчиво смотрела во врученный ведьмаком список.

Адам не солгал, он и впрямь собрал пыльцу всех популярных фей в нашем городе. И даже в пригороде был, судя по обозначенной в списке Гортензии – я знала единственную фею, которая была привязана к этому цветку у нас в округе. Теперь ему действительно предстояло искать редких, таких, которых у нас раз-два и обчелся.

Впрочем, будучи сотрудницей ЗАГСа с допуском к базе, я всех своих сородичей знала наперечет. Так что Адаму со мной повезло.

– К кому обратиться, я тебе напишу, – произнесла я. – Только будь любезен, не распространяйся о том, кто тебя направил.

– Могила! – тотчас заверил ведьмак.

– Значит, смотри. – Я начала записывать адреса и одновременно перечислять: – Неподалеку живет фея Юности. Там дом прямо напротив детского сада. Есть еще редкая Цветочная фея – Орхидея, живет, правда, на другом краю города, и возраст у нее еще нежный: пятнадцать лет. Так что поосторожнее с ней, влюбится – тебе же хуже. Ну а третья – моя коллега по работе, Темная фея.

– Оу, – ведьмак уважительно кашлянул. – Не знал, что у нас в городе такие есть.

– Ну извини, с транспарантами по городу не ходим. – Я протянула бумажку с адресами и еще раз настоятельно предупредила: – И про меня ни слова. Мне только еще проблем на работе из-за тебя не хватало.

– Обижаешь, колючка. Я ведь уже пообещал, что никому не раскрою своего информатора, – хмыкнул Адам и поднялся. – Ладно, мне пора, а то

время на исходе.

Я проводила ведьмака до входной двери, но уже на пороге тот обернулся.

– Кстати, а что ты вечером делаешь? Могли бы отметить успешное сотрудничество.

Одарила улыбающегося мужчину скептическим взглядом. Ему, пожалуй, редко отказывали, и отрицательный опыт явно требует повторения.

– Ну уж нет. С тебя станется вытребовать ежемесячные поставки пыльцы с оптовой скидкой, а я на такие жертвы не готова. Так что удачи, и давай, до свидания.

С последним словом я подпихнула Адама за порог и быстро закрыла дверь.

Квартира вновь погрузилась в тишину и спокойствие субботнего утра. Можно было вернуться в кровать, но весь сон после раннего визита пропал, поэтому отправилась на кухню. Пока готовила завтрак, прокручивала в голове недавние события. Может, все-таки стоило согласиться поужинать? В конце концов, когда еще меня пригласят развлечься? К тому же ведьмак явно не настроен на серьезные отношения...

Я резко тряхнула головой, отгоняя ненужные сожаления, и окончательно поздравила себя с титулом «синий чулок». В клуб сходила неудачно, от ужина с симпатичным мужчиной отказалась.

Да что там говорить, я вообще себе в подобных связях отказываю. И не только потому, что расставания неприятны. Точнее, совсем не поэтому, а потому, что я хоть и Белая фея, но в первую очередь женщина. И как у любой женщины, у меня есть вероятность, что увлеченность перерастет в нечто большее, причем явно неплатоническое. Захочется и замуж, и детей...

Но чтобы выносить ребенка, фее нужна постоянная магическая подпитка. Да-да, та самая подпитка, с которой у любой Белой феи большие проблемы. Короче, я рисую потерять ребенка уже на первых месяцах.

Моей матери повезло найти какого-то безнадежно влюбленного парня и запланированно забеременеть. Но до конца она так и не смогла доходить – парень тот все же сорвался. В прямом смысле сорвался – с крыши. Чтобы дотянуть меня хотя бы до семимесячного срока, маме пришлось отдавать жизненные силы и... в общем, меня выходили, а ее не стало.

Тяжелый вздох вырвался сам собой. Опять мои мысли увели куда-то не в ту степь. Пора завязывать думать и идти заниматься насущными делами.

Насущные дела продлились до обеда. Я даже в магазин сбегала, закупилась всем необходимым к важному действу – варке супа. Важному, потому что готовлю я не очень хорошо. Что попроще еще как-то выходит, а вот суп... с супом все сложно. Но хочется ведь, хоть иногда!

Однако едва я вооружилась ножом поувесистее и начала шинковать капусту, как требовательно звонок.

– Не, – выдохнула я вслух и неверяще уставилась на видимую из кухни дверь. – Не, не, не. Этого не может быть. Это ведь кто-то другой, верно?

Звонок раздался снова. Кто бы там ни был, этот «кто-то» явно сгорал от нетерпения.

Выдохнув, я подскочила к двери и резко открыла. И едва не застонала.

На пороге стоял Адам!

– Э-э... Лен, я понимаю, что ты не сильно рада меня видеть, но, может, не стоит так радикально? – с опаской произнес он, косясь на все еще зажатый в моей руке нож. – Монтировка или швабра все ж менее травматичны, резаные раны мне дольше регенерировать придется. А времени вот вообще в обрез...

Я застонала снова и с досадой бросила нож рядом с телефоном на тумбочку.

– Чего тебе еще надо, мучитель? Ты ведь из меня уже и пыльцу вытряс, и адреса!

– Понимаешь, вот с адресами и проблема. – Адам, как и утром, легко отодвинул меня и прошел в квартиру. – Точнее, с последней, Темной феей. Лен, она меня из себя вывела, накачалась отрицательными эмоциями по самую макушку и послала ко всем чертям. С-сте... э... зараза старая.

– Антонина Сергеевна может, это да, – хмыкнула я. – Может, ты ей мало денег предложил?

– Да не нужны ей деньги, Лен! – ведьмак раздосадованно скривился. – У нее два племянника где-то в спецподразделении боевых колдунов, и бабка эта обеспечена по гроб жизни. Даже работает, как оказалось, просто от скучи.

– Надо же, – я удивленно покачала головой. – Не знала. Мы, конечно, мало общались, но...

– Слушай, может, ты с ней сама поговоришь, а? – перебил ведьмак. – Ведь, уверен, мне она отказалась просто из природной вредности. А тебе, как коллеге, навстречу пойдет. Понимаю, ты не хотела огласки, но все же? Нет, если ты, конечно, знаешь еще какую-то подходящую фею и дашь гарантию, что она точно согласится, ибо времени в обрез...

– Поняла я, поняла. – Я тяжело вздохнула и пошла собираться.
Выбора-то нет.

Машина у ведьмака оказалась под стать – мощная и дорогая. Нет, считать чужие деньги – это нехорошо, и я это понимала, но все ж хотелось узнать, за что Адаму их столько платят? Ведь явно непростые вещи он делает! У двух моих знакомых ведьм таких доходов и близко не было.

К примеру, этот дорогущий артефакт с фейской пыльцой – для чего он?

Не удержавшись, я задала вопрос Адаму, но тот только плечами пожал и огорошил:

– А без понятия.

– Как без понятия? – изумилась я. – Ты ж ведьмак!

– И что? – Меня наградили снисходительной улыбкой. – Лен, не каждый химик или фармацевт знает состав всех таблеток или материалов. Так и мы, ведьмаки, что-то знаем, что-то нет. У нас ведь просто развит дар алхимического синтеза, а не абсолютная память. Зачастую люди просто приходят со списком ингредиентов и просят сделать что-то по ним. Мой дар, к примеру, позволяет делать довольно сложные артефакты. Так что я беру деньги и работаю, а полученный в итоге результат отдаю.

– Но если мне ты запросто заплатил две штуки и другим феям явно тоже что-то платил...

– Они, кстати, были менее меркантильными, – вставил ведьмак.

– Не важно. Если ты столько денег запросто потратил только на нашу пыль, значит, за этот артефакт платят внушительную сумму. Неужели тебе не интересно, что это такое?

– Пока – нет. – Адам пожал плечами. – Тем более что состав мне уже известен. При большом желании смогу в любой момент повторить.

Спокойствие и пофигизм ведьмака удивляли, но попытки постичь его логику я оставила. В конечном счете меня его жизнь не касается, а со своим любопытством уж как-нибудь договорюсь.

До дома Антонины Сергеевны добрались быстро.

– Я с ней еще раз поговорю, а ты, главное, подтверди мои слова, – по дороге к подъезду, коротко проинструктировал Адам. – Вы все-таки коллеги, тебе она скорее поверит.

Спорить не стала и согласно кивнула. В конце концов, мне тоже выгодно, чтобы ведьмак побыстрее получил последний ингредиент для своего артефакта. Иначе придется еще какую-нибудь фею искать, а то и

ехать к ней вместе с ним. Для гарантии.

Поднявшись на третий этаж, Адам уверенно нажал на кнопку звонка. Не прошло и пары минут, как дверь открылась, являя нам недобро прищурившуюся Антонину Сергеевну.

– Послушай, красавчик, ты с детства плохо понимаешь русскую речь или просто слабослышащий? Я же сказала, ничего тебе не дам, и от тебя мне ничего не надо... – Заметив меня, Темная фея осеклась и недоуменно уточнила: – Лена? А ты что здесь делаешь? На чай зашла?

– Да нет, – замялась я. – Я, ну-у... как бы с ним.

Фея в удивлении осмотрела нас с ведьмаком с ног до головы и только было открыла рот, чтобы что-то сказать, как вступил Адам:

– Уважаемая Антонина Сергеевна, я вам уже говорил, что пыльца мне требуется, чтобы изготовить для вашей коллеги артефакт. Елена – моя заказчица.

От пронзительного и подозрительного взгляда старухи у меня волосы на затылке встали дыбом. Темную фею просто так не проведешь! А если этой фее под четыреста лет – и подавно!

– Действительно для тебя артефакт делает? – строго поинтересовалась она.

Врать было страшно, но выбора не было. Если что, на работе будуходить к ней исключительно с конфетами и подарками.

– Да, – с максимальной уверенностью кивнула я, а затем жалобно добавила: – Ну пожалуйста, Антонина Сергеевна! Помогите, а? Ну очень надо, правда!

Та недовольно поджала губы, явно чувствуя, что я что-то недоговариваю, но все же кивнула.

– Ну если очень, то куда уж деваться, проходите. Только в следующий раз, Леночка, звони мне заранее. Я – дама уже не молодая, чтоб первому встречному ведьмаку-красавчику пыльцу отвешивать. Вот проклятье могу запросто.

Так, ворча на нерадивую молодежь, Темная фея приняла истинный облик. Миг – и вместо старухи перед нами возникла настоящая красавица с угольно-черными крыльями, длинными, цвета воронова крыла волосами и пронзительными изумрудными глазами.

– Ну что застыл? – глядя на замершего Адама, усмехнулась женщина. – Бери свою пыль, ведьмак.

Мотнув головой, тот очнулся и профессионально собрал пыльцу. Спустя пару минут мы уже спускались по лестнице.

– Ну, вот и все. – Я облегченно выдохнула. – Мы в расчете. Домой

можешь не отвозить, сама доберусь.

– Ага, – Адам задумчиво кивнул, но, вместо того чтобы направиться к машине, вдруг придержал меня за руку и предложил: – Слушай, я ведь тебе даже поесть не дал. Да и сам ни черта не ел со вчерашнего вечера. Может, пойдем пообедаем?

– Так у тебя ж времени в обрез, – со смешком напомнила я.

– Полчаса вполне могу выкроить, – успокоил он. И, увидев, что я уже готова ответить отказом, сразу добавил: – Брось, могу я угостить свою... гм, своего партнера?

– Партнера?

– Если оценить количество финансов, перечисленных тебе, и прибавить совместную поездку за ингредиентом – это уже практически партнерские отношения, – доверительно сообщил Адам и широко улыбнулся.

А я... я взяла и согласилась. В конце концов, почему бы и нет?

Кафе было найдено быстро, еду тоже задерживать не стали. И вскоре мы уже со скоростью, которая присуща любой голодной нечисти, поглощали отбивные с запеченным картофелем и тремя видами салатов.

Да, аппетит у меня хороший, и, в отличие от человеческих девушки, за стройностью фигуры следить не нужно. Особенно это радует, когда дело доходит до десертов.

Довольная, я подвинула к себе малиновый чизкейк и вскользь, из-под ресниц, взглянула на Адама. Ведьмак сидел напротив с чашкой крепкого кофе и, в свою очередь, задумчиво смотрел на меня. И чувствовалась от него легкая, сдерживаемая волна желания.

«Все-таки я ему нравлюсь».

Осознание этого факта оказалось неожиданно приятным. А то в последнее время как-то самооценка пошатнулась.

Я даже улыбнулась, облизнула ложку, потянулась к следующей порции...

– Лена, – вдруг чуть хрипловатым голосом произнес Адам. – Лена, я хочу сделать тебе предложение.

Я поперхнулась и закашлялась.

– Извини. – Адам тотчас отставил чашку и протянул салфетку. – Честно, я не хотел предлагать ничего неприличного. Хотя, вообще-то, за неприличное я только «за»... шучу, шучу. Предложение у меня деловое.

Та-ак, опять начинается.

Глубоко вздохнув, я с подозрением прищурилась.

– Какое на этот раз?

– Ты только не нервничай сразу и за монтировкой не беги, хорошо? Просто выслушай.

– Озвучивай уже.

И Адам озвучил:

– Лен... мне нужна твоя кровь.

– Чего?!

От возмущения я аж вскочила.

– Подожди... да сядь, кому сказал!

Он так рявкнул, что я буквально упала обратно на стул.

«Ведьма, способный не только очаровывать, но и напрямую подчинять? Неслабый мужик! Таких в городе по пальцам пересчитать можно!»

– Прости. Сорвался, – отрывисто извинился Адам. – Но, послушай, мне всего-то надо пару капель. Времени на создание артефакта реально уже очень мало. Бежать и уговаривать другую фею – ну вот никак. А ты рядом. Я заплачу, деньги для меня не проблема. Ну же, колюч... Лен, пожалуйста!

– Признайся сразу, ты меня на запчасти разобрать собрался? – простонала я. – Пыльца, кровь... озвучь уже весь список того, что тебе нужно, а?

– Лен, вот честное слово, пара капель, и все! Ну? Сделай доброе дело на наше общее благо, ты же добрая фея, сама так сказала!

– А ты и рад моей добротой попользоваться. – Я хмуро взглянула на Адама, по глазам поняла, что тот не отстанет, и обреченно махнула рукой. – Ладно. Но оплатишь в двойном размере.

– Да не вопрос! – тотчас воссиял тот и стремительно поднялся. – Поехали!

Н-да. И все-таки жутко интересно, что это за артефакт такой и сколько он стоит, если Адам даже не торгуется?

Квартира моего невольного партнера находилась в центре города. Дом, в котором он жил, оказался с подземной парковкой, мраморным холлом со множеством цветов и строгим консьержем в форменной одежде. В общем, ничего удивительного.

Так же не удивила и обстановка в квартире Адама: дорогая, под классическую старину мебель, хрустальные люстры, картины и напольные фарфоровые вазы. Все вполне ожидаемо для ведьмака с таким заработком, как у него. Поэтому, войдя в кабинет Адама, я с легкой растерянностью остановилась на пороге.

Это место разительно отличалось от всего остального!

Обстановка здесь была аскетичной, если не сказать минималистичной.

Серебристо-серые стены, вдоль которых тянулись стеллажи; заставленный колбами длинный стол, совершенно обычный, без изысков. Рядом — пара офисных кресел, а на потолке простой матовый плафон.

— Ты чего застыла? — обернувшись Адам вопросительно изогнул бровь.

— Я... такого не ожидала, — с запинкой все же призналась я. — Думала, тут тоже будет, ну-у...

— Вычурно? Помпезно? — Адам хмыкнул. Понимающе и одновременно с грустью. — Я не фанат барокко, Лен. Поэтому рабочий кабинет сделал так, чтобы просто было удобно.

— А квартира?

— Квартирой занимались родители. После их гибели я не стал ничего менять, решил оставить как память.

— Извини. — Я почувствовала себя неловко.

— Ничего, — голос Адама оставался спокоен. — Это давно было.

Он мотнул головой и направился к столу. Сама не знаю зачем, прикрыла ведущую в кабинет дверь и последовала за ним. Приблизившись же, удивилась снова, теперь уже от количества расставленных на столе ингредиентов. Да каких! Пусть я не ведьма и даже половины определить не могла, но те, какие узнавала, были жутко редкими и дорогими!

К примеру, ториум, или иначе «слезы гор». Серебристый, как ртуть, жидкий металл, который застывал лишь после аккумуляции магической энергии. Созданные из него артефакты считались самыми мощными. Однако достать этот металл было практически невозможно, поскольку выделялся он из горной породы лишь во время извержения вулкана и в очень малых количествах.

Или вот — роса четырехлистного клевера. Ее сверкающую ауру я узнала сразу, поскольку она использовалась в дорогущих омолаживающих зельях. Каждая капля этой росы ценилась на вес золота, а на столе Адама находилась почти половина пробирки! Даже если он собирал ее сам, обнаружив где-то такой клевер, — это должно было занять у ведьмака уйму времени!

Среди всего этого алхимического разнообразия крупный, зажатый в небольших настольных тисках бриллиант выглядел практически дешевкой.

— Что мне делать? — уточнила я, наблюдая за тем, как посерезневший Адам быстро расставляет колбы с пыльцой.

— Пока что просто сиди и жди, — откликнулся он. — Сначала сделаю кольцо, потом приготовлю активирующее зелье. И вот там, на последнем этапе, потребуется твоя кровь. Как раз перед тем, как ториум окончательно

застынет.

– Поняла. – Я кивнула и послушно села в кресло.

Адам же приступил к работе. Кропотливой, долгой и невероятно сложной, причем не только на обычном, физическом плане, но и на магическом. Что ж, теперь я поняла, за что ему платили безумные деньги, – мои знакомые ведьмы ему и в подметки не годились. Час за часом Адам сплетал энергии воедино, преобразовывал их одну за другой, действуя практически на максимуме дара, придавал им форму… и наконец кивком подозвал меня.

Видя, в каком он напряжении и насколько тяжело Адаму удерживать нестабильные еще потоки, я сама взяла заготовленную заранее иглу и наколола палец.

Серебристого ободка, подернутого радужной дымкой пыльцы фей, коснулись несколько капель моей крови. Ториум впитал их мгновенно, а затем резко вспыхнул и застыл. Бриллиантовое кольцо со звяканьем упало на стол.

Только после этого Адам позволил себе расслабиться и, опершись на край стола, прикрыл глаза. Даже в моем состоянии было видно, что выжат он почти досуха.

– Надеюсь, оно того стоило, – вполголоса пробормотала я.

– Что? – Он поднял на меня усталый взгляд.

– Я говорю, надеюсь, оно того стоило. Тебе же восстанавливаться теперь месяц, не меньше.

На губах Адама промелькнула слабая улыбка.

– Стоило, – произнес он. – Даже не обсуждается.

– Тогда поздравляю с успехом. – Я покосилась на окно, в котором уже виднелось заходящее солнце. – И, наверное, мне пора.

– Пора… – эхом повторил Адам и, в свою очередь, посмотрел в окно. Затем нахмурился, потер виски и неожиданно попросил: – Пожалуйста, Лен, давай сначала хотя бы поужинаем? Я чуть передохну и отвезу тебя домой.

И я почему-то не стала отказываться. Может, потому что видела – Адам и впрямь сильно устал. А может, потому что проголодалась. А может…

В общем, осталась я и вскоре уже с легкой завистью наблюдала, как ловко Адам готовит. Уверенные, даже несмотря на усталость, движения ведьмака указывали на то, что делает он это постоянно. А когда передо мной поставили буженину в брусличном соусе и я ее попробовала, то поняла: Адам – кулинар от Бога.

– Потрясающе вкусно, – искренне признала я.

– Я ж ведьмак, Лен, – он улыбнулся. – У нас рецептура на рефлексах вся. Мне что зелье, что еду приготовить – не проблема.

– Идеальный мужчина, – незлобно откомментировала я и вдруг поняла, что это действительно так.

Красивый, сильный, обеспеченный, уверенный в себе и умеющий готовить… у него хотя бы один недостаток есть вообще? Должен быть! Наверняка должен! О! Он бабник! Вот точно!

– Лен, ты на меня так обвиняюще смотришь, словно эту вилку в глаз воткнуть хочешь, – вкрадчиво произнес Адам.

Опомнившись, я хмыкнула и вернулась к ужину.

Ела медленно, с удовольствием и никуда не спеша. Почему-то, несмотря на внешний пафос и почти музейный лоск квартиры ведьмака, здесь было уютно. Да и сам Адам оказался приятным собеседником, веселым и при этом ненавязчивым. Так что когда ужин подошел к концу, за окном уже порядком стемнело.

– Ладно, спасибо за ужин и компанию, но мне действительно пора, – отставляя чашку, сказала я и встала.

– Конечно. – Адам кивнул и поднялся следом. – Пойдем. Отвезу домой, как обещал.

Мы вышли в коридор. Я повернулась в поисках оставленной где-то сумочки, но Адам, опередив, ловко водрузил тонкий ремешок на мое плечо. Горячие пальцы скользнули по руке и легонько сжали ладонь, неожиданно заставив сердце учащенно забиться. Невинное, казалось бы, прикосновение, бросило в дрожь, а кожа ощутила жар его тела.

– Спасибо тебе, – чуть хрипловато произнес Адам. – За помощь и за то, что осталась.

– Мелочи, – пробормотала я, поднимая на него глаза.

И столкнулась с голодным, жаждущим взглядом. Желание, отголоски которого я до этого момента лишь изредка ощущала, теперь пылало, ничем не сдерживаемое. Оно было настолько сильным, что от жаркой волны перехватило дыхание.

Я рефлекторно облизнула вмиг пересохшие губы… а в следующий миг их смяли, подчинили жестким, требовательным поцелуем. Поцелуем, не допускающим отказа. Сильные руки прошлись по моим плечам и притянули ближе, вплотную, позволяя ощутить мужское желание теперь и физически.

И я не выдержала. Остатки самоконтроля буквально смело прочь, заставляя отвечать, стонать, сдаваться под его натиском. Куда-то полетела

сумочка, куда-то делась одежда. А затем меня, как пушинку, подхватили на руки и, не прекращая бешено, неистово целовать, переместили в спальню.

Прохладная простыня, жар его сильного тела... собственный вскрик, и рассудок окончательно отступил, оставляя лишь единственную жажду – жажду этого мужчины.

Признаться, я даже не помнила, когда заснула. Очнулась, лишь когда за окном сияло утреннее солнце, а ощущение чего-то теплого и невероятно уютного под боком исчезло. Сонно прищутившись, я повернулась как раз в тот момент, когда Адам направился к выходу из спальни.

Ведьмак был полностью обнажен, что позволило наконец-то без помех оценить и тугие мышцы рук, и широту плеч, и узкие бедра... и, черт возьми, немалое количество свежих следов от ногтей на его спине. Моих ногтей!

«Это ж насколько мне вчера голову снесло? – мелькнула смущенная мысль. – Вот правильно говорят, длительное воздержание – зло...»

В этот момент, словно почувствовав мой взгляд, Адам обернулся и окинул меня чуть прищуренным взглядом.

– Проснулась? Извини, не хотел будить.

– А что хотел? – не удержалась от хулиганского вопроса я, заметив на его теле весьма отчетливую реакцию на себя.

На мгновение глаза Адама сверкнули ночным жаром. Однако в силе воли ведьмаку не откажешь: желание он подавил быстро.

– Для начала в душ и приготовить нам завтрак, – с улыбкой сообщил он. – А все остальное, что хочу, будет позже. И в несколько другой атмосфере.

– Даже так? Заинтригована. – Я посмотрела на Адама уже с любопытством. – И в какой же?

Вместо ответа мне весело подмигнули и сообщили:

– Скоро узнаешь. Жду на кухне.

Когда он ушел, я позволила себе еще с четверть часа просто поваляться в постели. После ночного марафона тело с непривычки ныло, да и душ был занят – куда торопиться? Встала, лишь когда услышала, что Адам вышел из ванной. Сообразила, что вещей моих в спальне практически нет, и шмыгнула в коридор. А уж оттуда, практически не глядя схватив с пола охапку этих самых вещей и даже не разобрав, где мои, а где Адама, переместилась в ванную. Не то чтобы я сильно смущалась ходить при нем обнаженной, но... но все равно стеснительно как-то. Я, в конце концов, не суккуб, а кандидат на звание «синего чулка».

В душе, впрочем, задерживаться тоже не стала. Так, ополоснулась быстро и потянулась к вещам. Уж очень заинтересовали меня слова ведьмака. Что он там еще придумал, интересно? Да и что бы ни придумал, повторить ночное безумство я бы точно не отказалась.

Не в силах сдержать улыбку, я оделась и задумчиво посмотрела на захваченные вспыхах Адамовы брюки. Он, конечно, наверняка уже в других, но не оставлять же эти в ванной?

«На кухне и вручу», – хмыкнула я и подхватила их с пола. Неудачно – из кармана брюк выпал какой-то небольшой белый прямоугольник.

Наклонившись, я подобрала бумагу, по инерции перевернула… и почувствовала, как сердце ухнуло куда-то в бездну.

Это была фотография. Точнее, ее часть, отрезанная от какой-то большой, с торжественной части свадебной церемонии. И на этой фотографии брачующихся поздравляла я!

Но не это было самым жутким. Осознание всего кошмара пришло, когда я вспомнила эту свадьбу. Да, я помнила ее, потому что тогда мне редкостно повезло немного подпитаться силой.

Этой фотографии было два года.

Я бросила растерянный, испуганный взгляд на закрытую дверь ванной. Так получается, этот тип целых два года за мной следит?!

«Бежать отсюда! – молнией панически мелькнуло в голове. – Бежать! Немедленно! Противопоставить ведьмаку такого уровня, как он, мне без магии нечего!»

Резко распахнув дверь, я выскочила в коридор.

И почти столкнулась с выходившим из кабинета Адамом.

– Ты быстро… – Один брошенный на меня взгляд, и Адам осекся.

Дураком он не был и, похоже, сразу сообразил, что произошло. Так что едва я попыталась рвануться к выходу из квартиры, была тотчас перехвачена.

– Лена! Лена, ты все не так поняла!

О, еще как поняла! Маньяк! Почему, почему у меня нет магии?! Вот сейчас она нужна как никогда!

– Выпусти меня! – Я забилась в его руках. – Отпусти!

– Сначала дай мне возможность объяснить!

– Ты следил за мной! Следил, чертов извращенец, целых два года! Чего тут объяснять?!

– Лена…

– Лжец! Маньяк! Ненави…

– Молчать!

Принуждение ведьмака хлестнуло волной, заставив задохнуться на середине слова и обреченно застыть.

– Прости. Прости, Лен, – нервно произнес Адам. – Пожалуйста, ты должна меня выслушать, хорошо? Клянусь, если ты потом захочешь уйти, я не буду тебя удерживать.

Не верю. Но разве у меня есть выбор?

Со страхом, молча уставилась на него, выражая готовность слушать.

– Я действительно увидел тебя два года назад на свадьбе друга. Даже несмотря на отсутствие крыльев, ты в тот момент сияла. У тебя была такая улыбка... Я видел, что ты не обычный человек, поэтому, прежде чем подойти и познакомиться, решил узнать о тебе побольше. Вот только узнав, что ты Белая фея, понял, что шансов у меня на что-то серьезное нет. Ведь вы избегаете связей и привязанностей до последнего. – Он грустно усмехнулся, а во взгляде промелькнула боль. – Однако, даже осознав это, смириться я не мог. Не мог находиться от тебя вдали и не мог видеть, как ты тускнеешь день ото дня. Я хотел видеть тебя сияющей, хотел... тебя. Всю тебя. Поэтому начал перебирать возможности, искать выход. И, потратив два года, нашел.

Адам быстро вытащил что-то из кармана, а затем протянул мне раскрытую ладонь с тем самым кольцом.

– Артефакт позволяет подпитываться магией от любого источника тех фей, которые дали свою пыльцу связанному с ним кровью хозяину. Тебе, Лена.

– Что? – мой голос как-то разом осип.

Страх, злость, паника – все как-то разом ушло, оставив только шок.

– Я сделал его для тебя.

– Но... но...

Слова кончились совсем, и я лишь молча, не веря, что все это происходит на самом деле, смотрела на Адама. А тот вдруг улыбнулся, осторожно взял мою разом ослабевшую руку и, поцеловав кончики пальцев, надел кольцо на безымянный.

И мир резко, разом вспыхнул красками!

Мой резерв в мгновение ока заполнился силой. Полностью, до последней капли, как никогда в жизни до этого!

Адам не солгал. Этот безумно дорогой, безумно редкий, невозможный артефакт действительно был создан для меня. От осознания этого во мне всколыхнулась целая буря чувств.

– Почему ты не сказал об этом сразу? – прошептала я. – Зачем надо было все это скрывать?

– Потому что твоя кровь в момент передачи артефакту должна была быть свободна от лишних эмоций, – прозвучало в ответ. – Скажи я раньше, ты испытывала бы как минимум благодарность, и артефакт был бы привязан и ко мне как к создателю. А я хотел, чтобы он отдавал силу только тебе. Полностью. Потому что я люблю тебя. Я очень тебя люблю.

И я видела, что это действительно так. Чувствовала в его ауре. Читала во взгляде то, что Адам до этого момента так тщательно скрывал.

А потом... потом почему-то стало трудно дышать и в глазах появилось что-то влажное, и...

– Лена, милая, только не плачь. Я хотел все рассказать тебе сегодня, за завтраком. Не хотел пугать, слова подбирал... Ну не плачь, родная, не надо...

Тихий шепот и обнимающие меня сильные, горячие руки. Его руки.

Глубокий вздох и целующие меня нежные, ласкающие, собирающие слезы губы. Его губы.

Губы, которым я не могла не ответить. Потому что любовь бывает разной: с дружбой, увлечением, привязанностью, нежностью, страстью и всевозможными комбинациями этих чувств. И Адам сделал все, чтобы по отношению к нему я испытала их все.

Милена Завойчинская

Попалась, птичка!

– Ксюнь, ты понимаешь, о чем просишь? – обреченно уставилась я на дорогую подругу.

– Карин, ну тебе жалко, что ли? – проныла она.

Этот бессмысленный разговор длился уже минут пятнадцать. Ксюшка уговаривала меня пойти с ней на свидание с одним из первых красавцев института, великолепным и потрясающим Алексом (характеристики не мои, Ксюхины). Я упиралась и не соглашалась, ибо третий – лишний.

– Карин, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! А с меня коробка твоих любимых марципанов. – Она молитвенно сложила ладошки перед грудью. – Ну боюсь я его. Он вон какой! Образованный, эрудированный и все такое. А я? О чем я с ним разговаривать буду?

– А я?! О чем с ним разговаривать буду я, если на свидание он позвал тебя? – совершенно справедливо возмутилась я.

– А ты умная! Ты будешь развлекать его беседой, а я все остальное, – колыхнула она бюстом, чуть ли не вываливающимся из блузки.

– Нижнюю пуговку все-таки застегни, – прокомментировала я, оценив открывающийся вид. – И коробка марципанов!

– У-ра! – шепотом возликовала подруга и бросилась к шкафу. – Карочка, вот эту толстовку и джинсики!

Я закатила глаза, натянула толстовку с черепом, держащим в зубах веточку конопли, и верные джинсы. На фоне разряженной как куколка Ксюхи смотрелась я... Ну... скажем так – оригинально.

Правда, под моей курткой и ее пальто разница была не так видна.

Алекса я, разумеется, знала. Нет, не лично, поскольку он учился на другом факультете и был на два года старше нас с Ксюхой. Но кто же не знает Алекса Князева? Трудно не заметить высокого спортивного парня с густыми каштановыми волосами и модной стрижкой, со светло-карими, почти желтыми глазами (понимаете, как сводит с ума девушек этот контраст, да?). К тому же он был из весьма обеспеченной семьи, модно и дорого одевался и ездил на роскошной красной машине. Плюс звучная фамилия, которую народ незамедлительно переделал в прозвище – Князь.

Меня тоже не минула стороной пагубная девичья особенность западать на крутых парней, и я почти год молча сохла по нему. Потом, правда, мозги встали на место, и я успокоилась. Дурочкой никогда не была, а потому четко понимала, что Солнце и Земля хоть и находятся практически рядом, но их пути никогда не пересекаются.

И тут вот «Солнце» вдруг заметило мою хрупкую подругу и приударило за ней.

Мы с Ксюхой подъехали к нужному месту, вывалились из метро и сразу же увидели красную машину Князева, припаркованную на стоянке у кинотеатра. Не знаю, почему он не забрал на своем авто девушку прямо из

дома, но вот так. Хотя нет, я подозреваю почему. Потому что Ксюха трусила и боялась идти одна, ей нужна была группа поддержки в моем «умном» лице. Оттого и примчалась она в мою квартирку и убила кучу времени на личные уговоры, зная, что по телефону я не поддамся на эту идиотскую авантюру. Потому и в кино мы с ней поехали на метро.

– Ксения, – расцвел профессиональной улыбкой соблазнителя Князь и отлепился от капота своего автомобиля, завидев нас. – Ты пунктуальна.

– Привет, – зарделась она и прощебетала: – Алекс, а это моя подруга. Ты наверняка видел ее в институте. Ей тоже очень хотелось посмотреть этот фильм, и я позвала ее с нами. Ты ведь не против?

– А имя у подруги есть? – хмыкнул парень, рассматривая череп на моей толстовке, так как я упарились в метро и расстегнула куртку.

– Карина. Карина Соколова, – представилась я, так как впавшая в экстаз от близости предмета обожания Ксюха была явно не в себе. – Что за фильм-то? А то я так хочу его посмотреть, что аж название забыла.

Алекс второй раз хмыкнул, но комментировать мой маленький бунт не стал. Оттопырил обе руки, предлагая их нам, и позвал:

– Идемте, барышни. А то опоздаем.

Барышни покорно уцепились за предложенные локти, упрятанные в черную кожаную косуху, и пошагали в сопровождении кавалера к кинотеатру.

Алекс направился к кассе, а я притормозила, рассматривая афиши. Так-так. Мелодрама, триллер, космическая фантастика. О-о-о! Вот это совсем другой разговор!

Подхватив Ксюшку за руку, я быстро подтащила ее окошку кассы и протараторила, удерживая парня от покупки:

– Так какой фильм?

– Э-э... – Он поднял голову, глянул на афишу и прочел: – «Поцелуй под цветущей сакурой». Да, Ксения? Ты же про него говорила?

Я дернула щекой и покосилась на подругу. Та виновато улыбнулась и пожала плечами. Ну, Ксюха!

– Так вы берете? – недовольно поторопила нас кассирша.

– Да-да! – отозвалась я. – Девушка, два билета на «Поцелуй под деревом» и один на «Орион в огне», пожалуйста.

Подождала, пока на лоток лягут билеты, быстро схватила тот, что на космическую фантастику, и отошла, волоча за собой на буксире возмущенно сопящую подругу.

– Ксюнь, я тебя очень люблю. И если ты хочешь, чтобы и дальше любила, не заставляй меня смотреть на этот... под сакурой.

– А как же? – пробормотала она.

– Вам не придется разговаривать! Смотрите кино и ешьте попкорн. Можешь держать его за ручку. Встретимся после сеанса здесь же!

Тут как раз подошел усмехающийся Князев с тремя стаканчиками воздушной кукурузы. Один он молча протянул мне.

– Спасибо! – поблагодарила я его. – Ребят, приятного вам просмотра. Ксюнечка, спасибо, что взяла меня с собой. Я ужасно хотела посмотреть этот фильм!

Подруга кисло улыбнулась, но тут же расцвела, когда ее приобнял за плечи красавец-мужчина.

Уже входя в свой зал, куда стремились подростки разных мастей и возрастов, а также гогочущие парни, я оглянулась. Перед дверью зала, в котором проходил сеанс мелодрамы, притормозили Ксюша и Алекс. Он галантно пропускал ее вперед, а сам с завистью смотрел в мою сторону.

Ну прости, чувак! Твоя девушки обожает любовные романы и мелодрамы. Прикусив губу, чтобы не улыбнуться, я нырнула в зал.

Спустя положенные часы я выпала из зала вместе с тремя пацанами-старшеклассниками, сидевшими рядом со мной. Один из них оказался тот еще кадр. Он умудрялся в самые пиковые моменты комментировать происходящее. Голос у него был ломающийся и громкий, моменты он выбирал так удачно, что слышно его было всем соседям, а чувство юмора у парнишки было отменное, следовательно... Мы нахогохтались просто до слез. И я, и двое его друзей уже дышали с трудом. И это притом, что фильм-то ведь был отнюдь не комедийный, а все как надо. Взрывы, отважные астронавты, телепортация, метеоритные дожди и злые инопланетяне...

Но, боже мой, как же было смешно от комментариев юного дарования!

– Пока, Кара! – улыбаясь во весь рот, хлопнул меня по плечу главный юморист. – Стучись в скайп, договоримся.

– Кара! – отсалютовали мне его друзья и подставили кулаки, в которые я тихонько стукнула своим.

– Счастливо, ребята. Спишемся, – кивнула я им и поспешила к Ксении и Алексу. Они уже вышли из своего зала и дожидались меня.

– И что это было? – заинтересовался Князев. – Соколова, это твои друзья?

– Что? – проводила я взглядом удаляющихся старшеклассников. – Не-е, в зале разговорились, пока хотели и обсуждали фильм. Хорошие мальчишки. Обещали мне прислать несколько музыкальных композиций в хорошем качестве.

– Хохотали? – удивилась Ксюня. – Ты разве не на космический боевик ходила?

– Э-э, ну да. Но было ужасно смешно, – отмахнулась я.

Следующим по программе у Ксюхиного кавалера было посещение ресторана, где он планировал свою девушку накормить. В мои же планы это совершенно не входило, так как позволить ему платить за себя я не могла – некрасиво это, он ведь не рассчитывал на мое явление. И так уж пришлось ему раскошелиться на билет и попкорн для меня. А ресторан, в который он собирался везти Крюшку, ну и балласт в моем лице, я не потянула бы. Максимум – стакан воды из-под крана.

– Князев, а ты любишь кофе? Я угощаю, – влезла я в разговор. – В ресторан я с вами не поеду, но хочу отплатить за кино.

– Кофе? – поднял брови парень и взглянул на свою спутницу.

– Ксюнь, по чашечке кофе? – активно заморгала я, намекая ей, чтобы не спорила.

Привезла я их в итоге в совершенно неказистое местечко, расположенное в подвале. Выглядело оно снаружи словно настоящий бомжатник, но это для непосвященных. А вот внутри располагалось малюсенькое кафе, где кроме приготовленного на раскаленном песке изумительнейшего, божественного кофе со специями можно было еще продегустировать разные восточные сладости.

– Дядя Озгюр, – окликнула я пожилого толстяка, любезно беседующего с кем-то из постоянных посетителей. Других тут и не бывало. Это место только для своих, для посвященных. Посторонним просто в голову не приходило, что за обшарпанной дверью в подвал скрывается рай для любителей кофе.

– А, Кара. Здравствуй, дорогая. Ты сегодня с друзьями? – поспешил нам навстречу старинный знакомый моей бабушки, турок, когда-то приехавший в Россию, да так и осевший тут, покоренный золотыми косами и синими глазами тети Светланы. Он даже свой акцент уже потерял, столько лет прожил тут, в северном kraю. Лишь гортанный говор сохранил.

– Да, – поцеловала я его в щеку. – Дядя Озгюр, нам три кофе, пожалуйста. Мне как обычно, а ребятам озвучь свои колдовские варианты. Я не знаю, что они выберут.

– Проходите, дорогие. Что вы любите? Корицу? Мускат? Кориандр? Или с щепоткой соли? Или желаете перца, распаляющего страсть в сердце?

– Не надо перца! – испугалась Крюшка, переступая на своих высоченных каблуках.

– А что предпочитает Карина? – с энтузиазмом экспериментатора спросил Князев, с интересом оглядываясь по сторонам.

– О, Кара знает толк в настоящем кофе. Правда, дорогая? – заулыбался старый турок. – Пахлаву нужно?

– А как же! – кивнула я. – Дядя Озгюр, Ксении с корицей и каплей мускатного. Он мягкий, ей понравится.

– А мне давайте, как Каре, – опередил меня Князев. – Интересно ведь.

Уже за ароматным густым кофе в крохотных чашечках и тающей во рту медовой пахлавой пришло время для разговора. Ксения беседу поддерживала с трудом. Просто смотрела влюбленными глазами на Алекса и моргала в нужных местах. А вот у нас с ним не только нашлась тема для разговора. Мы умудрились поцапаться.

– Да нет же! Князев, ты вообще историю учили в школе? – выпалила я. – Это было совершенно в другом году и совершенно не так.

– А мы сейчас проверим! – огрызнулся он и достал смартфон. – Сейчас Гугл нам все скажет.

– Ну и? – спросила я спустя пару минут. У меня телефон был самый примитивный, отнюдь не смартфон, так что я могла только звонить и отправлять и получать короткие эсэмэски, длинные он уже не мог поддерживать. О возможности войти с моего мобильника в Интернет и речи не велось.

– Ты была права, – неохотно признал кавалер Ксении.

– А давайте мы... – робко вклинилась она.

– Погоди, Ксюш, – положил он ладонь на ее ручку. – Но откуда же тогда?..

И наш спор пошел по второму кругу. Только теперь мы ушли в такие дебри, что их точно не знал тот, кто не интересуется историей. И опять я была права. Ага, Гугл подтвердил. Князев злился, моя подруга скучала...

– Ой, ребята, я вас совсем заговорила, – повинилась я, оценив скорбный вид всеми забытой девушки. – Вы же в ресторан собирались. А я мало того что увезла вас пить кофе, так еще совсем болтала. Ксюш, вы езжайте, развлекайтесь, а мне пора.

– Да, конечно! – встрепенулась она, выбираясь из-за столика.

Уже вечером мы пообщались с ней по скайпу. Ресторан был восхитителен, еда была нектаром и амброзией, ее спутник был ангелом... Ну, вы поняли. Правда, вел он себя молчаливо и задумчиво. Но я честно отработала свою коробочку марципана, о чем и заявила:

– Вот видишь! Я сделала все, как ты хотела. Так заморочила его, что после меня он мог только смотреть на тебя и восхищаться, какая ты

красивая, тихая и не споришь с ним.

Ксюшка прыснула со смеху и сказала, что привезет марципан завтра в институт.

А через два дня история повторилась.

– Ксюша, нет! Не поеду!

– Ну, Карочка. Пожалуйста! Можно не на весь вечер. Ты только отвлеки его, заговори ему зубы, чтобы он устал от бесед, а уж потом я сама.

– Гр-р-р!

– Свитерок вот этот! – в меня полетела черная водолазка, выуженная из шкафа. – И джинсики!

Ну да, логично. В чем еще быть дуэнье, если принцесса наряжена в персиковую кофточку и короткую джинсовую юбочку?

Впрочем, на мой взгляд, заставлять меня одеваться скромно и неприметно было излишне. Я и так не конкурентка ей. Моя подруга – миниатюрная стройная блондинка (крашеная, но разве это важно?) с модной стрижкой, которая ей очень идет, с кроткими голубыми глазами, фарфоровым лицом и щедро одарена природой в бюсте. А я довольно высокая для девушки, и волосы у меня обычные, прямые, светло-русые и длинные. Но так как с распущенными мне неудобно (слишком уж их много и по объему, и по длине), я их заплетаю в примитивную косу. И глаза у меня самые банальные, как и у многих девушек славянского типажа, – серые с легкой зеленцой. Короче, если Ксения – сказочная эльфа, я – мышь серая обыкновенная. Не уродина отнюдь, но и не воздушное неземное создание.

Ну, что сказать? Алекс, вероятно, был счастлив снова меня видеть на свидании с его девушкой.

– Соколова! – скривился он.

– Князев! – улыбнулась я в ответ.

Сегодня по программе у них было посещение клуба, одновременно бара, одновременно модного места. Мы заняли столик, Ксюшка выбрала коктейль «Космополитен», Алекс – «Лонг-Айленд», так как сегодня он был без машины, а приземленная и невозвышенная я – пиво. Оно дешевле, да. Все же я – третий лишний, в том числе и по финансовым соображениям.

И что самое смешное, мы опять поцарапались с Князевым. Но в этот вечер причиной разногласия была астрономия. Нет, ну он совсем дурак?

– Князев, ты хоть немного читаешь что-нибудь? Как можно не знать про черные дыры, что они не только поглощают звездный ветер, но и испаряются?

– Что за ересь, Соколова? – поднял он брови.

– Сам ты ересь. Излучение Хокинга было открыто еще в прошлом веке. Согласно ему, со временем черная дыра может отдать всю свою массу в окружающее пространство вместе с этим излучением и затем исчезнуть.

– Ну, допустим...

Ксюше, наверное, было неинтересно слушать нас, но я отрабатывала свой дружеский долг. После занудной меня он будет богохвальствовать ее. Помоему, я вообще была тут лишней, но подруга отчего-то свято верила в свою «гениальную» идею и заставляла меня ходить с ними.

Слава богу, в разговоре наступила пауза, Алекс отвлекся на свою девушку, а мне удалось удрать к барной стойке. Там как раз транслировали чемпионат мира по футболу. В записи, разумеется, но разве это важно? Тем более что я эту игру не видела. Нет, я не была фанаткой этого вида спорта, просто изредка могла посмотреть какой-то хороший матч, если больше нечем было заняться. Но совесть-то нужно иметь? Все же у ребят свидание, а тут я... Лучше уж полюбоваться на спортивных мужиков, бегающих по полю в шортах и самозабвенно пинающих мяч. К тому же я разговорилась на почве футбола с сидящими за барной стойкой тремя мужчинами. Вот они как раз были ярыми фанатами и болельщиками. Ну а я за компанию с ними...

Мы даже поспорили, кто победит. Не на деньги, конечно, а на фисташки из стоявшей на стойке вазочки. Мы честно разделили их между собой и сделали ставки. Бармен над нами обсмеялся и даже поучаствовал в тотализаторе, выставив со своей стороны не орехи, а пообещав подлить бесплатно пива победившему. Я не выиграла спор, ибо поставила не на ту команду, но пива мне все равно дали как единственной девушке. Было приятно.

За столик я вернулась не скоро, но ужасно довольная.

– Кто играл, Соколова? И какой счет? – поинтересовался Князев.

– Уэльс – Бельгия. Три: один, – отчиталась я, ныряя за стол и оценивая припухшие от поцелуев губы подруги. – Ребят, мне пора. Князев, спасибо за пиво и компанию. Ксюш, созвонимся.

– Карин, погоди. А о чем ты с теми мужиками в баре говорила? Вы так заразительно смеялись и что-то двигали по стойке, – полюбопытствовала подруга.

– А? – смущалась я, поняв, что за мной наблюдали. – Мы просто делали ставки на фисташки, кто победит: Уэльс или Бельгия.

– Ты их знаешь, что ли? – выпянулось у нее лицо.

– Не-а, просто какие-то левые люди. Но тоже смотрели матч, –

рассмеялась я. – Все, ребята. Веселитесь, а мне нужно ехать.

Последующие свидания Ксении и Алекса проходили примерно так же. Меня с боем, чуть ли не за шкирку Ксения утаскивала из квартиры. Когда подкупом, когда угрозами, а когда и бессовестным шантажом заставляя присутствовать на их встречах и развлекать парня беседами, пока она блестала. В принципе я смирилась, к тому же марципан очень люблю, а денег на него нет. Но все равно пыталась донести до мозга подруги, что это ненормально.

– Карин, ну я не готова пока с ним... То есть он мне очень нравится, и я хочу, но боюсь, – призналась она наконец. – А после того как вы поцарапаетесь, он уже и не думает ни о чем большем... Мы просто сидим где-то в кафе или ресторане, едим, держимся за руки и молчим.

– Высокие отношения! – закатила я глаза.

Самое смешное заключалось в том, что мы с Князевым все время умудрялись зацепиться языками и спорить до хрипоты о каких-то фактах и событиях. Периодически оказывалась права я, и тогда он смешно злился, но частенько именно у него были более достоверные сведения о предмете спора. Я из-за этого отнюдь не расстраивалась, наоборот, радовалась, что узнала что-то новое.

А еще у нас с ним отчего-то не задалось с именами. Я его упорно величала Князевым, а он никогда не называл меня ни Карина, ни Кара. Все очень строго и официально: Князев и Соколова. Ксению это веселило, но заставлять нас общаться менее претенциозно она не пыталась.

Переломным моментом в этой затянувшейся идиотской истории со свиданиями втроем послужило то, что я случайно подслушала разговор Алекса с кем-то по телефону. Он в самом начале, как только мы сели за стол, отлучился, чтобы побеседовать с кем-то позвонившим, а я отправилась в туалет. Ну и случайно...

– Да она меня бесит так, что я уже едва держу себя в руках. Таскается с нами на каждое свидание. Причем умудряется так довести меня, что потом никакого настроения, – мрачно сообщил он кому-то.

Из трубки донеслось неразборчивое бормотание его собеседника, но слов я не разобрала.

– Да я говорил Ксении, но она лепечет, что не может бросить лучшую подругу. Думаешь? Ну не хотелось бы хамить. Она в целом адекватная, сидит с нами не до конца и никогда не ездит в ресторан, если я приглашаю Ксению. Сегодня вот впервые, и то потому, что мы сразу сюда отправились.

Погода вон какая... Обычно она всегда уходит примерно в середине свидания. Что? Ну это чересчур радикально! До такого я не опущусь. Мм? Не знаю. Ладно, поговорю с Ксенией еще раз и попрошу. Давай, удачи.

Я быстро проскользнула незамеченной, в туалете мрачно полюбовалась своим отражением в зеркале, написала самой себе эсэмэску и быстро выключила телефон, чтобы получить ее позднее. С современными смартфонами и мгновенной передачей данных подобное не прокатило бы, но моя древняя модель позволяла такие финты с небольшой задержкой.

Вернулась к Ксюше и Алексу, поковырялась в сумочке, озадачилась, что у меня выключен мобильник, включила его. После чего честно получила сообщение, засобиралась, заторопилась по невероятно важным делам и сбежала.

Уж не знаю, как там у них все прошло. Скайп я не стала включать, так что, звонила ли Ксюшка, не знаю. В институте она виновато отводила глаза, но ничего не говорила, а я и подавно. Но с того дня у меня появилась масса неотложных дел и строгое расписание. Я записалась на курсы, зачастила в институтский спортзал и вообще была дико занята. Причем так, чтобы у Ксении и мысли не появилось позвать меня снова (не дай бог!) или заподозрить в саботаже.

«Я занята! Все по-честному, видишь? Вот, даже в ежедневнике записано!»

Три недели счастья без общения с Князевым пролетели незаметно. И вот тут-то начались странности. Мы стали постоянно натыкаться на него в институте. Причем в самых неподходящих местах. В библиотеке, в столовой, в коридорах, хотя точно знаю, что у его факультета эти предметы уже пройдены и ему тут делать нечего. Сначала я подумала, что он следует за Ксюшкой. Да и она радовалась, ведь они вроде как официально встречаются. Я ему скромно кивала, бросала: «Привет» – и уходила, оставляя парочку наедине.

Заезжала я к дяде Озгюру выпить кофе, и он огорошил меня, что мой знакомый, которого я приводила вместе со своей подругой, теперь тут постоянный клиент. Он перепробовал все варианты кофе, которые ему мог предложить радушный хозяин. Выбрал Алекс для себя три, один из них по тому рецепту, что и мне нравится. И еще он все время спрашивал обо мне, давно ли появлялась, не планирую ли сегодня заехать?

Потом вообще непонятная ситуация случилась. Я задержалась, а Ксения ушла уже давно. Выйдя из дверей института, увидела подпирающего свою машину Алекса. Его уже основательно припороли

снежком, но он упорно кого-то дожидался, не прячась в салоне. Наверное, боялся пропустить. Я оценила снегопад, неожиданно засыпавший город, хотя еще только ноябрь, и заторопилась в сторону метро.

– Соколова! – крикнул Князев, заметив меня.

– Привет, – обреченно остановилась я и повернулась к нему. – Ты Ксюшу ждешь? Она уже уехала, причем давно.

– Да? – как-то неискренне удивился он. – Жаль, хотел подвезти ее. Погода сегодня...

– Угу. Погода... Ты ей позвони, она наверняка уже дома. Пока! – поправив лямки рюкзака и натянув поглубже капюшон пуховика, я развернулась и пошла вперед.

– Соколова!

– Гrr, – тихонечко под нос прорычала я и обернулась. – Что?

– Давай подвезу, раз уж все равно Ксении нет, а с тобой столкнулся.

– Спасибо, Князев, не нужно. – Я вежливо улыбнулась. – В такой снегопад точно где-то застрянем в пробке. Я на метро быстрее доеду.

– А от метро потом на автобусе не застрянем? Соколова, хватит ломаться! – разозлился он.

– Князев, правда, не нужно. Мой дом от метро в трех минутах ходьбы. Мне на подземном транспорте намного быстрее и удобнее ездить. Это не потому, что я чего-то там...

– Ну как знаешь! – отчего-то психанул он, развернулся, чуть ли не бегом побежал к своей машине и нырнул в салон.

Я пожала плечами и заторопилась домой. И чего злиться? Квартира, доставшаяся мне от бабушки, и правда находится рядом с метро. Центр ведь, там все близко. Это в спальных районах нужно на оленевых упряжках добираться от метро до своего жилища. Иначе с какой стати Ксюшка у меня постоянно паслась бы? Да, квартира однокомнатная, требующая ремонта и основательной смены мебели, зато в самом сердце города. К тому же, несмотря на то что комната всего одна, она огромная. Я вообще подозревала, что раньше это была «двушка», но потом перегородку зачем-то снесли и объединили жилое пространство, поскольку окон имелось два и с такими подоконниками, что на них можно сидеть, как на диване. А кухня почти пятнадцать метров. Мне одной места более чем хватало.

Из дома я позвонила подруге и рассказала, что ее ждал бойфренд. Только вот отреагировала она как-то без энтузиазма.

– Вы поссорились, что ли? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, не поссорились, – покачала она головой. – Только... Он такой скучный. Я не понимаю и половины вещей, о которых он говорит. А он

видит, что мне это неинтересно, и замолкает. В итоге сидим, как два дурака, и молчим. Ну, еще целуемся...

– Н-ну... Ты же знала, какой он.

– Знала, но я думала, что рядом со мной он забудет все эти свои глупые заумные штуки, – рассердилась она. – С ним сидит красивая девушка, а он про теорию относительности и прочую всякую хрень говорит. Мне же неинтересно! В кино вот позвал. Я думала, мы снова какую-нибудь мелодраму посмотрим, а он меня потащил на «Орион в огне»! Вообще не понимаю, и чего ты так впечатлилась в тот раз? Тупой блокбастер. Всё взрывается, все стреляют... А ему понравилось. Может, сходишь со мной на свидание еще, а? Карин, ты с ним умудряешься говорить на одном языке, а мне можно только улыбаться и обнимать его. Пойдем, а? Он тоже тебя несколько раз звал, велел передавать, что приглашает с нами.

– Ксюнь, извини, но нет. Разбирайся со своим парнем сама! – отрезала я. – Меня в свои отношения не впутывайте.

– Да нет у нас никаких отношений, – вздохнула она. – Я-то думала... А он! Надоел он мне. Потерплю еще немного, а если все так и дальше пойдет, то пошлю его к черту. Пусть ищет себе другую дурочку, которая согласится беседовать с ним о теории черных дыр. Ой! – дошло до нее после моего многозначительного хмыканья. – Я не тебя имела в виду, Карин. Ты же умная, а я про... Ну, ты поняла.

Я рассмеялась, велела ей не вешать нос и попрощалась. Ну это ж надо? Найдет дурочку, готовую слушать про теорию черных дыр. Очень интересная тема, между прочим. Я, в отличие от родителей, страстных историков и археологов, однажды погибших в экспедиции под селем, интересовалась не только историей, но и многими другими вещами. В этом плане я пошла в бабушку. Она у меня была образованной и разносторонней женщиной, читавшей не только научную литературу, но и эзотерическую. Я вот книги Елены Блаватской осилить вряд ли смогу, а она их чуть ли не цитировала. И искренне верила в магию. Как это не противоречило ее научному складу ума, я не знаю. Загадочная она у меня была, и мне ее очень не хватает. Родители погибли, когда мне было всего семь лет, и именно бабушка по материнской линии меня воспитала. И по завещанию оставила эту квартиру, в которой мы и жили все последние годы.

На следующий день прямо с утра я опять столкнулась с Князевым. Он поджидал кого-то в холле института. Увидев меня, кивнул и даже сделал шаг в мою сторону, но тут сзади на меня налетела румяная с морозца Ксюшка, ввалившаяся в двери.

– Каринка, привет. Здорово, что ты еще тут. Ой, Алекс, и тебе привет! – заметила она своего парня. – Кара, ты иди, я догоню.

Я улыбнулась и отправилась в гардероб. Только немножко удивилась недовольной физиономии Князева, когда он увидел свою девушку.

Незаметно пролетели пары, мы с подругой спустились в холл, и тут нас настиг Алекс.

– Девушки, вы уже освободились? – лучезарно улыбнулся он. – Тогда я вас приглашаю.

– Куда? – оживилась Ксения.

– В планетарий. Поторопитесь, быстро доедем, пока снегопад не начался.

– В планета-а-арий? – разочарованно протянула она. Но потом, вероятно, вспомнила, что там темно и можно незаметно целоваться, и оживилась: – Карин, ты с нами? Ты же давно хотела посетить это место, я помню, ты мне говорила.

Боюсь, душевые страдания отразились на моем лице. В планетарий очень хотелось, но билеты были дорогими, а мне нужно финансы экономить. Я не бедствовала, так как бабушка оставила небольшое наследство, но деньги я распределила по месяцам и старалась не вылезать из бюджета, так как приходилось на них не только жить, но и оплачивать коммунальные платежи. Так что я отнюдь не шиковала.

Планетарий... Но у ребят свидание, а Князев меня и так с трудом терпел в те разы, когда я по настоянию Ксюшки с ними ездила. Нет, не буду обламывать им кайф. И тут на мою удачу мне пришла эсэмэска. Я украдкой выдохнула с облегчением, открыла свой телефон-раскладушку, прочитала сообщение и с чистой совестью произнесла:

– Князев, спасибо за приглашение. Ксюш, вы езжайте, а я не могу. Неожиданно возникли обстоятельства, и я должна...

– Соколова! Как же ты достала уже! Сколько можно выпендриваться?! – разъярился вдруг парень, вырвал у меня из рук мобильник и со всей дури шваркнул им об стену.

Телефон жалобно тренькнул и разлетелся на запчасти, а мы с подругой буквально онемели. Проглотив рвущиеся с языка ругательства, я присела на корточки и принялась собирать обломки аппарата. Подобрала сим-карту, которая от удара умудрилась вылететь из гнезда, собрала все прочие кусочки и молча ссыпала все в карман. Телефон был, конечно, дешевенький, но на новый (даже из этой же ценовой категории) у меня в этом месяце денег нет. Все траты строго распланированы. Придется какое-то время просуществовать без мобильной связи.

– Алекс, это что сейчас было? – прорезался голос у Ксении. – Ты с ума сошел?!

Я кивнула подруге, развернулась и пошла прочь, не говоря ни слова. Мне вот тоже интересно, что это такое сейчас было? Князев вообще спятил? Но говорить ему что-либо я поостереглась. А то ведь наору как бешеная, а потом сама же буду сожалеть о своей несдержанности.

Ксения связалась со мной по скайпу вечером. Сначала долго мялась и спрашивала, сильно ли я на нее обиделась, что она не отправилась за мной, а осталась с Алексом. А потом огорчила:

– А мы с ним расстались.

– Да ладно?! Почему? Он же тебе так нравился. И что? Как все прошло?

– Ну… Я ему сказала, что у нас ничего не выйдет. Объяснила, что мы очень разные, и всё такое, – потупилась подруга.

– А он? – хмыкнула я и откусила от печеньки.

– А он выслушал, сказал, что я милая и замечательная, но он понимает, что мне с ним скучно. Потом отвез в кофейню, угостил вкусным десертом. Затем остановился возле цветочного магазина, попросил подождать в машине и притащил оттуда огромный букет роз. Смотри какой, – повернула она планшет так, чтобы охапка цветов появилась на экране. Я оценила. Там штук тридцать, наверное, было. – Во-о-т. Ну и мы договорились, что останемся друзьями.

– Высокие отношения, – повторилась я и рассмеялась.

– Да. Он хороший, очень. Только скучный до невозможности. Я сначала боялась, что он скандал закатит, преследовать начнет. А он оказался вменяемый. Даже не знаю, чего его сегодня так шизануло на твоем мобильнике. Он, кстати, извинялся. Сказал, что непременно возместит тебе ущерб.

– Да ну его! – отмахнулась я. – В следующем месяце куплю другой.

А наутро меня в холле поджидал… Угадайте кто?

– Соколова! – решительно направился ко мне парень.

– Князев! – скривилась я и принялась высматривать пути к отступлению.

– Соколова, ты извини за вчерашнее. Сам не знаю, чего меня так накрыло, – взъерошил он волосы и виновато улыбнулся. – Я вообще-то не псих, просто так получилось.

– М-м-угу, – промычала я и сделала шагок в сторону гардероба.

– Да погоди ты, Соколова! – остановил он меня. Залез в рюкзак,

вытащил из него коробку и сунул мне. – Это вместо того, что я расколотил. Отказа не приму! Сам дурак, а за дурость надо расплачиваться.

Я посмотрела на коробку, оказавшуюся у меня в руках, и распахнула глаза.

– Князев, то, что ты вчера разбил, стоило дешевле этого раз примерно вдвадцать. Ты совсем ку-ку?

– Ну, вероятно, совсем, раз кидаюсь на людей и порчу их вещи, – пожал он плечами. – Ну что, Соколова, мир? Кстати, твоя подруга меня вчера бросила.

– Я в курсе, – растерянно отозвалась я, не зная, как поступить. С одной стороны, принять такой дорогущий смартфон мне приличия не позволяли. С другой, я ведь ничего не просила, он сам выбрал модель. Не хотел бы, купил бы что-то подешевле... Наверное, может себе позволить пускать пыль в глаза.

Мои терзания прервала появившаяся Ксения. Подруга увидела в моих руках коробку, а когда поняла, что это взамен разбитого Князевым вчера, обрадовалась тому, что у него с совестью все в порядке, забрала у меня компенсацию и запихала в мой рюкзак, приговаривая, что мы сейчас опоздаем на пары.

В этот день мы больше не сталкивались с Алексом. Выходные я честно прозанималась, а в понедельник утром проснулась с больным горлом и температурой. О том, чтобы ехать в институт, не могло быть и речи, так что я сбросила Ксении сообщение (да-да, с нового телефона), что заболела.

Оказалось, что у меня не банальная ангина, как почудилось вначале, а я зацепила какой-то вирус, так как начался сильный кашель, а температура была запредельной. В общем, скосило меня полностью. Последующие три дня все что я могла, это доползти до кухни, чтобы выпить очередную таблетку или сироп от кашля и заварить чай. На готовку хоть какой-то еды сил не было, так что я существовала на хлебе и печенье. Впрочем, аппетит все равно пропал...

Ксюшка периодически слала мне сообщения со смайликами, словами поддержки и приветами от Князева, который потерял меня из виду и интересовался, куда это я пропала и почему прогуливаю пары. Но мне было настолько плохо, что я отвечала через раз. Когда температура в очередной раз подскочила под сорок, я основательно испугалась и решила, что нужно вызывать «скорую помощь». Пусть делают укол или везут меня в больницу, а то ведь я загнусь тут в одиночестве, и обнаружат меня соседи, лишь когда мой труп начнет вонять. Как раз тогда пришло очередное сообщение на

телефон от подруги, и я пожаловалась ей на жизнь. Она предложила привезти лекарства или продукты, но я отказалась, так как не хотела, чтобы она от меня заразилась. Вирусы – вещь коварная. Чихну на нее, и всё! Отписалась, что закажу все через Интернет с курьерской доставкой и чтобы она не вздумала ко мне являться.

«Сейчас приеду!» – бодро известило меня сообщение с незнакомого номера.

Я вяло удивилась и побрела искать свой медицинский полис, который хранился в одном из ящиков комода. Давно не был нужен, так что я и не помнила, где именно он лежит. С трудом отыскав его, я собралась уже набрать номер «скорой помощи», как в дверь позвонили.

Трясясь от озноба и кутаясь в плед, я на ватных ногах добрела до двери, открыла ее и заморгала слезящимися глазами, глядя на Князева.

– Привет, Соколова! – поприветствовал меня теперь уже бывший парень Ксении. – Отвратительно выглядишь. Что врач сказал?

– Ничего. Сейчас «скорую» буду вызывать, у меня температура не сбивается никак, – прокаркала я. – Тебе чего, Князев?

– А я в гости! – сообщил он и просочился в квартиру, отодвинув меня в сторону, как предмет мебели. – Кухня где? А, вижу. Ты иди, занимайся своими делами, Соколова. Чай я и без тебя приготовлю.

И, не обращая на онемевшую от такой наглости меня никакого внимания, он принялся раздеваться и разуваться.

– Чувствуй себя как дома, – ядовито прошептала я ему в спину.

Бессовестная спина дернулась от смешка, и ее хозяин прошагал в носках на кухню, шурша пакетом.

Я же вызвала «скорую» и завалилась на диван. Из кухни доносились какие-то звуки, но мне было уже плевать. Все равно у меня из еды нет ничего, кроме подсохшего печенья и окончательно заплесневевшего хлеба. Даже молоко и то прокисло. Так что обесть меня Князеву не удастся при всем желании. Ну, если только сварит макароны, одна пачка в шкафу валялась, кажется.

– Соколова, у тебя в холодильнике мышь повесилась, а в шкафах кладбище сдохших от голода тараканов. Ты в курсе? – выдернул меня из полудремы голос незваного гостя.

– В курсе, – инертно отозвалась я, не открывая глаз.

– Ты гостей чем угостить собираешься? – продолжал иронизировать этот нахал.

– Князев, отстань, – вяло отозвалась я и закашлялась. – Тебя никто не звал, так что попей чайку без сахара и проваливай.

– Да, я заметил, что сахар у тебя тоже закончился, – сообщил он и ушел обратно в кухню.

«Скорая помощь» оказалась и правда скорой, так что уже через пятнадцать минут я послушно подставляла спину и грудь под стетоскоп, открывала рот, демонстрируя горло, и держала градусник под мышкой. А потом так же беспрекословно позволила сделать себе укол жаропонижающего.

– Ну и что с ней, доктор? – спросил с порога Князев, про которого я совершенно забыла, так как он все это время торчал в кухне.

– ОРВИ, острый бронхит, острый ларинготрахеит, – проговорил седой мужчина в синей форме врача. – В поликлинику мы сообщим, ждите прихода терапевта, девушка. Как можно было довести себя до такого состояния, а? Молодежь! – неодобрительно добавил он. – А еще лучше, барышня, давайте-ка мы вас в больницу отвезем. Вам необходим курс антибиотиков, причем в виде инъекций. А живете вы, судя по всему, одна. Кто вам будет делать уколы?

– Ладно, – смирилась я и зашевелилась, чтобы встать и собрать вещи в больницу.

– Соколова, лежать! – скомандовал несносный Князев. – Не переживайте, доктор, я сам сделаю ей все уколы. И утром, и днем, и вечером, не отвертится.

– Вот и хорошо, молодой человек, – кивнул врач. – А пока ждете прихода терапевта, пойте ее теплым, плюс витамины, жаропонижающее, сироп от кашля… – он перечислил список лекарств, которые Князев быстро записал в свой телефон.

У меня еще раз измерили температуру, велели соблюдать постельный режим, и врач уехал.

– Да-а, Соколова. Ты такая умная, когда не надо, а когда нужно бы головой о своем здоровье подумать, все твои мозги куда-то исчезают. Ты почему до сих пор не вызвала терапевта из поликлиники?

– Князев, какое твое дело? – устало вздохнула я и отвернулась к стенке. – Будешь уходить, дверь захлопни…

Чем там дальше занимался невыносимый типчик, я не знаю, так как подействовали лекарства и я отключилась. Проснулась уже вечером. Из кухни долетал тихий звук телевизора, что-то шкворчало, а еще пахло едой.

Эм-м? Едой? Алекс сварил ту самую мышь из холодильника? Я соскребла себя с дивана, добрела до кухни и застыла на пороге. Пока я спала, он умудрился сходить в магазин, натащить кучу продуктов, судя по количеству пустых пакетов из супермаркета. На столе красовались

упаковки лекарств и шприцы, на плите стояла кастрюля, и еще что-то жарилось на сковороде. Сам же гость уже был переодет в спортивные штаны и футболку, а на его ногах красовались шлепанцы, которых у меня совершенно точно не имелось.

– Проснулась? – повернул он ко мне голову, отвлекаясь от новостей по телевизору. – Что будешь: суп или картошку с мясом?

– Су-уп... – неуверенно отозвалась я, прислушавшись к организму.

Суп оказался куриный, с вермишелью и... очень вкусный. Он умеет готовить?!

– Князев, а ты надолго в гости? – поинтересовалась я, отдавая ложку, которую он пытался вытащить из моих пальцев, когда я доела.

– Скорее всего, навсегда, – без тени улыбки ответил он. – Мне пришлось съехать из дома, так что буду жить у тебя на правах гостя, пока ты замуж не выйдешь. Свои вещи я уже привез.

– Шутки у тебя, – нашла я в себе силы улыбнуться и закашлялась.

Как-то уютно оказалось сидеть с ним на кухне. Все же не в одиночестве, хоть еще одна живая душа рядом. Хотя ситуация, конечно, странная. И надо бы, наверное, выгнать его, но одной болеть грустно и страшно. А так есть кому стакан воды подать... Ладно, пусть живет пока. А вот выздоровею, и разберемся.

– Марш обратно в постель! Хотя погоди. Сначала вот эту таблетку, вот этот сироп и перед сном инъекция антибиотика.

Я кашлем чуть не подавилась.

– Так ты серьезно про уколы, Князев? Ты умеешь?

– Не-а. Вот на тебе и научусь, – беззаботно отозвался он. Полюбовался моим вытянувшимся лицом и добил: – Да ладно тебе, Соколова. Не трусь! Что тут сложного? Набрал лекарство, воткнул в нужное место, выдавил лекарство. Вся наука.

Надо говорить, что мне было очень страшно и очень стыдно? Но, как ни крути, лучше дома, чем в больнице. Поэтому я зажмурилась, лежа на животе, и даже не дернулась, когда бессовестные руки приспустили мне с одной стороны филея домашние трикотажные брюки. А вот укола я не почувствовала.

– Ты скоро? – спросила, не дождавшись. – Мне же страшно ждать.

– Так уже все, – отозвался «лекарь». – Можешь вставать, будем стелить постель.

И вот тут я осознала, что постель у меня одна. Раскладной древний диван, на котором раньше спала бабушка. А мое кресло-кровать давно сломалось и не раскладывалось.

– Э-э, – откашлявшись, просипела я. – Князев, а мне некуда тебя спать положить. Кресло-кровать сломано, у меня только диван...

– Соколова, какая же ты нудная! – закатил он глаза. – Диван у тебя двуспальный, поместимся. И прости, конечно, но ты не в том виде и состоянии, чтобы переживать за свою девичью честь. Где у тебя чистое постельное белье?

Я молча ткнула в сторону шкафа, вынула себе из комода свежее белье, футболку и бриджи (ну не в пижаме же мне спать?!) и ушла в ванную. Зеркало подтвердило, что от меня с криками убежал бы даже маньяк-насильник. Голова немытая, коса растрепалась, кожа серая, нос распухший и красный, глаза тусклые и слезящиеся, а под ними темные круги.

Пока я чистила зубы и умывалась, незваный гость успел разобрать диван и постелить чистое белье. Даже добыл вторую подушку из шкафа. Более того, он успел раздеться (надеюсь, не полностью) и устроиться у стенки. И сейчас сидел с планшетом в руках и что-то читал.

– Соколова, ложись быстрее. Тебе врач что сказал? Постельный режим! Вот и соблюдай, – не поворачивая головы, скомандовал Князев.

А я вдруг поняла, что смирилась с этой абсурдной ситуацией. Ну да, звезда института Алекс Князев, мальчик-мажор, бывший парень моей подруги, кормит меня супом на моей же кухне, пичкает лекарствами, делает мне в попу укол, командует, словно заправский медбрат, и сидит с голым торсом на моем старом продавленном диване с дорогущим планшетом в руках.

Ночью опять поднялась температура. Меня сначала колотило в ознобе, а потом, наоборот, стало безумно жарко, и я чувствовала, что сгораю в буквальном смысле этого слова...

– Ох, Соколова, – пробормотал Князев, забирая у меня градусник. – Какая же ты проблемная...

Он пощупал мне лоб, заставил выпить таблетку жаропонижающего, после чего присел на диван и прижал к себе.

– Не шевелись... – пробормотала я, прикрывая глаза. А потом бессовестным образом переползла к нему в тылы, прислонилась щекой к чудесной прохладной спине, а руками обняла с двух сторон. – Замри, Князев. Ты такой холодненький... Я только чуть-чуть остыну, и все...

Утром я проснулась от звонка будильника, причем не моего. У меня музыка не такая до отвращения бодрая. Я сонно подняла голову и встретилась взглядом с... желтыми глазами.

– Соколова, ты как? Твой «холодильник» может встать и съездить в

институт?

– Что? – глупо уточнила я, переводя взор.

М-да. Судя по всему, у меня был сильный жар, а Князев оказался таким прохладным, что я буквально распласталась по нему, стремясь остыть. И это уже в лежачем положении, так как отключилась я сидя и он меня транспортировал на подушку сам. Потупившись, я сползла в сторону, освобождая свою жертву. Бедолага! И ведь не прогнал же немочь болезнью, терпел.

Перед отъездом на учебу Князев вколол мне антибиотик, напичкал лекарствами, приготовил чай с бутербродом, положил рядом телефон и велел звонить, если что. Прибывший в его отсутствие врач из поликлиники подтвердил и диагноз, и лекарства, посоветовал еще делать ингаляции и отбыл.

А Князев меня добил еще больше, заявившись с пар с новой коробкой.

– Соколова, держи планшет. Тебе велено лежать, вот и лежи. А чтобы мозги не заржавели, читай что-нибудь или фильмы смотри.

– Но я...

– Свой я тебе не дам, и не мечтай, – отрезал он. – А за ноутбуком тебе в таком состоянии делать нечего. У тебя же руки трясутся, как у алкоголики со стажем.

Не слушая мои вялые возражения, прерываемые приступами кашля, он чего-то там поколдовал и сунул мне в руки уже распакованный и настроенный девайс. Уточнил, умею ли я им пользоваться, посоветовал, какие приложения лучше скачать, где можно посмотреть что-то онлайн, и ушел в кухню. Впрочем, почти сразу вернулся в комнату.

– Соколова, а тебе твой диван очень дорог? Ты почему его не выбросишь? Это же орудие пыток, а не мебель.

– Да он еще бабушкин, – пожала я плечами. Покашляла и договорила: – У меня на новую мебель денег нет.

– А родители чего не помогут? – поднял он брови.

– Они погибли, когда мне было семь лет.

– Прости... А бабушка?

– Три года назад. Сердце. А вторую бабушку я вообще никогда не видела. Даже не знаю, жива ли она.

– То есть ты совсем одна. Понятно. Значит, спрашивать, отчего ты не заменишь окна, от которых сквозит как из сифона, смысла нет, – констатировал Князев и удалился-таки в кухню.

Как я заснула, и не заметила. Проснулась лишь от звука мужских голосов. Заслышив мою возню, Князев заглянул в комнату. Увидел, что я

присела, и велел идти кормиться. На кухне я никого не обнаружила и решила, что мне померещилось. Правда, когда я запихивала в себя суп, голоса раздались уже из комнаты. Я даже собралась с силами и заглянула, но снова не заметила никого, кроме своей «сиделки».

– Соколова, чего тебе не сидится на месте? – недовольно проворчал он. – Иди ешь! – и закрыл перед моим носом дверь в комнату...

Наглость – его второе имя. Но готовит вкусно!

Ночь прошла почти в бреду... Антибиотики должны были уже начать действовать, но, вероятно, вирус не сдавал позиций, а потому меня опять тряслось то от озноба, то от жара, и опять я пыталась остывть, прижимаясь к благословенной прохладной груди. Плевать уже, что она принадлежит несносному Князеву. Я бы и к крокодилу прижалась, если бы это помогло...

Когда он уехал утром в институт, предварительно накачав меня медикаментами, я доползла до окна, чтобы посмотреть, что творится на белом свете. На свете было бело, так как зима решила, что ей неважно, что еще лишь ноябрь, и замела город снегом.

А еще... Вместо старых деревянных окон красовались новенькие пластиковые стеклопакеты...

Я даже глаза протерла и ущипнула себя, пытаясь убедиться в том, что не сплю. Нет, не спала, а на руке, наверное, останется синяк. Стеклопакеты были не мои, а очень даже неизвестно чьи. А еще стало чисто. Это я обнаружила, когда прошлась по квартире. Ни пылинки нигде, и это притом, что Князев совершенно точно не включал пылесос и не был замечен с тряпкой и шваброй.

Более того, когда включила свет в туалете и привычно замерла на пороге, позволяя тараканам разбежаться (дом старый, и сколько я их ни травила и ни выводила, рыжее братство регулярно засыпало своих усатых лазутчиков), я не увидела ни одного насекомого. Вот это уже совсем странно. Столько лет присутствовали толпы наглых тварей, которых не брал даже дихлофос, а тут – никого.

На кухне нашлась куча разной еды. Холодильник был забит вкуснотой, начиная от фруктов и заканчивая пирожными, а приготовленные Князевым яства, разложенные в пластиковые контейнеры, аккуратно высились друг на дружке. Возле электрического чайника обнаружились три металлические банки с черным, белым и зеленым чаем хорошей марки. Тут же ситечко для заваривания и сахар – обычный и коричневый. Здесь же пачка молотого кофе.

Хм. Судя по объему провизии, Князев тут и правда надолго... Странно, но отчего-то на душе от осознания этого факта стало теплее. Вероятно, я очень устала от одиночества.

Я задремала и, когда мой жилец вернулся из института, не слышала. Но он сам меня разбудил.

– Соколова, посиди-ка на кухне. Я купил новый диван, потому что я не йог, спать на гвоздях и кирпичах не приучен. Сейчас его занесут!

– Князев, ну чего ты распоряжаешься, словно у себя дома и ты тут главный? – сонно потерла я глаза.

– Так я же тут живу. А учитывая твою немощность, главный однозначно я, – без малейшего раскаяния отозвался он. – Шевелись, Соколова. Ползи на кухню, тебя на столе обед дожидается. А потом – таблетку! Ты опять вся горишь.

Укоризненно поморгав на него, я поползла. А что делать? На споры у меня просто нет сил. Вот вылечусь, а потом разберемся, кто где живет, кто на чем спит и кто тут главный.

– Соколова, а тебе этот жуткий палас очень нравится? – догнал вопрос в спину.

– Вообще не нравится, – прокаркала я. – Но тут все как было при бабушке и родителях. Я ничего не меняла и не ремонтировала. Не на что...

– Чудно! А то я и ковер новый заказал. Тоже привезут. А что нравится?

– Вся антикварная мебель. Ее я менять не буду, она классная. А все относительно современное уродство когда-нибудь заменю.

В квартире у меня и правда смешались предметы обстановки разных эпох. Часть мебели была невероятно красивой и изящной, антикварной, но рядом громоздились шкафы примерно шестидесятых годов, а мягкая мебель была изготовлена в конце прошлого века. Глубокий письменный стол с огромным количеством ящиков и ящиков вообще прибыл откуда-то с Востока, судя по резьбе. И к какой эпохе принадлежал, я не знала. Смотрелось все это в одной большущей комнате с высокими потолками странно, но я как-то привыкла и перестала замечать диссонанс. Все равно ни ремонт, ни смена интерьера мне пока не по карману.

Я честно сидела в кухне, вяло ковыряясь в тарелке и ожидая, пока прибудут грузчики с мебелью. Аппетит отсутствовал и, судя по состоянию, мне пора выпить жаропонижающее. Потом вдруг поняла, что дверной звонок так и не прозвучал, но из комнаты доносятся звуки, намекающие на то, что новую мебель уже устанавливают.

Тихонько проскользнув в коридор, я приоткрыла ведущую в комнату

дверь и заглянула в щелочку. Постояла, таращась на парящую в воздухе мебель. Собралась уже было войти, но тут мой древний диван исчез прямо в воздухе, а на его месте появился другой. Потом аннигилировалось кресло-кровать, и возникли из ничего два кресла и журнальный столик.

У меня чуть глаза не выпали от этого зрелища. Заорать я не могла по понятным причинам, голос пропал из-за болезни. Поэтому стояла и смотрела... А тем временем старый потертый палас скатался в рулон и... испарился. А на его место плюхнулся новый ковер и сам раскатался, укрывая пол. После этого опустилась мебель, занимая свои места.

Я очень осторожно прикрыла дверь, прошла на кухню, достала градусник и принялась мерить температуру. А когда, вынув его, увидела, что ртутный столбик замер, лишь немногого не доползя до сорока, выдохнула с облегчением. Никаких чудес, обычная горячка. А грузчиков я просто не заметила...

– Князев, а кто сейчас мебель устанавливал? – спросила я, когда мой жилец вошел в кухню.

– Грузчики, разумеется, – рассеянно ответил он и отобрал у меня градусник, который я все это время держала в руке. – Ого! Соколова, марш в постель. Я уже перестелил тебе лежбище на новом диване.

– Слушай, а окна когда поменяли? – продолжила я допрос.

– Соколова, ты совсем уже? Вчера и поменяли. Ты спала все время. Неужели не слышала?

– Князев, а мне сейчас показалось, что мебель в воздухе парила... – набравшись смелости, призналась я.

– У-у-у, как все запущено, – протянул он, глядя на меня с состраданием. – Ты еще скажи, что я волшебник и сотворил новую мебель щелчком пальцев.

– А я сошла с ума... – пробормотала я, вставая и отправляясь в комнату.

С опаской потыкала пальцем диван, а то вдруг он мне только мерещится. Поскребла ковер... Все настоящее. Значит, я грузчиков просто не увидела. Да. Я же в узенькую щелочку подглядывала...

Оценить удобства новых кресел я пока не могла, а вот диван мне понравился. Мягкий, широкий и длинный. И ковер пушистый и теплый...

Князев прожил у меня уже четверо суток и исправно поил лекарствами, кормил и делал уколы. Только вот лучше мне отчего-то не становилось. Наоборот, было ощущение, словно я скатываюсь в пропасть. Температура подскакивала внезапно, и ее не сразу удавалось сбить не

только медикаментами, но даже обтиранием водкой. Да, было дело. Князев обтикал меня не единожды, ругаясь при этом на чем свет стоит... Порой я даже бредить начинала. Сказала ему в итоге, что надо в больницу. Похоже, так мне не выкарабкаться...

А как-то ночью я сквозь тревожный сон услышала разговор прямо рядом с постелью.

— Ба, мне нужна твоя помощь. Правда нужна. У меня подружка заболела, я сейчас у нее. В чем проблема, разобраться не могу. Все, что врачи велели, ей даю, сам тоже понемногу подпитываю, а ей все хуже и хуже, уже бредить начинает. Ну, ба! Будь человеком! Я тебе сейчас зеркальный коридор открою. Посмотри ее, а? Я ничего уже не понимаю и ничем не могу помочь.

Вроде бы Князев говорил по телефону, но буквально через пару минут прозвучал второй голос, принадлежащий пожилой женщине.

— Так, ну и что тут? — мне на лоб легла сухая прохладная ладонь. — И давно она так горит?

— Несколько дней уже, — ответил Алекс. — Причем я никак не могу вычислить закономерность. Только вроде лучше становится, ведь я ей антибиотики колю, а потом ночью — бац! — и она вся пылает.

— Ладно, не мешай. Попробую разобраться, — проговорила его собеседница.

Мне очень хотелось открыть глаза и посмотреть, кто же эта гостья, но никак не удавалось. Поэтому я просто плыла по своей огненной реке и старалась не отключиться...

— Скажи мне, дорогой внук, — через некоторое время вкрадчиво заговорила бабушка Князева, — ты печать зачем поставил?

— Какую печать? — сначала удивился он, а потом исправился: — А. Нет, я неставил. Ты чего, ба? Она же не обладает силой.

— Это ты чего, внучок! Девушка не обладает силой, только вот твоя печать на ее ауре стоит уже не один день, судя по тому, как проросла и закрепилась, и организм просто не в силах справиться с этим. Девочка сгорает в прямом смысле этого слова. Ты убить ее решил?

— Что?! — опешил Князев. — Нет-нет, это невозможно! Это же нарушение! Я не мог... Ох ты ж, черт! И правда, моя печать! Но я не... Ба, и что делать?!

— Это ты мне скажи, что делать? Как одна из старейшин рода, я могу снять твою печать и даже прикрою тебя перед законниками. Все же не чужой и спохватился вовремя, да и поставил ее неосознанно. Ведь неосознанно, да? Но ты понимаешь последствия? Ты больше никогда не

сможешь быть рядом с ней, иначе убьешь ее своим присутствием. Потому что печать все равно будет пытаться возродиться рядом с тобой. У девочки нет дара, чтобы заблокироваться от тебя. Ты готов больше никогда не видеть ее? Кстати, как девушку зовут?

– Карина. Карина Соколова, – с заминкой отозвался Князев, после чего ответил на заданный вопрос: – Не готов. Она мне нравится. Очень! Больше, чем просто нравится. Я хотел... А второй вариант?

– А второй вариант – ответить за свой поступок и взять на себя обязательства. Но говорю сразу, родители будут в ярости, они уже присмотрели тебе потенциальную невесту.

– Видел я уже ту невесту! – в голосе Алекса прозвучало отвращение.

– Зато одаренная, – хмыкнула женщина. – Так что выбираешь?

– С родителями я разберусь. Ба, ты можешь сделать все что нужно? Я полностью беру на себя все обязательства, касающиеся этой девушки, Кариной Соколовой. Делаю это в здравом уме и трезвой памяти. Вся вина и ответственность на мне, я это признаю.

– Вот так-то лучше, – прозвучало довольство в голосе бабушки Князева. – Твое счастье, внучок, что ее не видел никто из наших. Иначе сейчас ты бы уже отвечал перед судом сильнейших... Ну что ж, как одна из старейшин рода, я даю свое согласие и благословляю вас. Карина, вы ведь нас слышите?

– Слышу, – медленно, словно через не могу, ответила я. – Только не понимаю, о чем вы.

– А вам это и не нужно пока, – погладила меня по щеке сухая ладонь. – Ответьте мне, Карина, что вы выбираете: никогда больше не видеть моего внука или видеть постоянно? И учтите, под «никогда больше» я подразумеваю именно это. Вы больше никогда не встретитесь.

После этих слов стало очень грустно. Князев, конечно, странный тип, ничего не могу сказать. Но... оттого, что я больше никогда его не увижу, под сердцем начало тянуть.

– Второе, – прошептала я, делая очередную безуспешную попытку приоткрыть глаза. – Видеть постоянно... Можно?

– Можно! Что ж, попалась, птичка. Теперь деваться некуда...

– Ба, я готов, – произнес Князев. – Раз Карина тоже согласна... Что от нас требуется?

– Клятвы, разумеется. Ты знаешь, что делать. Карина, милая, – снова обратилась она ко мне, – если вы хотите поправиться и видеть Алекса очень-очень часто, вы должны сейчас кое-что сделать. Я буду задавать вопросы, а вы на все отвечайте – «да». Хорошо? А в самом конце повторите

за Алексом вот это слово: «паáрра».

– А это не опасно? – даже в горячке мой разум попытался быть осторожным, хотя все происходящее сильно смахивало на сон или бред.

– Карин, это не опасно. И тебе станет легче, ты скоро поправишься. Обещаю! А я буду рядом... – успокоил меня Князев и, взяв за руку, погладил ладонь.

А потом его бабушка задавала вопросы на каком-то неизвестном мне языке, очень похожем на латынь, но точно не на нем. Князев в нужных местах говорил короткое слово на этом же языке, а я отвечала «да» на русском. После очередного вопроса Алекс произнес «паарра!», и я повторила за ним. Потом ладонь кольнуло, но я только вздрогнула, как все сразу прошло.

– Вот и все, дети. Поздравляю вас. Отпразднуем, когда Карина поправится. С родителями объясняйся сам. Только ты ведь помнишь, дорогой внук, что в современном мире этого недостаточно?

– Конечно, ба! Я завтра же оформлю все как нужно. Спасибо.

– Сочтемся, внучок! – хмыкнула она. – Хотела бы я посмотреть на лицо твоей матери, когда она услышит новость.

– Ну, ба-а. Когда же вы с мамой уже помиритесь?

– Никогда, дорогой. Зато я знаю, кому передам свой дар и силы перед смертью.

– Бабуль, ну какая смерть? О чем ты? Спасибо. Карина выздоровеет, мы к тебе в гости приедем. Можно?

– Нужно! Все, открывай зеркальный коридор. А Карина пусть спит, ей тяжело пришлось. Удивлена, что она столько дней боролась и цеплялась за жизнь. Сильная девочка. Ты ее едва не угробил со своей печатью.

– Ба, я нечаянно, клянусь! Ухаживал за ней, а она... И я сам не знаю, как так получилось...

Голоса стихли, я уже почти уплыла в сон, так и не сумев взглянуть на гостью. Впрочем, убежденности, что это все наяву, у меня не было. Очень уж странные разговор и вся ситуация...

Прогнулся диван, и рядом вытянулся Князев.

– Да уж, – проговорил он, щупая мне лоб. – Не так я все планировал, но что уж теперь. Прости, Карин. Я не специально, но постараюсь загладить свою вину. Тебе не придется жалеть, что ты согласилась стать моей парой.

– Какой еще парой, Князев? – пробормотала я, переворачиваясь на бок и прижимаясь щекой к его прохладной коже. – Холодненький, как крокодильчик... Хорошо...

Проснулась я на следующий день только к вечеру. Измученный организм сдался и вырубился, устав бороться с болезнью. Но что странно, очнулась я в удивительно хорошем состоянии. Кашель и насморк присутствовали, но пропали дикая слабость и ломота. И даже голова перестала быть в тумане, как все минувшие дни. Тогда я вообще с трудом воспринимала действительность: что мне мерещится, а что – на самом деле. И даже ночной разговор сейчас выветрился из памяти и остался лишь легким воспоминанием, словно о сне. Вроде как было, но не понастоящему.

– О, Карина! – вскочил Князев из-за стола на кухне, куда я заглянула после туалета и ванной. – Ты как? Получше?

– Знаешь, кажется, да, – отозвалась я, прислушиваясь к своим ощущениям. – Похоже, у меня этой ночью был кризис. Такой бред привиделся… Наяву ведь подобного не могло быть, да? – с подозрением уставилась я на него, пытаясь сообразить, привиделись мне странные разговоры с якобы бабушкой парня или были на самом деле.

– Кризис у тебя был позапрошлой ночью. А потом ты проспала, не просыпаясь, почти двое суток. Уколы я тебе делал, а вот разбудить, чтобы ты выпила таблетки, не смог. Есть хочешь? Суп, тушеная картошка, рыба с рисом… Тебе что положить?

– Суп сначала, об остальном потом решу. Не знала, что ты умеешь готовить, Князев, – миролюбиво произнесла я, усаживаясь за стол и наблюдая за хозяйствующим на моей кухне парнем. Надо же, я проспала двое суток. Однако…

– Я же мужчина, а мужчина должен уметь делать все, – пожал он плечами. – К тому же тогда моей жене никогда не удастся попрекнуть меня тем, что я беспомощен на кухне. Да и если одному жить, не фастфудом же питаться?

Я прикончила тарелку супа, после чего получила чашку чая и пирожное. А когда и с этим справилась, Князев выставил на стол флакон:

– Сухой шампунь. Мыть голову тебе пока не стоит, но я услышал твои стенания о том, что ты грязная как чушка. Помочь вычесать его потом?

– Я стенала, что я как чушка? – опешила я. Не помню. Хоть убейте, не помню.

– Угу, – кивнул он. – Так что, помочь?

И представьте, он реально помог вычесать порошок сухого шампуня из моей гривы и даже сам заплел мне косу.

– У меня, наверное, бред, – пробормотала я, наблюдая за его

отражением в зеркале.

– Сейчас уже нет, а вот когда ты вещала, что я холодный, как крокодил, но тебе все равно... Зато об меня можно охладиться. И просила не кусаться, а то пустишь меня на сумочку...

– Я это говорила?!

– Тебе повторить все, что ты болтала в горячке? – усмехнулся Князев.

– Н-нет. Пожалуй, мне лучше не знать, что за ересь я несла, пока пылала от температуры.

Позднее я наблюдала за Алексом, как он, сидя за моим письменным столом, читает учебники, готовясь к занятиям. М-да. Я вот капитально запустила учебу, придется наверстывать.

– Князев, – позвала я. Дождалась, пока он обернется, и произнесла: – Спасибо. Если бы не ты, я бы тут загнулась.

– Если бы не я, ты бы точно не загнулась, – чуть заметно поморщился он. Подумал, тряхнул головой и вынул что-то маленькое из своего рюкзака, стоявшего на полу у стола. Повертел это в руках и решительно направился ко мне.

– Ты чего? – спросила я, когда он замер напротив дивана, на котором я полулежала с планшетом.

– Карин, надень вот это, пожалуйста. Ну, если тебе нравится. Если не нравится, я куплю другое, – присев на корточки, он открыл передо мной коробочку, в которой оказалось кольцо.

– Красивое, очень. Похоже на обручальное, – произнесла я, глядя на украшение: ободок из белого золота, покрытый припаянными сверху замысловатыми узорами из желтого и розового золота.

– Похоже, да, – согласился Князев. – И даже носить его нужно на безымянном пальце, как и обручальное.

– А... зачем? С какой стати ты даришь мне кольцо?

– Ну а как иначе, Карин? – вздохнул он, вынимая ободок из коробочки и надевая его мне на безымянный палец правой руки, потому что я не спешила делать это сама. – Я тебе позднее все объясню, когда ты поправишься. Ладно? Обещаю. А пока просто прими как факт: я все время буду рядом, тебе придется постоянно меня видеть, ну и... Я взял на себя все обязательства за тебя, твою жизнь, твои проблемы и все остальное. Ты просто знай, что больше не одна. Я рядом с тобой и сделаю все, что в моих силах, чтобы ты ни в чем не нуждалась и была счастлива.

– Князев, мне очень приятно, конечно, но я не пойму... Почему ты все это делаешь? – погладив колечко на пальце, спросила я.

– Наверное, потому, что ты мне очень, очень нравишься, – спокойно отозвался он. – А ты умудрилась отшить меня еще три года назад, заявив, что мальчику-мажору нечего и пытаться с тобой познакомиться. Ох и злился я на тебя, Соколова. Даже пообещал себе, что никогда в жизни не заговорю с тобой больше. А потом, когда ты с нами с Ксенией... Не представляешь, как ты меня бесила. Пока не осознал, что на свидания с ней я ходил ради встреч с тобой. А ты, нахалка бессовестная, взяла и перестала появляться. И что мне оставалось делать? Ну вот скажи, Соколова! Что со мной не так? Я вроде не урод, девушкам нравлюсь... Чем я тебя-то не устраивал, что ты от меня нос воротила?

– Отшила мальчика-мажора? – сделала я вид, словно задумалась. Не признаваться же, что я прекрасно помню, как именно он ко мне подъехал тогда. Весь такой... И с улыбкой, словно одолжение сделал, что решил подойти. А когда я подколола его, облил презрением и больше не замечал, будто я пустое место и он знать меня не знает. – Я не помню, Князев. Прости... И перестала я с вами ходить, потому что случайно услышала твой разговор по телефону. Ну, что я вам мешаю и все такое.

– Карин, давай начнем все сначала? – предложил он, поморщившись от досады. – Я ведь тебя все равно не отпущу. Хочешь или нет, но я от тебя теперь не отстану никогда. Давай будем вместе? По-настоящему! И чтобы на всю жизнь. А ты... ну постараитесь найти во мне хоть что-то хорошее, а? Я неплохой, правда. Постарайся принять меня?

– А я в тебя целый год влюблена была, – неожиданно для себя самой призналась я. – А ты в мою сторону даже не смотрел.

– Что?! – чуть ли не взвыл Князев. – Соколова! Как же с тобой сложно! Срочно влюбляйся в меня обратно! Немедленно! Вот прямо сию секунду начинай! Только сначала надень мне на палец вот это кольцо. Это пара твоего... – выудил он из кармана спортивных брюк брата-близнеца украшения, которое он вручил мне только что, только размером больше.

– Но...

– Карина, ты должна! – нахмурился он. – Будем считать это жестом доброй воли, что мы помирились и пришли к взаимопониманию. Ах да! Зови меня по имени! Сколько можно? Князев да Князев...

– Н-ну...

– Как насчет поцелуя? В знак примирения и согласия? Ну и как символ того, что все прошлые обиды и недоразумения мы забыли и начали все с чистого листа. Как взрослые серьезные люди, которые теперь вместе.

– Прямо уж вместе... – проворчала я, украдкой покосившись на его губы и чувствуя, что начинаю неудержимо заливаться краской. Искушение

было... Было, короче. – Я еще не выздравела, Князев. И могу заразить тебя.

– Зараза к заразе не прилипает, – расплылся в хитрой улыбке парень. – К тому же если бы твоя зараза могла ко мне прилипнуть, то сделала бы это давно. Ты же несколько ночей спала, распластавшись на мне, предварительно обозвав крокодилом. Так что? Поцелуй? – Он потянулся к моим губам и замер буквально в миллиметре от них.

– Ну, если в знак примирения... – выдохнула я, зажмурившись.

А когда его губы коснулись моих, все равно вздрогнула, хотя и ждала этого. Что творится?! Что творится-то, люди?! Что-то волшебное творится, потому что нельзя так терять голову от примирительного поцелуя, даже если он с Князевым, по которому я сохла целый год, а потом выбросила из головы, так как он – недостижимая мечта...

Только вот одно дело выбросить из головы, а другое – из сердца. И маленькое глупое сердце почему-то поверило, что все возможно, и снова забилось для одного конкретного человека.

С того вечера я стремительно начала выздоравливать. И насморк с кашлем пошли на убыль, и слабость исчезла, а температура вообще больше ни разу не поднималась. А еще я привыкла спать в обнимку с Князевым. Поначалу это было из-за моего плохого состояния, и я по-прежнему не соображала, как перебиралась на него. Но оказалось, что мне безумно хорошо рядом с ним. Я уж умолчу о сумасшедших, умопомрачительных поцелуях...

Каких-либо эротических пополнений ни с моей, ни с его стороны не совершалось. На них сил у меня не было.

Поначалу не было...

Но когда я почти оправилась от болезни и поняла, что можно принять нормальный полноценный душ, то...

– Спинку потру, – сообщил Алекс, забирая из моих рук банное полотенце и подталкивая в открытую дверь ванной.

– Князев! – возмутилась я, пытаясь отобрать полотенце. – Я же в душ!

– Карин, скажи мне, что я у тебя еще не видел за эти дни? – невозмутимо вопросил он, задвинув меня в ванную, после чего, не обращая внимания на сопротивление, стянул с меня футболку.

– Многое! – шлепнула я его по рукам, прикрываясь снятой одеждкой.

– Не обольщайся, – спокойно отозвался он и, присев на корточки, принялся стаскивать с меня спортивные брюки.

Я ругалась, гарцевала, как лошадь, и пыталась сбежать, а этот... этот

Князев занимался своим бессовестным делом.

– Карин, я делал тебе уколы и видел твою попу, я обтикал тебя водкой и видел твою грудь, очень красивую, к слову. А еще я тебя переодевал, потому что после жара ты была вся мокрая, а у самой сил сменить одежду не имелось. Так что, птичка моя, я видел тебя всю.

– Ик! – замерла я на месте. Вот факт переодевания пролетел мимо меня.

– Да-да, – правильно понял он мой ужас. – И белье тоже. Я не только видел тебя всю, но и трогал, потому что переодевал я тебя руками. Вот этими, – подняв ладони, он повертел их перед моим остекленевшим взором.

– Мм, – все, что смогла я промычать.

– Птичка моя, я же уже сказал, что тебе от меня теперь никуда не деться, – пользуясь моим ступором, Князев приподнял меня, поставил в ванну и включил теплый душ. – Ты попалась. Я тебя честно выходил и приручил, ты теперь моя.

Я взглянула на него безумными глазами, пытаясь прикрыться руками. Драться и удирать после всего случившегося за последние дни и ночи было бы как-то глупо. Но... стыдно же!

– Ну хочешь, я тоже разденусь, чтобы и ты смогла увидеть меня голым? – спросил он и прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Понааблюдал, как я отчаянно мотаю головой, нарочно тяжело вздохнул и добавил: – Жаль. Очень жаль. Глаза закрой! – после чего направил струю воды мне на голову.

Должна признать, что ничего лишнего он себе не позволил. Ну... если только самую малость, причем я эту малость заметила далеко не сразу, так как мы самозабвенно целовались. Он, стоя в одежде снаружи, а я – обнаженная и намыленная – в ванне. И...

Ладно, Соколова, давай уже признайся самой себе: ты влипла, причем намертво. Он тебя действительно приручил, и тебе это чертовски нравится! И если бы не остатки девичьего стыда и совести, то мы бы сейчас в душе не только целовались.

Стоит ли говорить, что вечером, когда мы легли спать, поцелуи плавно перетекли в нечто большее.

К моменту, когда я выздоровела, получила справку и собралась ехать в институт, мы жили уже как полноценная пара. Поверить не могу, что все это происходило на самом деле, но мои чувства, которые, казалось, давно угасли, снова вспыхнули. Я вновь была влюблена в Князева по уши! Мне

было хорошо с ним, неважно как: просто касаться его пальцев, сидя за кухонным столом и поглощая приготовленный им ужин, или отдавать всю себя и принимать его без остатка в постели. Я принадлежала ему вся, до кончиков волос, а он полностью вручил мне себя.

И это было дикое счастье, внезапно свалившееся мне на голову. Такое нереальное, что казалось неправдоподобным.

— Карин, а ты какое свадебное платье хочешь? — спросил он меня вечером накануне моего возвращения к учебе.

— Кха, — подавилась я чаем. — Князев, а ты не слишком торопишь события? Мы с тобой едва знакомы...

— Дорогая моя, — хмыкнул он, — мы с тобой не «едва знакомы», а фактически женаты. Ты уже попалась, птичка, я же тебе говорил. Только нужно справить красивую свадьбу, чтобы у тебя было платье, букет невесты, фата, фотографии и все, что полагается.

От разговора я трусливо сбежала, поскольку морально оказалась не готова к такому. Уже ночью, лежа в обнимку и предаваясь... любви, упорный Князев потребовал:

— Скажи, что ты моя.

— Твоя, — со вздохом ответила я.

— И признай, что я твой.

— Признаю: ты мой, — со смешком отозвалась я.

— А раз так, повторяй: Алекс, я твоя жена, а ты мой муж.

— Князев!

— Повторяй! А то не поцелую! — пригрозил он.

— Алекс, я твоя жена, а ты мой муж, — «испугавшись» угрозы, произнесла я, стараясь не рассмеяться.

— Вот так-то лучше, — с довольным видом поцеловал он меня в шею. — Привыкай к этой мысли. Можешь еще сказать, что ты меня любишь, жить без меня не можешь, принадлежишь мне, а я твой, и ты меня никогда не отпустишь.

— А не чересчур? Словно цитата из мыльной оперы.

— Чересчур много любви не бывает. К тому же ты должна осознать это как единственное возможное положение вещей. Ты — моя жена. По-другому уже никогда не будет. Ладно, я первый. Карина, я тебя люблю, жить без тебя не могу, ты принадлежишь только мне, и я тебя никому не отдам, а я только твой. И веришь или нет, но я твой муж. И фамилия у тебя сейчас, кстати, Князева. А теперь ты. Все, кроме последнего предложения о фамилии...

Утром он довез меня до института, высадил у крыльца, поцеловав на

прощание, и поинтересовался:

– Карин, ты ведь не против, если я сделаю ремонт в квартире и заменю кое-что из интерьера? Ты же говорила, что тебе дорога только антикварная мебель...

– Нет, не против, – подумав, выдала я. – Хочешь, вместе съездим в строительный магазин и выберем обои?

– Уверяю, я справлюсь. А ты наверстывай учебу и береги себя. Я сегодня прогуляю – дела. Забрать не успею, приедешь домой сама?

Пары пролетели незаметно. В перерывах мы болтали с Ксенией, которая, оказывается, была в курсе, что Князев отправился меня лечить и остался жить в моей квартире.

– Карин, а вы уже? Ну... Мне показалось, что он увлекся тобой. Ты когда заболела, он меня замучил вопросами, где ты и что. А когда ты прислала сообщение про «скорую», он аж в лице переменился, вытребовал твой номер телефона и сообщил, что присмотрит за тобой.

– А ты не против, что мы?.. – спросила я подругу. Последние дни мы не общались, лишь изредка обмениваясь сообщениями, и об изменениях в моих отношениях с Князевым я ей еще не рассказывала.

– Не-а. Я уже встречаюсь с Максом. С Алексом все совсем не задалось, не мой он тип. Я едва не зевала на свиданиях с ним. Вот вы о чем разговариваете? Опять про черные дыры?

– И про них тоже, – вынуждена была я признать. – Ксюш, а он меня, кажется, замуж позвал. Только как-то дико, и я никак не могу понять: это такой розыгрыш или он просто все окончательно решил и потому ведет себя так, словно он *уже* мой муж. Даже утверждает, что фамилия у меня теперь Князева. И кольцо подарил... – продемонстрировала я украшение.

– Ух ты! Красота какая! – оценила она. – А ты пойдешь, если нормально позовет?

– Пойду, – честно ответила я. – Знаешь, это так странно, но я его безумно люблю. Но ведь не бывает, чтобы так быстро?

– Чего это? Еще как бывает! А как же любовь с первого взгляда?

Мы переглянулись с подругой и рассмеялись. Для нее как раз любовь с первого взгляда – это нормальное и привычное состояние.

Когда я переступила порог своей квартиры, то осталась одна. Коридор полностью преобразился. Оказались не только переклеены обои и заменены плафоны, но и пропали старый узкий шкаф для верхней одежды и настенная вешалка. Вместо них красовался зеркальный шкаф-купе с

открытым участком для того, чтобы быстро повесить верхнюю одежду и бросить сумочку.

Я разделась, прокралась в комнату и застыла с открытым ртом. Интерьер полностью преобразился. Вся старая уродливая мебель исчезла. Сохранились лишь антиквариат и новые диван, кресла и журнальный столик. Обои были другие, а также шторы, люстра, бра... Более того, книги и разные мелочи уже были расставлены в новом книжном шкафу. Неубранными остались только мои вещи, аккуратно сложенные стопками на диване.

– О! Карин, уже вернулась? – вынырнул откуда-то Алекс и обнял меня со спины. – Комнату уже отремонтировали. Нравится? А кухню пока не успели.

– К-князев, а это как? – ошалело пробормотала я и некультурно потыкала пальцем в комнату. – Как так быстро? Это же невозможно!

– Нет ничего невозможного! – хмыкнул он. – Считай, что я волшебник. Так тебе обои нравятся? Мы с бригадой моих помощников очень старались, чтобы успеть к твоему возвращению.

– Н-нравятся... – пролепетала я и на всякий случай потерла глаза. Вдруг мне мерещится. – Ты и правда волшебник!

– Тогда ты не будешь ругаться, что я заказал тебе новые вещи?

– К-какие вещи? – в ступоре переспросила я, перескакивая взглядом с одной новой детали интерьера на другую.

– Одежду, обувь... Нет, ты не думай, я специально в твоих вещах не рылся. Но все равно ведь я уже знаю весь твой гардероб. Все же не один день тут живу, ну и доставал тебе одежки, пока ты болела. Да и потом, когда шкаф освобождал... Короче, все новое в шкафу. Надеюсь, тебе понравится, я старался учесть твой характер. А твои размеры я и так знаю... – Его руки скользнули вверх, погладили по груди, потом переместились ниже, обхватили меня за бедра и прижали к... Гм. Кажется, за полдня кто-то очень соскучился.

– Не надо было, я же...

– Поцелуй волшебнику, который очень хотел порадовать свою птичку? – перебил меня парень, разворачивая к себе.

В общем, старые мои вещи очень быстро переместились с дивана на пол, потому что мешали «волшебнику» радовать его «птичку». А когда «птичка», утомленная от «радости», смогла все же взглянуть на обновки, то пришла очередь ей говорить слова благодарности своему «волшебнику». Потому что обижаться и возмущаться произволом не получалось. Все было идеально! Стильно, качественно и моего размера. Он не забыл даже о белье

и тапочках.

— Князев... — пролепетала я, поглаживая рукав кашемирового кардигана. — Ну вот почему ты такой? Зачем?

— Я же уже говорил, — подкравшись сзади, он снова прижал меня к себе. — Ты моя жена. Для тебя — даже звезду с неба. Хочешь?

— Нет, — покачала я головой.

— А что хочешь? Только скажи, я достану.

— Тебя хочу, — честно призналась я и развернулась в кольце его рук. — Навсегда хочу. Можно? Мы поженимся, да?

— Я уже навсегда твой. Сколько раз еще повторить, чтобы ты это поняла? И нет, мы не поженимся. — У меня вытянулось лицо и задрожали губы, но он быстро договорил: — Мы уже женаты. И напоминаю, ты теперь Князева, а не Соколова.

— Но не по-настоящему же, — улыбнулась я, оттаивая. — Просто живем вместе. А...

— Иди-ка сюда, птичка. И не забывай, я волшебник... — увлек он меня на диван и пригрозил: — Сейчас буду тебя снова любить, чтобы ты все осознала.

Когда «птичку» залюбили так, что она даже шевельнуться не могла и только расслабленно и бессмысленно улыбалась, глядя в потолок, Князев соскользнул с постели и куда-то ушел. Вернулся спустя пару минут. Сначала мне на грудь лег маленький букетик ландышей...

— Ох! Откуда?! Ведь декабрь! — изумилась я, вдыхая тонкий нежный аромат.

— Волшебники могут и не такое, — улыбнулся парень и протянул мне... паспорт. — Пролистай.

Покосившись на него, я открыла документ. Мой документ! Посмотрела на свои данные, повинувшись повелительному жесту, пролистала дальше...

— Зарегистрирован брак... с ф.и.о. супруга... Князев Александр Владимирович... Дворец бракосочетания... — не веря своим глазам, прочитала я вслух.

— На дату посмотри, — посоветовал он.

Я посмотрела. Икнула. Еще раз посмотрела, более внимательно. Снова икнула...

— У тебя из выделенного по закону месяца осталось две недели на то, чтобы сменить паспорт на новый. Я же говорил, что я твой муж, а ты теперь Князева. — Он посмотрел в мои остекленевшие глаза и спросил: — Хочешь, покажу свой? У меня тоже штамп о браке. Я женат на Соколовой

Карине Викторовне.

Непослушными пальцами я долистала странички до конца. И все это молча.

– Что ты ищешь? – напряженно спросил... муж.

– Может, у меня уже трое детей, а я и не знаю... – брякнула я.

– Не-ет, птичка моя, – вытянул он у меня из рук паспорт и убрал в сторону. – Детей нам с тобой еще только предстоит делать. Но думаю, не сейчас. Сначала нужно закончить институт. Что скажешь?

– Что скажу? – Ступор начал меня покидать, я отложила в сторону букетик ландышей и начала подниматься. – Что я скажу?! Ты действительно хочешь знать, что я скажу?!

– Так! – оценил перспективы дражайший... супруг. – Я все объясню, только пообещай не перебивать и не драться. Но сначала нужно сделать так, чтобы у тебя сил не осталось. Давай сначала порадуемся, что мы женаты и я набрался смелости тебе об этом сказать, а потом...

...Сил у меня совсем не осталось, честно скажу. Когда тебя три раза подряд очень-очень активно и самозабвенно «радуют», то как-то даже «мяу» потом сказать не получается.

– Карин, я волшебник, – поглаживая мой живот, проговорил Князев. Я скосила на него глаза и скептически угукнула, ибо на большее была не способна. – По-настоящему. Нас мало, но мы есть. Можешь называть меня магом, если хочешь. Понимаешь, мы обладаем... силой. Тебе, кстати, тогда не привиделась летающая мебель. Это был я. Так вот... Ты мне нравилась, очень сильно нравилась. Я пытался за тобой ухаживать, потом перебрался сюда, когда ты заболела... Честно, не знаю, как так получилось, но я поставил на твою ауру печать. Печать принадлежности, как на свою единственную избранную.

– Мгм?

– Это бывает у волшебников. Когда встречаешь того, кто твоя идеальная пара. Два волшебника обмениваются печатями, после этого их нельзя разлучить. И противиться их браку уже тоже нельзя. Печать принадлежности – это... как клеймо, его нельзя вывести из ауры обладающего силой, оно ведь тоже магическое.

– Хм!!!

– А ты... Я, наверное, был не в себе, не знаю. Или настолько влюбился, что совсем потерял голову и сам не заметил, как... Прости. Ты из-за этого так сильно заболела. Моя печать сжигала тебя, так как ты не обладаешь силой. Тебе было так плохо, что я испугался и вызвал бабушку.

Она очень сильная волшебница и одна из старейшин. Она и увидела эту печать. Ты не бредила тогда, я просто побоялся признаться тебе. Бабушка... благословила и соединила нас древним обрядом. Это навсегда, Карин. Тут я не солгал. После такого обряда ни для одного из нас больше не существует других женщин и мужчин. Только ты и я.

– Мм? – припомнила я свое странное видение, разговор Князева с женщиной, которую он называл «ба», слово «паарра», произнесенное нами обоими в конце загадочной беседы.

– Прости, Карин, – поцеловал он меня в плечо. – Я не сумел от тебя отказаться. Если бы печать пришлось снять (ты ведь не обладаешь силой, и это удалось бы), то ты поболела бы и оправилась, но мне больше никогда не удалось бы с тобой видеться. Ты согласилась, и... Я люблю тебя, птичка. Не сердишься?

Ну... наверное, я сердилась. Только как-то очень вяло и инертно, ибо сил совсем не было. Ни физических, ни моральных, ни эмоциональных. Даже удивиться по-настоящему не получалось, а ведь мне рассказывали сейчас совершенно дикие, фантастические вещи. Волшебники, сила, магическая печать принадлежности, древний обряд... Кстати, об обряде...

– А?..

– А утром я поехал во Дворец бракосочетаний, дал взятку, и нас поженили, поставили печати в паспорта. Хочешь, покажу свидетельство о браке?

Я хотела. Честно осмотрела бумажку, убедилась, что она не фальшивая, со вздохом вернула ее... мужу. Господи, бред-то какой! Князев – мой муж!

– Где ты хочешь жить? Тут или в моей квартире? У меня трехкомнатная, отец подарил на совершеннолетие.

Я зыркнула на него, потому что слова на язык пока не шли, но как-то реагировать было нужно.

– Понял! Бабушка приглашала нас в гости, когда ты поправишься. Съездим? И еще нужно будет сказать моим родителям. Они пока не в курсе, что я женился.

– Будут в ярости? – наконец-то смогла я шевелить языком.

– Ага, – шальной улыбкой просиял Князев. – Мне мама нашла очередную кандидатку в супруги. Как водится, из старинного волшебного рода, обладающую силой и все такое.

– А тут я...

– А тут ты – моя единственная избранная. Не бойся, – правильно понял он меня. – Для меня существуешь только ты. Я никому не позволю

тебя обидеть, им придется смириться.

– М-да, – вздохнула я. Рассердиться никак не получалось, поэтому я просто отдалась течению и решила плыть по нему.

– Они, конечно, поорут, точнее, мама побесится, но потом смирятся. Сами-то они вообще развелись.

– А как же печать? – скосила я на него глаза. – Ты же говорил, что это навсегда.

– А они не были избранными друг для друга. Поженились потому, что их брак был выгоден финансово, ну и вроде как оба из старинных семей. А в итоге мамуля наставила папуле рога, так как встретила своего единственного. Папа узнал, они развелись. Ба именно из-за этого никак не может помириться с бывшей невесткой. А позднее отец привез из глухой деревни, куда отправился на рыбалку, молодую жену – свою избранную. Она там местной ведьмой была. Так что не им мне указывать. Хотя мама, конечно, будет ворить и обещать мне кары небесные, что я отверг ее кандидатку. Ты не обращай внимания, она вспыльчивая и эмоциональная, но отходчивая.

Я невольно прыснула со смеху, оценив ситуацию с родителями Алекса.

– Всё, я сознался, и ты меня даже не убила, – с облегчением произнес парень.

– Это только потому, что у меня пока нет сил, Князев, – ухмыльнулась я. – Сейчас отдохну, встану и...

– Понял! – осклабился он в хищной улыбке и подмял меня под себя. – Нужно сделать так, чтобы силы к тебе еще долго не возвращались. До утра ты точно встать не сможешь, а там, глядишь, и сердиться перестанешь.

– До утра?! – ужаснулась я. – Князев, тыексуальный маньяк.

– Нет, просто я оголодал, пока спал рядом с тобой столько ночей, не имея возможности даже поцеловать. А теперь я покаялся, ты знаешь, что мы женаты, но при этом меня не прикончила. Считай, что сегодня первая брачная ночь!

– А до этого что было? – фыркнула я.

– Легкая разминка. А сейчас будем наверстывать упущенное.

Наверстывали мы долго. Очень долго. Очень-очень долго...

Знакомство с родителями Алекса прошло неоднозначно. Моя свекровь была со своим вторым мужем – статным, чуть седоватым брюнетом. А мой свекор приобнимал молодую (ненамного старше меня) русоволосую румяную девушку с животиком. Похоже, скоро у моего мужа появится братик или сестричка.

Ну... Свекровь орала, правда, очень культурно, но орала. Впрочем, не на меня, а на своего бессовестного сына. Мне она сразу сказала, чтобы я не вмешивалась. И мол, вообще, я жертва обстоятельств, и со мной она потом поговорит и все расскажет. Расколотив телекинезом несколько тарелок об выставленный Алексом щит (прикиньте?! как в сказках!), она слегка успокоилась, поправила прическу и разгладила несуществующие складки на платье. Ее муж все это время невозмутимо пил вино, стоя у окна.

Когда мама Алекса устала и махнула на него рукой, пришла очередь моего свекра. До того он даже не пытался вставить хоть слово. Мужчина – более взрослая копия моего мужа – приветствовал нового члена семьи, пожал мне руку и посоветовал не обращать внимания на странности.

– На какие? – спросила я, и тут с дивана взлетел плюшевый зайчик, которого я ранее не заметила, подлетел к молодой жене моего свекра и прилип к ее животу.

– Например, эти, – правильно оценил мои круглые глаза родственник. – Малышке нравятся игрушки.

– А-а-а... – протянула я, таращась на то, как беременная девушка с усилием оторвала от своего круглого животика игрушку, повертела ее в руках, после чего закинула обратно на диван.

К тому времени, когда явилась остальная родня, в том числе бабушка Алекса, у нас уже было все спокойно. Исчезли в неизвестном направлении осколки посуды от разбитых тарелок, будущая мамочка, смирившись, сидела на диване с плюшевым зайчиком на животе и загадочно улыбалась. Бывший и нынешний мужья моей свекрови пили вино и что-то обсуждали. А мы с Алексом рассматривали семейные портреты, развешенные по стенам.

– Я смотрю, вы уже поладили, – с порога заявила седовласая дама, глядя на нас с одобрением. – Внук, представь нас своей птичке.

– Ба! – фыркнул Алекс.

– Не бакай, – величаво отмахнулась женщина. Бабушкой ее язык не поворачивался назвать, хотя видно, что лет ей ох как немало.

– Почему «птичка»? – спросила моя свекровь, поджавшая губы при виде своей бывшей свекрови.

– Потому что эта милая девушка имела в девичестве фамилию Соколова. И попалась в сети твоего одаренного отприска, как глупая пичужка, – не глядя на провинившуюся невестку, снизошла до ответа бабуля Князева.

Когда все перезнакомились, Маргарита Артуровна на правах старейшины еще раз утвердила наш союз, публично благословила, после

чего сообщила:

– Дорогие члены семьи. Сегодня, раз уж мы все в сборе и готовимся отметить свадьбу Александра, я хочу вам сообщить. Я решила уйти на покой. Силу и дар я передаю Карине.

Ох, что тут началось. Родственники Алекса повскакивали, роняя стулья, что-то бурно выясняя. А я спросила его на ухо:

– Чего это они?

– Волшебники могут при желании передать свои дар и силу. Либо просто так, либо перед смертью... Тогда они станут обычными людьми, а их преемники станут волшебниками.

– Тихо! – словно в мегафон, прозвучал голос Маргариты Артуровны. – Кто-то хочет оспорить мою волю?

Желающих не нашлось.

– Карина, ты не волшебница и явно не понимаешь, что происходит. Можно, конечно, потерпеть, и тебе все объяснил бы муж позднее. Но я считаю, что тебе пора втягиваться уже сейчас. Для понимания, зачем и почему я решила передать дар именно тебе. Мы, волшебники, живем очень долго. Мне почти пятьсот лет. Твоей свекрови больше двухсот. И я не хочу, чтобы мой любимый внук видел, как стареет и умирает его единственная избранная. Это во-первых. Во-вторых, желаю быть твердо уверенной в том, что ваши будущие дети рождаются обладающими силой и никаких осечек не будет. А в-третьих, я устала и хочу покоя. Надоело мне всех вас караулить и следить, что вы вытворяете. Тихая старость без всяких этих штучек... – над столом взлетел кофейник, облетел всех, наливая кофе в пустые чашечки, – это то, что я заслужила на склоне лет. К тому же я встретила чудесного мужчину, итальянца. В Италии прекрасный климат и виноградники. А мне наскутило быть вдовой.

– Ба!

– Маргарита Артуровна!

– Мама!

Когда гвалт стих, невозмутимая седовласая дама улыбнулась, ткнула через стол в мою сторону указательным пальцем и сказала: – Отдаю дар и силу!

Мне в лоб влетела искра, сорвавшаяся с кончика ее пальца, а дальше... я не помню. Очнулась уже дома, в своей квартирке. Рядом спал Алекс, а я была заботливо переодета в ночную рубашку.

Я тихонько выбралась из постели, прокралась на кухню и жадно выпила стакан воды. Потом зашла в ванную и умылась, так как переодеться меня Алекс переодел, а вот косметику не удалил с лица. Долго

таращилась в зеркало, пытаясь увидеть хоть что-то. Потом пожала плечами, выключила свет и на цыпочках отправилась обратно в постель.

– Тренируешься? – застал меня врасплох вопрос Князева. Щелкнул выключатель, и зажглось настенное бра.

– В чем? – уточнила я, застыв на месте и щурясь от внезапного света.

– Левитировать, – кивнул он на мои ноги.

Я опустила глаза и заверещала. Оказалось, я не кралась на цыпочках, о нет, а парила над полом, то есть шла по воздуху.

– Лети сюда, птичка моя, – тихонько засмеялся муж. – С завтрашнего дня я начну тебя учить... И давай уже выбирай свадебное платье. Ба просила, чтобы мы не затягивали с праздником. Она хочет уехать к своему итальянцу побыстрее, Новый год ведь скоро. Мы в свадебное путешествие куда поедем? На море?

Наталья Косухина

Дань для графа

— Это совершенно невероятно! Мне говорили, что ваша компетентность как секретаря сомнительна, но то, что произошло, — просто неприемлемо. Как вы могли напутать с расписанием? Я хоть и не леди

высшего магического общества, но не потерплю такого отношения к себе!

– Но, миссис Руфин, это же всего на пять минут... – оправдывалась я.

– И не думайте, что я забыла о взятке, которую вам пытались дать. Все это наводит меня на определенные мысли.

– Но я же не взяла денег!

– Вы дали повод, чтобы вам их предложили! Не знаю, что за игру вы ведете, но мне такой секретарь не нужен. Вас рассчитывают немедленно. И потрудитесь в течение часа покинуть мой дом.

– Но, миссис...

– И это я еще ничего не сказала про вашу экстравагантность, а для секретаря подобное недопустимо. А еще вы неуклюжи.

– Но...

– Я все сказала.

Вспоминая разговор с бывшей хозяйкой, я не могла поверить в собственное невезение. И месяца не проработала на новом месте!

Впрочем, были у меня подозрения, что увольнение случилось не просто так: дворецкому нужно было пристроить куда-то свою племянницу. А без рекомендаций на хорошее место можно попасть только по знакомству.

Я в свое время получила эту должность случайно, так же легко и потеряла ее. И рекомендаций не получила...

Посмотрев вверх на яркое утреннее солнышко, удивилась про себя: как в такой прекрасный день могло случиться такое несчастье? Я присела на лавочку в парке, поставив чемодан рядом. Отсюда открывался вид на реку, серебрившуюся в солнечном свете, по глади воды плыл пароход.

Идти мне было некуда, в кармане – жалованье за неделю, на которое и комнату не снимешь, не говоря уже о том, чтобы питаться до того, как найду новую работу. Значит, снова придется идти в приют для бездомных и голодать – встав на учет как безработная, я буду иметь право только на одну порцию в день.

Я жила в столице империи, где многое зависело от связей и положения, от богатства: чье состояние и оборот больше, тот и правит балом. На долю обычного народа оставались крайне скромные доходы, а еще голод, если случались неурожай и безработица. И сейчас шел именно такой год.

«Как же найти новое место?»

Неожиданно мое внимание привлек всплеск и крики. Я увидела бултыхавшуюся в воде девушку.

– Алисия, что мне делать?.. Как это ты не умеешь плавать? Я же не

могу вытащить тебя, мое платье намокнет, – причитала молодая женщина, стоявшая на пирсе.

Не веря в то, что слышу, я со всех ног кинулась на помощь незнакомке и с разбегу бросилась в реку.

– Держитесь за меня, – я обхватила девушку.

Та перестала кричать и вцепилась в меня. В платье плыть было неудобно, но до берега было совсем недалеко, и спустя пару минут я уже помогала незнакомке выбраться из воды.

К нам подбежали кучер и еще несколько мужчин. До меня им дела не было, они спасали свою госпожу, а я в мокром платье зябко ежилась на холодном ветру.

«Что теперь делать? Вот зачем прыгнула спасать? Ведь и без меня бы нашлись желающие».

Теперь одежда сырья, идти по городу в таком виде неприлично, а придется. Вернувшись к лавочке, я увидела, что чемодан исчез. Со всеми вещами и деньгами!

Ноги подкосились, и я упала на край скамейки, по щекам покатились слезы.

– Что случилось?

Подняв глаза, я увидела кутавшуюся в покрывало незнакомку.

– Меня сегодня уволили и обокрали, мне негде даже переночевать, – безжизненным голосом ответила я. – А в целом все хорошо.

– Пойдем, – девушка схватила меня за руку и потянула за собой, отдавая распоряжение: – Лартек, остановите наемный экипаж и отвезите мисс Ниссон. И что б ноги ее не было в моем доме.

Посмотрев на подругу спасенной, я увидела ту заплаканной, с поджатыми губами. Между девушками явно вышла ссора. Я бы и сама разозлилась, если бы меня оставили тонуть.

– Куда мы идем? – недоуменно поинтересовалась я.

– Ко мне домой. Ты спасла мне жизнь, а значит, я тебя накормлю, одену и подумаю, как решить другие проблемы.

Недоверчиво посмотрев на незнакомку, я позволила увлечь себя в сторону кареты. Не знаю, поможет она мне или нет, но хуже уже не будет: я без денег, без крыши над головой и, скорее всего, сегодня буду ужинать вместе с бездомными. Если хоть покормит в благодарность за спасение – и то дело.

Красивый двухэтажный особняк ослеплял белизной в лучах утреннего солнца. Величественные колонны, мраморные ступеньки и изысканная

отделка – все говорило о богатстве владельцев. Вокруг дома возвышался кованый забор с причудливыми орнаментами. В саду росли розы и множество других цветов, которые сразу окружили нас нежным ароматом.

– Нравится?

Посмотрев на незнакомку, я улыбнулась:

– Ваш дом прекрасен.

– Пошли, тебе и мне нужно привести себя в порядок, а потом поговорим.

Эта деловая и энергичная девушка вызывала у меня улыбку. Будь у меня подобные качества, не оказалась бы сейчас в столь плачевной ситуации. И все же мне было очень неуютно и стыдно от мысли о принятии ванны в чужом доме. Но если откажусь, то неизвестно, когда удастся это сделать вновь.

– Ты идешь? – окликнули меня с порога.

И я, сделав неуверенный первый шаг, решительно вошла в дом.

Внутреннее убранство впечатляло: мраморные полы, шелковые обои с изумительным рисунком, резная мебель из элитной мастерской. Я лишь однажды работала в таком доме, боялась лишний раз там присесть, чтобы ничего не испортить или не испачкать.

Зеркало в резной позолоченной раме отразило мокрую темноволосую девушку, нахмурившуюся, словно воробей.

– Пойдем, – подошла ко мне хозяйка этого великолепного дома. – Я уже обо всем распорядилась. Тебе дадут отдельную комнату и пришлют горничную.

– Может, не нужно... – начала я.

– Очень даже нужно, идем же.

Присев на кровать, я последовала за девушкой, оглянувшись, увидела мокрый след, который мы оставляли за собой.

«Раз уж настаивают – буду пользоваться моментом!»

Лежа в горячей воде и мягкой ароматной пене, я не пожалела о своем решении. Я отбросила все мысли и с наслаждением откинулась на бортик ванны, прикрыв глаза. Была бы я кошкой, точно бы замурчала в этот момент от удовольствия.

– Извините, мисс. Можно к вам войти?

Услышав вопрос, я поглубже погрузилась в пену.

– Да.

Дверь приоткрылась, и вошла молоденькая горничная.

– Я подготовила вам платье. Мне помочь одеться?

– Нет, спасибо.

– Тогда мисс Фламиган ждет вас в гостиной на первом этаже, первая дверь направо.

– Хорошо. – Я постаралась улыбнуться, вновь чувствуя себя неловко.

Сразу же после ухода горничной я закончила с купанием. В комнате, на постели, обнаружила белье, новое и дорогое, и наряд, сшитый по последней моде: белую шелковую рубашку, пышную юбку и корсет. Я сколола ворот рубашки брошью, волосы, предварительно просушив в ванной магическими щипцами, скрутила в привычный жгут и скрепила шпильками. Взглянула еще раз в зеркало и удовлетворенно блеснула темно-карими глазами. Такой я никогда себя не видела – словно принцесса из сказки. Только что я буду делать, когда она закончится?

Отбросив невеселые мысли, я направилась в указанном направлении и робко постучав в дверь гостиной, вошла.

В кресле около накрытого стола сидела светловолосая девушка в голубом шелковом платье, фасоном очень напоминавшем мой наряд. Она улыбалась искренне и доброжелательно, голубые глаза смотрели с задором.

– Проходи, думаю, нам пора познакомиться. Я – Делия Фламиган.

– Мира Новаро, очень рада знакомству, – сделав книксен, я присела напротив хозяйки на диван.

– А уж я-то как рада! Кстати, будешь чай?

– Не отказалась бы.

Пока Делия разливала напиток, я поедала глазами пирожные. Интересно, какое их количество будет прилично съесть? Вчера, занятая делами, я нормально не поужинала, сегодня меня выгнали из дома, уволив до завтрака.

– Ты чудесно выглядишь, – подала мне чашку хозяйка дома.

– Вашими стараниями, – смущенно улыбнулась я.

– Это меньшее, что я могу для тебя сделать.

Делия отослала слуг из комнаты и активировала магический полог тишины.

Я же, пока на меня не обращали внимания, слопала пирожное и взяла еще одно. Ох, они были просто божественны!

– Скажи мне, что еще я могу для тебя сделать?

– Вы и так сделала достаточно. Платье...

– Ерунда! Ты сегодня спасла мне жизнь, я в неоплатном долгу перед тобой. А ты говоришь про какие-то тряпки, – воскликнула хозяйка дома.

Я опустила глаза.

– Это самая красивая одежда, которую я носила в своей жизни.

– Одежда, блага, развлечения – ничего не стоят, – странным тоном

заметила Делия.

Взглянув на нее, я увидела горькую улыбку.

– Поверь мне, Мира, я богата и точно это знаю. Деньги, вещи и роскошь – все это хлам, гораздо ценнее в этой жизни люди. Те, что помогут в беде, те, которым ты дорога. Это не купишь ни за какие богатства. Сегодня подруга детства пыталась меня убить.

Я с жалостью посмотрела на девушку, которая все еще переживала предательство, и ничем не могла ее утешить.

– Поэтому, если ты нуждаешься в вещах или в чем-то еще, просто скажи мне.

Видя невероятное упрямство Делии в этом вопросе, я, пожав плечами, попросила:

– Тогда вы можете помочь мне с работой?

Девушка недоверчиво посмотрела на меня:

– И все?

– Да. Простому секретарю не так-то легко найти место. Я неуклюжа, да еще и с языком, который не могу держать за зубами, – вздохнула, вспомнив последний случай. – И у меня нет рекомендаций.

– Это решим. А еще с меня новый гардероб. По моей вине у тебя украли вещи, значит, я куплю другие.

– И этого платья будет достаточно!

– Нет, не достаточно. Что тебя смущает?

– Это все настолько нереально, словно происходит не со мной. Будто я украла кусочек чужой жизни.

– Раз все нереально, не проще ли плыть по течению и получать удовольствие?

Я улыбнулась и кивнула.

– Тогда мы отправляемся по магазинам!

В середине дня на центральных улицах кипела жизнь. Шумели люди, мимо то и дело проезжали механические машины и кареты, в небе проплывали дирижабли, а в воздухе витал терпкий аромат магии.

Я с Делией переходила от одного магазина к другому и мерила, мерила, мерила... Что-то забраковывалось, что-то покупалось и отправлялось сразу домой, а я наслаждалась происходящим, сильно сомневаясь, что шикарные платья пригодятся обычному секретарю.

Когда Делия зашла к своему поверенному, я осталась ждать ее снаружи, прогуливалась мимо лавочек, кафе и витрин магазинов и рассматривала изящные перчатки, шляпы, украшения, изготовленные

самыми лучшими мастерами.

Остановившись рядом с изумительной тростью черного дерева, я подняла взгляд и увидела мужчину. Он смотрел прямо на меня, не мигая, и его темные глаза словно гипнотизировали. Высокий, крепкого телосложения, с гордой осанкой. Прямой нос и четко очерченные скулы придавали аристократичность бледному узкому лицу, а губы притягивали взгляд. Наряд незнакомца был дорогим и идеально скроенным, а его прически довольно старомодной – длинные, до лопаток, волосы, перехваченные лентой. Он как магнит притягивал взгляды окружающих, но не своим богатством, а аурой властности.

Вздрогнув и отведя глаза, я заспешила прочь от магазина, в котором он делал покупки. Увидев ожидавшую меня Делию, я испытала невероятное облегчение.

– Отчего ты бежишь, словно за тобой гонится дьявол? – удивленно спросила девушка, когда я подлетела к ней.

– Пойдемте отсюда куда-нибудь, мне что-то не по себе.

Сердце колотилось в груди быстро-быстро. Откуда это волнение?

– Конечно, только зайдем за перчатками...

Неожиданно Делия замолчала и побледнела.

– Добрый день, мисс Фламиган. Какая неожиданность встретить вас здесь, – раздался позади меня негромкий бархатный голос, от которого мурашки пробежали по телу. – Вы не одна?

– Со мной моя подруга и гостья – мисс Мира Новаро. Мира, это Александр Нарсар, граф Ферри, – представила нас Делия, едва я развернулась.

Сделав книксен и смотря на шелковый галстук мужчины, я пробормотала:

– Очень приятно.

Как можно не знать богатого промышленника, который владеет собственностью по всему миру и огромными капиталами.

– Очень рад встретить вас. И еще больше возможности лично поинтересоваться: получали ли вы мое приглашение? Сегодняшний бал, помните?

– Да-да, конечно, – пробормотала Делия в смятении.

Я еще не видела ее такой растерянной – и это при столь решительной натуре!

– Надеюсь, и мисс Новаро не откажет мне в чести посетить меня вечером?

Мне пришлось поднять голову и снова попасть в плен его взгляда.

Дыхание перехватило, когда я провалилась в два черных омута. Сердце застучало быстрее, ноги стали ватными, и я совершенно не понимала, что со мной происходит.

– Спасибо, с удовольствием, – ответила я машинально.

– Сегодня же вам придет приглашение, – улыбнулся граф.

Делия в волнении схватила меня за руку.

– Извините, граф, чтобы успеть к балу, нам еще столько надо сделать.

– Конечно, приятные хлопоты, – улыбнулся Нарсар, кланяясь, и, повернувшись ко мне, поцеловал руку: – Приятно было познакомиться.

Я сглотнула.

Раньше мне было непонятно, почему женщины так странно ведут себя с богатыми мужчинами. Однако если все магнаты оказывают такой же эффект, то пасть к их ногам ничего не стоило.

Делия ходила из угла в угол.

– Ужас! Хотела помочь, а вместо этого сделала лишь хуже. Что же теперь предпринять?

– Мне кажется, вы зря так волнуетесь. Побудем на этом балу час и уедем, – недоуменно заметила я, неосознанно поглаживая кисть.

Руку покалывало после того самого поцелуя, и я водила пальчиками по месту, которого коснулись губы графа.

– Ты не понимаешь!

– Тогда объясните.

– Все знают, что в нашем обществе помимо людей живут вампиры, драконы и оборотни. Граф – он вампир. И каждые пять лет влиятельным вампирам нашей страны приносят дань.

– Что? – поразилась я.

– Дань – это девушки, которые могут стать невестами, а потом и супругами.

– Вы хотите сказать, что все эти истории...

В городе ходили слухи, что все девушки, выбранные влиятельными вампирами в невесты, погибли. Кто-то говорил, что они уехали, кто-то – что отправились к родственникам. Факт оставался фактом – никто домой так и не вернулся.

Вернее, никто, кроме трех избранниц. Но те никуда не исчезали, они стали невестами и вышли замуж. Теперь счастливиц можно увидеть в высшем свете вместе с супругами.

– Да. Если обычным вампирам приходится выбирать себе пару и выторговывать девушку за услуги или соглашения, то влиятельным так напрягаться не пристало – им платят дань. Обычно кандидаткам

рассылаются приглашения, и на балу вампиры выбирают претенденток в невесты, а потом приглашают их куда-нибудь на закрытое мероприятие. Те же, на кого там падет выбор женихов, исчезают. А нам остается лишь надеяться на удачу, что на нас не обратят внимания.

- А сколько всего вампиров выбирают себе спутниц жизни?
- На данный момент – пятеро.
- А девушек на балу?
- Там будут представительницы из разных сословий, и, по слухам, претенденток триста шестьдесят восемь, с тобой уже триста шестьдесят девять.
- Вы же не думаете, что меня?.. – встретив обеспокоенный взгляд Делии, я замолкла.
- Из-за этого бала меня и хотела сегодня утром утопить лучшая подруга.

Немного помолчав, я кивнула:

– Будем рассчитывать, что все обойдется.

А вот сердце мое надеялось совсем на другое.

Богатые промышленники не поскупились и устроили грандиозный бал. Утопавшие в живых цветах залы блестели от магии и света. Официанты разносили изысканные закуски, дорогое вино лилось рекой.

Дамы были элегантны и ослепительны, мужчины – представительны и серьезны. Сливки общества намеревались развлекаться.

Но не всех переполняла радость.

Я стояла у входа в залу, в очереди гостей, и ощущала себя как уж на сковородке.

– Мира, прекрати нервничать, – тихо попросила Делия.

– Не могу, – шепотом ответила я. – Меня впервые пригласили на такое пышное мероприятие, и я чувствую себя очень глупо. Уверена, что сама опозорюсь и вас скомпрометирую.

– Эх, зря ты так. Поверь, сегодня всем будет не до тебя.

Только я хотела возразить, как мы подошли к встречавшему нас хозяину. Присев в реверансе перед графом, я посмотрела в темные глаза, и дыхание перехватило от чувств, зародившихся в душе.

Легкая улыбка тронула его губы. Граф склонился и поцеловал мне руку. Несмотря на все ужасы, услышанные о Ферри, я мгновенно от этого мужчины, импозантного и невероятно притягательного.

– Мира, – дернула меня за рукав Делия, когда мы отошли.

– А? – повернулась я к ней.

– С тобой все в порядке?

– Знаешь, граф меня гипнотизирует. Я очень странно себя чувствую рядом с ним.

– Что же делать? Ужас-то какой!

– Что такое? – переполошилась я, увидев, как расстроена Делия.

– Хотела отблагодарить тебя за спасение жизни... Вот так благодарность вышла!

– Ну что вы... Ничего же не случилось...

– А если он выбрал тебя на роль невесты? Он так на тебя смотрит...

Я недоверчиво посмотрела на девушку.

– Я совсем не его круга, общество ни за что не примет меня... – я начала было перечислять аргументы.

– Мира, какая ты наивная! Да общество примет все, что бы ни сказал граф или кто-нибудь из других больших промышленников. У них в руках такая власть! К тому же все безумно боятся Ферри. Из всех вампиров он самый древний, и за ним самый длинный кровавый след. Уже двенадцать невест пропали.

– Делия, я ведь синий чулок. Кто на меня посмотрит? Граф может выбрать любую красавицу, а тут я. Вам не стоит переживать.

Я говорила и сама не знала, кого на самом деле пыталась успокоить. Нельзя мне думать о графе, нельзя.

– Толку от предположений не будет, просто постараемся не попадаться ему на глаза, – подвела итог Делия и увлекла меня к столам с закусками. – Надо хоть угощение попробовать, раз пришли.

Я улыбнулась ей, но сама к яствам не притронулась, не в силах сладить со странным возбуждением и беспокойством.

Делия отлучилась в дамскую комнату, а я, устав от душевных терзаний и бесцельного наблюдения за гостями, решила выйти на веранду. Развернувшись, я врезалась в мужчину. Я было собралась извиниться, но, вскинув глаза, неуклюже застыла – передо мной стоял граф.

– Прошу простить мне мою неуклюжесть, – улыбнулся тот, а я покраснела.

– Нет, это я не смотрела, куда иду. Извините...

– Потанцуете со мной?

– Что?.. – не поверила я своим ушам.

В этот момент меня совершенно не волновала его слава кровавого убийцы: он пригласил меня на танец! Меня!

– Ваша охранница временно отлучилась, и я решил попытать удачу. А то боялся не пробиться к вам через мисс Фламиган.

– О... Делия совсем не потому... э...

– Так вы окажете мне честь? – чуть улыбнулся граф в ответ на мои неуклюжие объяснения.

Я поняла, что умудрилась еще и приглашение проигнорировать, и мои щеки запылали сильнее.

– Не знаю, каким будет следующий танец... – нерешительно забормотала я.

– Вальс, – ответил граф, вскинув брови и выжидательно глядя на меня.

Ура! Только его я и умею танцевать.

– Тогда я с удовольствием.

Взяв под руку, граф повел меня в танцевальную залу, где как раз заиграли новую мелодию. Я нередко оказывалась близко к мужчинам во время танца, но это были родственники или хорошие знакомые, которых я знала с детства, а тут!.. Так близко к нему!

Зато именно сейчас я поняла, почему вальс считается довольно интимным танцем. Одна моя рука лежала на плече графа, вторая – в его ладони, а от горячего прикосновения под лопатками пробегали приятные мурашки.

– Можно спросить, почему вы согласились, лишь когда узнали, что танцем будет вальс? – поинтересовался вампир, чуть сильнее сжав меня в объятиях.

Я попробовала быстро придумать остроумный ответ, но не смогла, и пришлось ответить правду:

– Это единственный танец, который я знаю.

– Может, я пожалею, что скажу вам это, но вы прелестны.

Я снова посмотрела в глаза мужчины, совершив тем самым ошибку.

– Почему вы должны пожалеть об этом? – удивилась я.

– Я тоже буду с вами откровенен. Все здешние гости боятся меня, боятся, что мне понравится кто-то из их родственников или – еще хуже – дочь. Даже вдовы неспокойны за свое будущее. Вам ведь уже рассказали, с какой целью организован этот бал и сколько невест у меня было?

Пребывая под невероятным обаянием графа, я совершенно бес tactно призналась:

– Да.

– И вы боитесь меня?

– Н-н-нет...

– И правильно... – раздался едва различимый шепот.

Я споткнулась и отдавила бы партнеру ноги, но меня удержали сильные руки, словно пушинку приподняв над полом.

– Что вы сказали?

– Что вы хорошо танцуете. Я получил от вашего общества настоящее удовольствие, – серьезно ответил Ферри, улыбаясь глазами.

От такой откровенной лести я покраснела – то ли от смущения, то ли от досады. Ведь только что чуть не отдавила ему ноги – какой уж тут прекрасный танец.

Но разговор на этом и закончился. Последние аккорды смолкли, и меня молча проводили к Делии. Увидев, с кем я иду, девушка побледнела, вежливо перебросившись парой слов с Ферри, она утащила меня прочь.

– Мира, как ты?

– Прекрасно. Граф замечательно танцует.

Настроение у меня упало, находясь и дальше здесь совсем не хотелось. Я вспомнила, что наговорила Нарсару: это же скандал!

– Я так испугалась, когда увидела, что ты с ним танцуешь.

– Со мной все хорошо. Но ты права, нам нужно держаться от графа подальше.

– Все-таки что-то случилось?

– Нет, просто, когда он рядом, я начинаю вести себя как дура.

– Мира...

– Пойдем лучше погуляем по саду, – предложила я.

Несмотря на постоянное присутствие Делии, в толпе гостей я чувствовала себя неуютно, а удовольствие от вечера получала лишь рядом с графом. Я никого здесь не знала и не имела желания знакомиться и после бесцельных скитаний по залу уговорила свою спутницу покинуть бал как можно скорее.

Но перед уходом, когда я возвращалась из дамской комнаты, меня перехватилgraf:

– Следующим танцем будет вальс. Вы окажете мне честь? – спросил мужчина.

А я, вновь ощущая, как таю лишь от одного его присутствия, кивнула в знак согласия.

Пока мы с графом шли в танцевальную залу, я отметила, сколько людей, тайно или в открытую, смотрят на нас. Или, вернее, на Нарсара. Что же такое в этом человеке заставляет окружающих относиться к нему с таким пietetом?

А потом я перестала думать о всяких глупостях: крепкая рука оказалась на моей спине, а я – так близко к своему идеальному мужчине, что лишь легкая улыбка графа стала иметь значение.

Я не знала, что будет со мной завтра, но одно было несомненно – этот

вечер запомнится на всю жизнь.

Приглашение на закрытое мероприятие от графа я не получила. Делия была в восторге и поражалась нашей удаче, а я улыбалась сквозь силу.

После бала прошло уже несколько дней. Из деловой поездки вернулся отец Делии – дородный мужчина лет пятидесяти, с открытым взглядом и приятной улыбкой. Он сердечно поблагодарил меня за спасение единственной дочери и сообщил, что я всегда желанный гость в их доме, что бы ни случилось.

Делия исполнила обещание: купила мне новый гардероб и еще кучу других вещей. Она уговорила повременить с работой, воспользоваться моментом и отдохнуть. Девушка настояла на том, чтобы я хоть неделю провела в ее загородном поместье. И я уступила. Моя душа была в смятении, и требовалось время, чтобы успокоиться.

Стоило признаться самой себе: я влюбилась в графа. Как это случилось? Почему? Ответа у меня не было, но факт оставался фактом. И что теперь с этим делать, я не знала.

Конечно, я старалась не показывать, что меня снедает тоска, но вечерами я часто сидела у окна в своей комнате, глядя на закатное солнце и жизнь ночного города. И лишь иногда, совсем-совсем редко, по моим щекам катились слезинки.

Я обычный секретарь, после нескольких дней в сказке пора было возвращаться в реальность.

В загородном поместье Фламиганов я много гуляла и старалась прийти к согласию с внутренним миром, прежде чем устроиться на работу и окунуться в обыденную суету.

Но вот, когда я уже решила завершить свой отдых, появился он.

Я прогуливалась с книгой по аллее сада, когда заметила шедшего мне навстречу графа. Он пристально на меня смотрел, был серьезен и, как мне кажется, чем-то встревожен.

– Добрый день, ваше сиятельство, – присела я, приветствуя мужчину.

Хоть я и старалась унять свои чувства, сердце забилось в груди быстро-быстро. Следовало бы быть более сдержанной, ведь я только начала приходить в себя. И ни в коем случае не смотреть ему в глаза.

– Добрый день, – склонился к моей руке Ферри, посыпая губами разряд тока по всему телу. – Надеюсь, я не помешал?

– Ни в коей мере, – рассматривая ткань пиджака, заверила я. – Но мне жаль вас огорчать: Делии здесь нет, я приехала сюда одна.

– Я знаю. Не далее как вчера я имел счастье побеседовать с вашей

подругой.

Услышав ответ, я удивленно вскинула голову и все-таки попала в плен удивительных и гипнотизирующих глаз. Они завораживали, сводили с ума и растворяли в своих глубинах.

– Что-то случилось? – почти машинально спросила я.

– Да. Я не первый десяток лет живу на свете, и каждый раз поражаюсь человеческому коварству.

– Если я чем-то могу помочь... – с тревогой начала я.

– Можете. Поедемте со мной на закрытое мероприятие.

После этих слов эмоции захлестнули меня. Я боялась думать, боялась чувствовать и поверить. Ведь надежде так мало нужно!

С трудом дойдя до ближайшей скамейки, я присела.

– Я не могу, у меня нет приглашения, – пробормотала я в ответ устроителю мероприятия, и только потом до меня дошло, какую глупость я ляпнула.

Вместо ответа мне протянули конверт.

– Что это? – удивленно вскинула я взгляд.

– Прочтите.

Граф сел рядом. Очень близко, на грани приличий. От него пахло ванилью и легкой магией крови. Нарсар кружил мне голову, не прикладывая к этому никаких усилий. Если я приму его приглашение, то совершу величайшую глупость.

Развернув послание, я пробежала его глазами, все больше хмурясь.

– Но это же...

– Ваше приглашение, – закончил за меня фразу граф. – Оно предназначается вам, и было написано еще до бала, но мой секретарь его не отправил.

У меня внутри все радостно затрепетало: он не забыл, он позвал!

– Он не смог отправить? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, конечно. Его подкупили, чтобы на бал попала другая женщина вместо вас.

– Но зачем? – ничего не понимала я. – Если все так избегают этой...

Осознав, что говорю оскорбление, я смолкла, но граф отмахнулся и, резко поднявшись, заходил взад-вперед.

– Буду откровенен. Из-за череды некоторых неприятных ситуаций, да и просто из-за репутации вампиров нам очень сложно найти спутницу жизни. Девушки из благополучных семей нас сторонятся, отчасти не без оснований. Но есть и те, которых семья готова продать за хорошее вознаграждение с моей стороны.

– Какой ужас!

– Я отвергаю все подобные предложения, но в этот раз один из богатых торговцев решил хорошо устроить дочь и приобрести деловые связи. Подкупив моего секретаря, он договорился заменить одну из названных мною девушек другой.

– Это возмутительно и непорядочно! Бедная его дочь!

– А вот ваша замена как раз была за идею своего отца. Вас это изумляет?

– Конечно! Это ужасно непорядочно! Неприлично... Как можно быть такой безнравственной?

– А вы девушка строгих правил, да? – как бы между прочим спросил граф.

– Да, – с достоинством ответила я. – Поступать нужно по чести. Иначе как потом уважать саму себя?

– Я так и думал, – кивнул Нарсар, думая о чем-то своем.

– Но как же он рассчитывал, что вы такое не заметите? – удивилась я, возвращаясь к «ошибке» секретаря.

– Гостей много, но количество приглашений ограничено. У него было получиться, если бы он не выбрал на роль жертвы вас. Я не сразу понял, что не вижу среди гостей вашего имени, но потом... Ни у этого торговца, ни у моего секретаря больше не возникнет желания меня дурачить, – процедил граф.

И я поняла, почему его боятся: черты лица заострились, выражение его стало немного хищным. Но я почему-то не боялась и прямо встретила его взгляд. Нарсар понял, что я приняла его сущность, и сделал шаг ко мне.

– Вы поедете со мной? Там кругом будет полно таких хищниц.

Я с трудом сдержала улыбку: еще неизвестно, кому потребуется защита.

– Зачем? И что я скажу Делии?

– С вашей подругой я договорился. Она очень забавная. Давно мне никто не пытался угрожать.

Я вскочила:

– Вам не стоит сердиться, мисс Фламиган просто переживает за меня.

Но граф проигнорировал мои слова и, подойдя, взял руку и поднес ее к губам. После этого я готова была отправиться с ним хоть на край света. И куда только подевалась моя принципиальность?

– Вы меня гипнотизируете? – слабо спросила я, не в силах оторваться от глаз Нарсара.

– Нет, Мира, я ни разу не применил к вам свои чары. И не буду. Ваша

ценность и прелесть в том, что вы та, кто вы есть. Ну что, не бросите бедного графа в беде?

Конечно же, я приняла приглашение. Уверена, граф при желании сможет уговорить меня на что угодно, правда, ему это знать совсем не обязательно.

В этот же день мы поехали на юг страны, к самой широкой и полноводной реке мира. Ее использовали для доставки товаров к морю, кроме одного месяца в году – и именно в это время мы отправились в путешествие по ней на роскошном пароходе.

Это было невероятно. Я слышала рассказы о шикарной жизни, а теперь в нее окунулась с головой. Прекрасная каюта, чудные вечера, наполненные музыкой, яствами и развлечениями. И только пять вампиров вели себя несколько отстраненно, словно наблюдая за происходящим со стороны.

Граф практически сразу познакомил меня со своими друзьями, проводил много времени рядом, разговаривая, танцуя или просто гуляя. Я прекрасно понимала, что из всех женщин он отдает предпочтение мне, используя как защиту от охотниц за его состоянием.

Я же, как никогда, была признательна Делии за дорогие наряды, которые позволяли мне не испытывать чувство стыда за свой внешний вид, и млела, наслаждаясь каждой минутой, проведенной в обществе Нарсара. А когда графа не было рядом, искала его глазами постоянно, ни на что более не обращая внимания. Хорошо, что часов разлуки у нас было не очень много.

В один из таких моментов я спустилась на нижнюю палубу, желая посидеть в тишине, подальше от шумной вечеринки, и услышала разговор, происходивший наверху.

– Ниса, твои слова огорчают меня. Почему ты уговариваешь отступиться от задуманного?

Припоминая, где могла слышать это имя, я вспомнила: так звали компаньонку внебрачной дочери какого-то барона. И, судя по голосу, с ней разговаривала ее хозяйка.

– Потому, что это неразумно. Граф не обратил на вас внимания, на которое мы рассчитывали. Практически все свободное время он проводит с этой Новаро, которая непонятно откуда взялась и кто вообще такая.

– Ты думаешь, он ее любит? – в голосе женщины звучала тревога.

– Есть у меня такое подозрение. Он иногда та-а-ак на нее смотрит, и особенно когда она сама не видит.

– Но я же собираюсь приворожить графа. Даже если он что-то к ней испытывает, то что с того? После зелья все пройдет.

Внутри меня начала подниматься неукротимая ревность, жгучая, сильная: не отдан!

– Сегодня у меня ужин с Нарсаром. Тогда я и подолью приворотное зелье.

– Вы помните, что у вампиров есть секрет? И граф самый странный из всего их племени. Если он догадается, страшно даже представить, что сделает.

– Это все сказки. В жизни нужно уметь рисковать.

Голоса начали удаляться, а я, вскочив, заметалась по нижней палубе. Я не позволю этой расчетливой девице опоить Нарсара. Ни за что на свете! Но как помешать?

Тут же решила отыскать Ферри и все ей рассказал. Честность и прямота – самая лучшая тактика. Но когда нашла его слугу, узнала, что граф уже ужинает с интриганкой.

Поняв, что опоздала, я почувствовала, как горло сдавило отчаяние, а к глазам подступили слезы. Неужели у этой дочери барона все получится? Неужели граф не взглянет больше на меня, не улыбнется?

И тут я вспомнила Делию, ее неунывающий характер и неукротимый дух. Нужно придумать что-то экстраординарное, чтобы сорвать ужин! И я решилась.

Раздобыв бокал с вином, я облила свое платье и, немного ослабив сверху корсет, направилась в личные покой графа. Я заглянула в иллюминатор: они как раз садились за стол, медлить было нельзя.

Постучав в дверь, я дождалась, пока Нарсар откроет. Он удивленно вскинул брови:

– Мисс Новаро?..

– Ах, ваше сиятельство, у меня случилась беда. Ужасные новости! А ведь вы обещали, что я могу рассчитывать на вас в случае чего. Трагедия! – чуть ли не заливаясь слезам, запричитала я, бросилась на грудь графа, заставила того податься назад и впустить меня в комнату.

Увидев посетительницу, я сделала удивленный вид и застыла.

– Ох, простите меня, я прервала вашу трапезу. Но уверяю вас, если бы дело не было столь срочным, ни за что бы не решилась...

И просительно посмотрела на графа. Тот перевел взгляд на гостью.

– Мисс Мирано, прошу меня извинить, но не могли бы мы перенести нашу встречу на другой день? У меня... внезапные обстоятельства.

От «обстоятельств», которые утирали кое-как выдавленную слезинку,

разило спиртным за километр. Девушке ничего не оставалось, как сморщить носик и, натянув на лицо улыбку, проворковать:

— Конечно, я понимаю. Но надеюсь на другую встречу, — сладко улыбнулась соперница.

— Безусловно, — склонился к руке девушки граф, но не поцеловал. — При первой же возможности я отправлю вам записку.

И едва дверь за гостью закрылась, Нарсар повернулся ко мне:

— Рассказывайте, что произошло?

— Извините, что все это подстроила и помешала вам, но дело не допускает отлагательства.

— Про инсценировку я понял, — присаживаясь за стол, сказал граф. — Вы никогда не пьете спиртное и просто не могли прийти ко мне сегодня в таком виде. Значит, что-то произошло. Что же заставило вас пойти на такой... неожиданный поступок?

Указав на свободное место за столом, он предложил:

— Присоединитесь ко мне за ужином?

— От меня пахнет. Может, я лучше переоденусь?

— Нет, вам сейчас нельзя выходить. Расскажите, что же все-таки случилось?

— Она пыталась вас приворожить, — выпалила я, присаживаясь напротив.

Нахмурившись, Нарсар откинулся на спинку стула и начал постукивать пальцами по столу.

— На меня не действуют приворотные зелья.

Мои щеки опалил жар.

— Значит, я зря... — пролепетала я, не помня себя от стыда.

— Нет, все правильно. Вы избавили меня от неприятного общества и сообщили важную информацию. Кто знает, что она решила бы предпринять, когда бы поняла, что приворот не сработал.

— Я хотела помочь, — выдохнула я, уставившись в стол.

Неожиданно граф встал из-за стола, протянул мне руку и заставил подняться.

— Вы можете мне помочь. Сейчас служанка мисс Мирено подглядывает за нами, и я прошу меня простить.

— За что?

Вместо ответа граф склонился и поцеловал меня. А я позабыла обо всем, отдавшись нежным губам и умелым рукам, что ласкали меня и прижимали так крепко, словно я была самым ценным на свете.

— Вы можете дать мне пощечину, — прошептал граф, оторвавшись.

– Ох, – только и смогла вымолвить я. – Но вы же ведь специально для...

– Не только. Вернее, служанка была предлогом. Дело в том, что вы очень мне нужны. Просто необходимо, чтобы вы остались у меня. Я приехал в поместье не просто так, я искал вас.

– Вам нужен был секретарь? – пролепетала я, будучи не в силах отвести взгляд.

– Нет, мне нужна жена, и я хочу, чтобы ею стали вы. Однако если вы боитесь меня, то можете сказать...

Не дав ему закончить, я, не помня себя от счастья, прижалась к губам мужчины и через какое-то время, оторвавшись, сказала:

– Мне подходит, я согласна.

– Вы уверены? У вампиров есть тайна.

– Вы будете пить мою кровь? – спросила я с улыбкой.

– Да... – прошептал Нарсар, крепко прижимая к себе. – А еще – я вас люблю.

– И я вас, – счастливо улыбнулась я, снова встречая теплые ласковые губы.

А потом был треск ткани, и мое платье полетело на пол. Я забыла все свои принципы, забыла о том, что правильно, а что нет. Я отдалась ласкам мужчины, его губам... Тела сплелись в вечном танце любви, наслаждение накатило волной, когда клыки графа легонько прокусили кожу, унося меня за грань.

Не в силах сдержаться и вскрикивая от наслаждения, я впилась ногтями в плечи мужчины, слыша ответный стон и чувствуя, как он выплескивает свою страсть в меня.

Лучшее утро за все время я встречала с любимым мужчиной, завтракая у него в каюте. Склонившись и поцеловав меня, мой граф сел напротив и налил себе чашку кофе. Я намазывала маслом тост, поблескивая в лучах утреннего солнца колечком.

– Не жалеешь? – вдруг спросил мужчина, пристально глядя мне в глаза.

– Нет, – с полуслова поняла я его. – С того момента, как мы познакомились, моя жизнь превратилась в сказку. Ты с первой встречи вскружил мне голову, заставив думать только о себе. Это была любовь с первого взгляда.

Повинуясь магии счастливо улыбавшегося мужчины, моего мужчины, с роз, стоявших в вазе, сорвались лепестки и закружились вокруг меня,

нежно касаясь кожи.

– Все вампиры знают, что, встретив свою единственную, сразу поймут это. Я долгое время был один и прислушивался к малейшей симпатии, иногда намеренно закрывая глаза на то, что меня отталкивало в женщине, в надежде, что вот она – моя единственная. Но когда встретился в витрине магазина с тобой взглядом, то весь мир для меня перевернулся. Все стало неважно, и в одно мгновение у меня осталась лишь одна цель в жизни – любить тебя. Теперь ты единственная причина моего существования на этом свете.

– Если бы я знала тогда... – сжала я его руку.

– А по твоему виду я бы не сказал. В первую встречу ты была вежлива, но, как мне показалось, едва взглянула на меня. Хотя тогда, в магазине, я готов был поспорить, что вижу отклик, ответные чувства в твоих глазах. И потому был ужасно доволен, услышав согласие прийти на бал.

– Делия очень переживала, что оказала мне медвежью услугу, – улыбнулась я.

– На балу я внимательно наблюдал за тобой и видел, что нравлюсь, что ты тянешься ко мне. А когда ты сказала про гипноз, в душе поселилась надежда. Но чувства могли ослепить меня, и я решил все выяснить во время плаванья. Если бы не подлянка секретаря, все вышло бы идеально, – прорычал граф, в его глазах зажглись красные огоньки.

– Он хоть жив?

– Жив, и пусть скажет за это спасибо. Когда я узнал о его махинациях, то пришел в ярость. Он встал между вампиром и его избранной. Как только посмел?!

– И ты приехал ко мне?

– Да. Но сначала навестил твою подругу, чтобы выяснить твоё местонахождение. Несмотря на то что она меня боится, отстаивала тебя, как лев. Только мое заверение в серьезности намерений заставило ее рассказать, куда ты уехала.

– Делия замечательная.

– Тебе очень повезло с подругой, – подтвердил граф. – Найдя тебя и уговорив отправиться со мной в это путешествие, я использовал любую возможность провести с тобой как можно больше времени. Для меня все уже было решено, но было необходимо, чтобы и ты привыкла ко мне. Важно было убедиться, что я хотя бы нравлюсь тебе. И реальность превзошла все мои ожидания.

– Но ты согласился на ужин с другой, – нахмурилась я.

– Мисс Мирano использовала предлог – деловое предложение от отца.

Это был не романтический ужин, тебе не стоит переживать. Вампиры любят только раз, и я всегда буду весь твой.

Александр склонился к моей руке и, не отрывая от меня взгляда, коснулся губами.

– А что за тайна у вампиров?

– Мы живем долго. Кому-то из нас везет, и они быстро находят ту единственную. Кому-то нет. Но без пары мы не можем, потому что вампиры сходят с ума. Сначала жизнь полна впечатлений, достижений. Ты ставишь цель и стремишься к ней, бера одну высоту за другой. Правда, цели и таланты у всех свои, – хмыкнул граф. – Потом ты вкушаешь мирские блага, наслаждаешься ими, познаешь удовольствия... А дальше – все начинает приедаться, ничего уже не радует, не приносит удовлетворения. И ты пытаешься найти новый смысл в жизни, а его нет.

Я прикоснулась пальцами к щеке, провела линию до подбородка, скользнула ниже.

– Тогда вампиры впадают в тоску и ищут суженую. Когда долго живешь и не стареешь, то только родной человек способен привнести удовольствие и радость в твою жизнь. Я искал очень долго.

– А что случилось с теми девушками, что пропали?

– Две из них не подошли мне, и были этому рады. Они любили других мужчин, но из-за того, что выбор не радовал их семью, не могли выйти замуж за избранников. Я дал им денег, и они построили свое счастье. А вот большинство – это интриганки, коварнейшие из коварных, которых мне не удалось сразу раскусить. Отчасти я и сам виноват. Желая избавиться от одиночества, я закрывал глаза на то, что не испытывал к ним ничего, кроме влечения.

– Но ты же... – начала я, уверенная в ответе.

– Нет, я их не убивал. Обручение с вампиром – это ритуал. Когда они признавались мне в любви и я надевал кольцо, их руки чернели, выдавая ложь. Начинало действовать проклятие, которое наказывало их за корысть. Они уходили, и что с ними сейчас, я не знаю.

– Странно, что девушки не вернулись домой, – нахмурилась я.

– Может, кто-то и вернулся, но родные не признаются. Проклятье не скрыть, и все знают, за что дается человеку черная длань.

Корысть, зависть, разврат – с таким клеймом в высшее общество не вернешься.

– Но, когда я встретил тебя, сомнений у меня не было. Я знал наверняка. И это большое счастье, что ты теперь со мной, любишь меня и не умрешь, пока я жив.

Встав и пересев к Александрю на колени, я легонько его поцеловала, а в ответ услышала:

– Мое сердце, моя любовь.

А я вспомнила тот день, когда бросилась спасать незнакомую девушку в реке. Вот она – лучшая награда!

И кто бы мог подумать, что дань для всесильного графа – любовь. Моя любовь.

Елена Малиновская

И на двоих одна душа

Мирина не любила детей. Точнее сказать, она ненавидела детский плач и капризы. Да и как тут умиляться розовым пятюшкам и беззубым улыбкам, когда она была старшей дочерью в большой семье. Помимо нее у родителей имелось еще пятеро детей – и все девочки. Ко всему прочему мать и сейчас ходила беременная. Отец был уверен, что уж в седьмой-то

раз ему повезет обзавестись долгожданным наследником. Мирина не сомневалась, что если опять родится дочка, то ее родители будут стараться и в восьмой раз, и в девятый. Почему бы и нет, если дом большой, а семья зажиточная. Мнения самой Мирины, понятное дело, никто в расчет брать не собирался.

Детство Мирины закончилось в три года. Именно тогда ее мать родила вторую дочь – крикливую Дарину. И с тех пор в их доме не затихали детские голоса, а чаще всего – плач да ссоры.

Соседи искренне завидовали Драгану и Маре – родителям Мирины. Еще бы! Редко какой семье повезет не познать горечь хрупкости детской жизни. Порой еще вчера ребенок радовал окружающих улыбкой, но внезапно приходило несчастье.

Впрочем, горе всегда приходит вдруг.

Мирине было стыдно признаться в этом даже себе, но порой она мечтала... Нет, не о смерти сестер, конечно. Просто хотела хотя бы на один день вновь стать единственным ребенком в семье. Чтобы все внимание матери было обращено опять лишь к ней. Чтобы она не гнала ее на огород и не ругала за плохо вымытые полы и пересоленный суп, а просто посидела рядом с ней. Расспросила, как ее дела, почему в последнее время дочка так угрюма и молчалива.

А причины для дурного настроения у девушки имелись.

Дело в том, что она влюбилась. Влюбилась горячо и отчаянно. Увы, практически наверняка безнадежно.

Ох, как хорош был Возгарь! Всем хорош. Светловолосый, голубоглазый. Улыбнется – и на душе радостно становится. Беда лишь в том, что единственный сын богатого купца.

Нет, семья Мирины не считалась бедной. У них на печи всегда томился котел сытной вкусной похлебки, а погреб ломился от домашних солений и заготовок. Но, что греха таить, младшим дочерям частенько приходилось донашивать одежду за старшими.

Наверное, в этом плане Мирине повезло. Ей доставались новые наряды чаще остальных. Дарина, к примеру, довольствовалась лишь обносками с ее плеча. Но мать строго ругала Мирину за любую небрежность, будь то пятно на подоле или порванный рукав. А девушке так хотелось хоть однажды забыть обо всех этих ограничениях и запретах и побегать всласть с подругами и поваляться на лугу, не боясь перемазаться в травяном соке!

Нет, не пара была Мирина для Возгаря. Ой как не пара! И даже не в одежде дело. Боги знатно посмеялись над несчастной девушкой, обделив ее

красотой. Причем обделив самым нечестным и подлым способом – щедрой мерой при этом наградив сестер.

Вот взять, к примеру, Дарину. Всего четырнадцать лет девчонке, а того гляди сваты нагрянут. Где это видано, чтобы младшая сестра выходила замуж вперед старшей? А ведь Мирина, по деревенским меркам, уже засиделась в девках. Давно, ох давно пора ей убрать волосы под красный платок замужней. Мать ее, Мара, в такие годы уже тяжелой ходила первенцем.

Впрочем, Мирина сама прекрасно понимала, что ей не дано тягаться с Дариной. У той волосы – словно лен. Длинные, гладкие, блестящие. Даже на солнце не выгорают в рыжину. А глаза – будто всю зелень окрестных лесов впитали. А кожа какая нежная да белая! Ни родинки, ни веснушки, хотя сестра наравне с нею в огороде день-деньской пропадает. Что ей может противопоставить Мирина? Ну не уродка, конечно, но глаз скользнет – даже не зацепится ни за что. Русая, сероглазая. Обычная, словом. А на фоне красавицы Дарины вообще незаметная.

Пару раз Мирина исподтишка рвала платья, которые приходила пора отдавать сестре. Думала, что в лохмотьях та будет выглядеть смешно и нелепо. До сих пор больно вспоминать, какую взбучку она получила от матери, когда та поняла, почему ей прибавилось рукоделия! Голова так моталась из стороны в стороны от тяжелых затрецин, что чуть не оторвалась. А Дарина... Дарина и в латаном-перелатаном платьице выглядела настолько чудесно, что парни головы сворачивали.

Но куда обиднее и больнее было осознавать то, что и Возгарю приглянулась востроглазая быстроногая девчонка. Конечно, мала та была еще на свидания бегать, но Мирина заметила, что красавец парень подозрительно часто начал встречаться ей около дома. Да все за ограду смотрел, где Дарина хлопотала по хозяйству.

От этих мыслей несчастной становилось совсем тяжко да тоскливо на душе. Ладно, пусть даже удачливая сестра раньше ее выйдет замуж. Невелика беда. Но не за Возгаря. Только не за него! Ведь тогда Мирина будет обречена постоянно видеть, как ее любимый целует и обнимает другую. Несчастное сердце бедняжки, и без того кровоточащее от неразделенной любви, обязательно разорвется от горя.

Все эти мысли в мгновение ока промелькнули в голове Мирины, когда она в очередной раз увидела Возгара. Встрепенулась было от счастья, но тут же поникла.

Парень, как и обычно, впрочем, не обратил на ее появление никакого внимания. Он приник к невысокому плетню, ограждающему родительский

дом Мирины, и жадно за чем-то наблюдал.

К сожалению, Мирина знала, за чем, а вернее будет сказать, за кем украдкой подглядывал Возгарь.

Со двора слышался заливистый хохот Дариньи. Она, подоткнув до неприличия старую заплатанную юбку, гонялась за младшими сестрами, играя в догонялки. Мирина не видела сейчас свою невольную соперницу, но прекрасно представляла, как та выглядит. Светлые волосы полощутся по ветру, щеки раскраснелись от бега, пухлые губы налились алым, словно в предчувствии поцелуя.

Мирина аж крякнула от досады. Подошла ближе к парню, который будто обратился в каменную статую, и грубо спросила:

– Чего глаза на чужое добро вытаращил? Али выглядываешь, чего украсть?

Это было грубо, даже очень. Любой другой на месте Возгаря обязательно возмутился бы от столь наглого навета. Скорее всего, проучил бы нахальную девицу, вздумавшую клеветать на честного человека. Но Возгарь лишь вздрогнул от неожиданности, обернулся и виновато улыбнулся.

– Я это... просто мимо шел, – залепетал он.

Пунцовий румянец, заливший при этом его щеки, неоспоримо доказывал верность выводов Мирины. Влюбился, бедолага. И влюбился не в нее.

– Шел-шел, да ногами к месту прирос? – зло съязвила она. – Вот и топай дальше по своим делам.

Возгарь послушно кивнул. Развернулся было, даже сделал несколько шагов прочь, но вдруг остановился и опять посмотрел на девушку.

– Слушай, а тебя ведь Мириной зовут? – спросил он.

От столь невинного вопроса сердце девушки чуть не выпрыгнуло от восторга через горло. Он знает ее имя! А ведь Мирина искренне полагала до сего момента, что Возгарь вообще не догадывается о ее существовании. Точнее, видеть-то видел, но не выделял из толпы ей подобных.

Мирина кивнула, почувствовав, как ее губы сами собой расплюются в широкой радостной улыбке.

Которая тут же умерла, когда Возгарь задал следующий вопрос.

– А сколько твоей сестре лет? – полюбопытствовал он словно невзначай.

Правда, по его щекам при этом вновь поползла предательская краснота пропавшего было румянца.

– У меня их много – сестер этих, – хмуро бросила Мирина, хотя

прекрасно понимала, о ком речь.

Теперь бедняжка боролась с колючими слезами, которые так и жгли глаза, просясь наружу.

– Я про светленькую говорю, – пояснил Возгарь, пунцовый до такой степени, что на его пылающих от смущения щеках, наверное, можно было жарить блины. – О светлой да зеленоглазой. Дариной вроде кличут.

Мирину так и подмывало развернуться и кинуться прочь, не разбирая дороги. По жгучей крапиве, по цепкому репейнику, по мягкой лебеде. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда! Но остатками разума, еще не совсем утонувшего в безысходном горе, она прекрасно понимала, как странно будет выглядеть ее поступок. Еще прозовут юродивой.

– Четырнадцать внове исполнилось, – сухо обронила она.

И при этом слегка склонила голову. На самом деле Дарине исполнилось четырнадцать еще зимой. Но Мирина надеялась, что эта маленькая хитрость поможет усмирить любовный пыл Возгаря по отношению к ее сестре.

Однако парень пропустил уточнение, заострив внимание лишь на количестве лет.

– Четырнадцать… – задумчиво протянул он и принял что-то считать, прилежно загибая пальцы. – Сваты – осенью. Пусть год подождать до свадьбы. Пятнадцать – маловато, конечно. Но я спешить не стану. Да и куда торопиться, когда такая птичка уже под платком окажется.

Мирина аж задохнулась от внезапно навалившегося отчаяния. Она осознала, что ее любимый самым наглым образом планирует будущую свадьбу с ее сестрой.

Нахлынуло такое чувство, будто кто-то жестоко ударил ее под дых. Нечем было дышать. Воздух внезапно стал настолько густым, что отказался заполнять ее легкие.

И девушка сделала то, что собиралась в самом начале разговора. Развернулась и побежала прочь.

– Беги-беги, – ударило ей в спину запоздалое. – Пусть родители порадуются. Своего отца я уже уломал. Осеню сватов ждите.

Однако бег несчастной девушки не продлился долго. Стоило только Возгарю, вновь приникшему к плетню, скрыться за поворотом дорожки, как Мирина чуть не полетела на землю.

Перед ней стоял Мрак.

Высокий, сутулый, с копной спутанных черных волос, падающих косой челкой на темные глаза, в глубине которых посперкивали злые искры.

Мраком кликали колдуна, который поселился за околицей деревни пару лет назад. Никто не знал, откуда он пришел. Просто однажды мужчина лет тридцати в дорогой и явно городской одежде неторопливо вошел в деревню. Вошел – да так и остался здесь. Со временем, правда, сменил свой камзол с изысканным серебряным шитьем на удобную рубаху. Нанял местных, заплатив непомерно высокую цену, и те построили ему в кратчайший срок избу. Но по негласному договору – на опушке, около темного елового леса, подальше от остальных домов.

Мрак, однако, не возражал.

Как не возражал он и против своего прозвища. Никто не ведал, как его звали в действительности. А почему Мрак? Темный он какой-то был. Темный и недобрый. Так его в первый раз нарекла травница, которой ой как не понравился возможный конкурент. Так и пошло с тех пор.

На общем сходе долго обсуждали, стоит ли позволить чужаку остаться в деревне. Больше всего возмущалась травница, смерть как боящаяся, что ее и без того скромные доходы окончательно упадут. Слишком мала была деревня для двух людей, владеющих магическим даром. Мрак слушал молча. Лишь кривил губы, когда травница позволяла себе в его адрес острое словцо. А потом вышел вперед – и высыпал на землю целую жмень серебра.

Ну и давка тогда случилась! В давке, должно быть, и задавили насмерть травницу. Стара та была, не успела выбраться из толкотни. Кто-то толкнул неосторожно, остальные потоптались. Пока сообразили, пока разошлись... А старухе разве много надо?

Впрочем, многое болтали о том случае. Мол, и стояла травница слишком далеко от сутолоки, и не полезла бы старая за монетками в толчею. Да разве сейчас упомнишь, кто где стоял. В любом случае, обсуждали это шепотом и лишь при свете яркого солнца. Никак не вечером и не ночью. Тьма ведь понятно кому служит. Еще донесет своему хозяину. А больше никто не хотел умирать из-за вражды с чужаком.

Так или иначе, но Мрак остался. Со временем появились те, кто шел к нему на поклон. Никому он не отказывал. Всех принимал и обещал подсобить в беде. Но далеко не все осмеливались пожать его узкую сухую ладонь. Слишком большую плату требовал Мрак за свои услуги.

И вот сейчас колдун стоял прямо на пути заплаканной Мирины. Он появился настолько внезапно, что она испуганно ахнула, резко взмахнула руками, пытаясь остановиться и не налететь на него, – да так и села в пыль, смешно вытаращив глаза.

«Да откуда же он взялся? – промелькнуло в голове перепуганное. –

Только же что его тут не было».

Затем Мирина невольно взглянула на старую раскидистую липу, дающую густую чернильную тень. Поежилась, ощущив, как по спине пополз противный холодок. Наверное, ей просто показалось... Но тем не менее девушка могла бы поклясться, что видела, как фигура колдуна сплелась из этой тени.

Колдун молча рассматривал девушку, сидящую перед ним на земле. Пристально рассматривал, словно запоминал ее лицо до малейшей черточки. И Мирине окончательно стало не по себе. Кто знает, что у этого колдуна на уме. Еще выпьет всю ее кровь или обратит в жабу.

— Простите, — чуть слышно пискнула она, стараясь не обращать внимания на боль в расшибленных при падении локтях.

По правде говоря, она не чувствовала за собой никакой вины. Да и за что ей извиняться? Это Мрак преградил ей путь, из-за него она упала. Но Мирина понимала, что так будет лучше всего. Не стоит злить человека, который якшается с двурогим богом.

Мрак вдруг шагнул к ней.

Если бы Мирина стояла — то она бы попятилась, а то и убежала. Но она сидела, поэтому могла лишь испуганно взирать на него снизу вверх.

На него и на протянутую ей руку.

— Вставай, — негромко прошелестел его голос.

Наверное, стоило отказаться от помощи. Подняться самой. Но Мирина не могла оторвать взгляда от глаз колдуна. Теперь она понимала, почему его так прозвали. Мрак на дне его зрачков словно пульсировал в такт ее сердцу.

И девушка завороженно вложила ладонь в его руку.

Прохладные сильные пальцы на удивление нежно обхватили ее запястье. Миг — и Мирина уже была на ногах.

— Спа... спасибо, — чуть запинаясь, поблагодарила она.

Мрак продолжал держать ее за руку, и девушка никак не могла сообразить, как же надлежит поступить. Оттолкнуть его? Немыслимо! Такой поступок колдун вполне может счесть за самое настоящее оскорбление. Мирина слишком хорошо помнила судьбу несчастной травницы. Прощать обиды Мрак явно не умел.

Не осмеливалась она и аккуратно высвободить свою руку из его хватки. Поэтому просто стояла и отчаянно мечтала о том, чтобы на тропинке кто-нибудь показался.

Но дом родителей Мирины был крайним на улице. Дальше дорожка упиралась в крутой спуск к озеру. И никто в этот жаркий полдень не торопился прогуляться к воде.

— Ушиблась? — спросил Мрак.

Его пальцы скользнули вверх по руке Мирины, и одновременно с этим ее бросило в жар.

Прикосновение, совершенно невинное и обычное, почему-то породило странную истому внизу живота. Колени девушки затряслись сами собой, будто обратившись в горячий студень. Она, наверное, не удержалась бы на ногах и вновь села в пыль, но колдун продолжал крепко держать ее за запястье, словно опасался, что она сбежит.

И справедливо опасался. Будь ее воля — Мирина бежала бы сейчас так, что только пятки сверкали.

— Немного, — честно призналась она, осознав, что колдун ждет ее ответа.

— Плакала?

Свободной рукой Мрак провел по ее щекам, по которым совсем недавно струились слезы обиды и ревности.

На сей раз Мирина промолчала. Ответ и без того был очевиден. Губы вновь затряслись от обиды на сестру. Ну почему, почему Возгарю приглянулась именно Дарина? А что самое обидное — сама сестра плевать хотела на сына купца.

— Расскажешь почему?

Вопрос прозвучал обманчиво мягко, без малейшего принуждения. Но Мирина вдруг обнаружила, что захлебывается в словах — и новых рыданиях.

Она торопилась, перескакивая с одного на другое. И говорила, говорила. О сестрах — мал мала меньше. О постоянных хлопотах по хозяйству. А самое главное — о Дарине. Такой тонкой и звонкой. И все ей как будто нипочем. Любое поручение матери — в радость. Любая возня с малышней — в счастье. Мирина и не помнила, когда ее сестра хмурилась или печалилась. С раннего утра до позднего вечера звучал в доме ее переливчатый заразительный смех. Уж не тем ли она приглянулась Возгарю?

— Неразделенная любовь, — хмыкнув, сказал Мрак, когда Мирина, обессилен, замолкла. — Понимаю.

Девушка гневно фыркнула. Какая чушь! Разве колдуны умеют любить? Разве им ведомо настолько чистое и светлое чувство?

Мрак лишь усмехнулся, без особых проблем прочитав мысли Мирины по выражению лица. Но усмехнулся не с сарказмом, а как-то печально. Будто вспомнил что-то из собственного прошлого.

Или же Мирине это просто привиделось?

– Пойдем.

И Мрак, так и не выпустивший ее руку из своей хватки, настойчиво повлек девушку за собой.

В последний раз посмотрела Мирина на поворот тропинки, за которым остался ее дом. Она не сомневалась, что колдун не будет ее удерживать, вздумай она вырваться и удариться в бегство. Но в глубине души ядовитой змеей зашевелилось любопытство.

Все знают, что колдун способен решить любую беду. Да, плату он требует порой несоразмерную. Но, вероятно, сначала стоит выслушать, что предложит он Мирине. За возможность быть с Возгарем она готова заплатить многим. Очень многим. Пожалуй – всем, что имеет.

Подумала так Мирина – и сама испугалась своих мыслей.

А Мрак улыбнулся шире. Теперь в его ухмылке читалось настоящее торжество. И он вновь потянул девушку за собой, на сей раз настойчивее.

Мирина не сопротивлялась. Странное оцепенение овладело девушкой. Она безропотно позволила колдуна увести ее за собой.

Прикосновение колдуна жгло словно огнем. Девушка бы не удивилась, если бы на ее запястье запечателся красными волдырями отпечаток пятерни Мрака. Поэтому первым делом, когда он привел ее в избу, Мирина скосила глаза на свою руку. Очень удивилась, когда увидела, что кожа не взбухнула некрасивыми отметинами ожогов. И только затем с нескрываемым любопытством провела головой из стороны в сторону, изучая обстановку.

Жилище колдуна было слишком просторным, слишком наполненным солнечным светом для того, кого прозвали Мраком. Через высокие окна нескончаемым потоком вливались лучи дневного светила. Изба колдуна, по сути, представляла из себя одну огромную комнату, в которую можно было попасть из таких же светлых и просторных сеней. Посередине высилась печь. Справа от нее – низкая лежанка, застеленная шкурой какого-то неведомого зверя.

Взглянув на постель колдуна, Мирина почему-то покраснела. Ей не следовало быть здесь. Тем более одной. Если кто увидит, как она выходит тайком из дома Мрака, то пересудов не оберешься. Повезет еще, если ворота навозом не измажут.

Мрак тем временем наконец-то выпустил ее из своей хватки. Тяжело вздохнул, подошел к лежанке и буквально рухнул на нее, вальяжно заложив руки за голову.

Мирина смущалась еще сильнее. Она чувствовала себя совсем чужой в этом доме, наедине с посторонним и почти незнакомым мужчиной.

– Хочешь стать женой Возгаря? – прямо спросил колдун, разглядывая ее с плохо скрытой насмешкой.

– Да, – прошептала Мирина.

О, это было ее самое сокровенное желание! Стать женой Возгаря, познать сладость его поцелуев и крепость объятий... Нет, если Дарина украдет ее счастье – то она никогда не простит сестре подобного!

– Чем ты готова заплатить?

Этого вопроса Мирина ждала и опасалась больше всего. Она знала, что колдун обязательно потребует плату за свою помощь. Но что ему предложить? У нее нет денег. У нее нет самоцветов. У нее вообще ничего нет!

Кроме...

В памяти вдруг всплыли слова матери. Мол, у каждой девушки есть одно сокровище. Сокровище, которое дается только раз и которое должно подарить лишь любимому.

Мирина тоненько всхлипнула. Возьмет ли колдун такую плату? Но руки уже сами потянули простенький сарафан вверх, обнажив стройный стан девушки.

Мгновение – и она стояла перед Мраком обнаженной, зябко ежась, хотя в избе было тепло, даже жарко. Сарафан скомканной тряпкой лежал у ее ног.

Темные глаза колдуна стали еще чернее. Он потянулся с сытой грацией перекормленного кота. Одним быстрым, неуловимым движением соскочил с кровати.

Мирина не видела, как он подошел. Но вдруг оказалось, что он стоит совсем рядом. Как будто быстрая неуловимая тень пересекла комнату от лежанки к ней.

Длинный изящный палец колдуна легонько, чуть касаясь, очертил полукружие ее груди. Сначала левой, затем правой.

Мирина опустила голову, почувствовав, как ее щеки заливает жар невыносимого стыда. Больше всего на свете хотелось подхватить сарафан с пола и бежать прочь. А потом заставить себя забыть об этой сцене. Мирина не сомневалась, что у нее это получится. Она просто не станет вспоминать. Ничего не было. И этой встречи на узкой дорожке тоже. А значит, все в порядке.

– Ты действительно так хочешь получить этого мальчишку.

В голосе Мрака не слышалось и намека на вопрос. Он просто констатировал факт. А затем вдруг с силой ущипнул ее за сосок, и Мирина приглушенно вскрикнула и отшатнулась. Прижала обе руки к груди, с

ужасом и потрясением глядя на колдуна – чего еще от него ждать.

– Голос, – сухо сказал он. – Говорят, ты красиво поешь. Верно?

Мирина лишь пожала плечами. Да, она любила петь. Песня словно уносила прочь ее сомнения и беды. Когда она пела – то не жила. Скорее сказать, парила в воздухе, где не было бед и горестей.

– Отдай мне свой голос, – просто сказал Мрак. – И осенью сваты Возгаря придут за тобой.

Так просто?

Мирина чуть не расхохоталась в полный голос от счастья и облегчения. Она думала, что Мрак возьмет ее – прямо здесь, не удосужившись перенести на кровать. Будет вновь и вновь вколачивать ее в пол, пока она не сотрет себе лопатки в кровь и пока ее измученное лоно не примет его семя. И ее девственная кровь навсегда впечатается позорными пятнами в древесину. А голос... что такое голос? Да ничто, пустой звук. Пусть он заберет ее голос. Пусть она никогда больше не сможет петь. Это все ничто по сравнению с желанием быть женой Возгаря.

– Бери, – просто сказала Мирина.

Хотела добавить еще что-то, но вдруг осознала, что не в силах.

Рот немо разевался, но ни звука больше не выходило из горла. Лишь какой-то сиплый невнятный клекот.

А Мрак вдруг резко привлек девушку к себе и поцеловал.

Губы Мирины словно обожгло. Она отчаянно взмахнула руками, силясь, но не смея оттолкнуть колдуна. Впрочем, почти сразу он отстранился. С усмешкой провел рукой по своему лицу. И глазами показал Мирине на дверь.

Она подхватила сарафан и выбежала прочь. Натягивала его вспыхах, уже в сенях. Крадучись, выглянула во двор. Убедилась, что никто не видел ее, и лишь после этого рванула прочь.

Бежала долго, пока в левом подреберье не поселилась нудная колющая боль. Но даже тогда не сбавила шага, пока, наконец, не укрылась за таким хлипким и ненадежным забором родительского двора.

Здесь все было как обычно. Только Дарина, всегда веселая и смешливая, неожиданно поразила Мирину бледностью.

– Нездоровится что-то, – тихо сказала она сестре, поймав ее вопросительный взгляд. – Наверное, на солнце перебегала.

И свернулась клубочком прямо на крыльце дома, не обращая внимания на суетящуюся вокруг детвору.

Позже, вечером, отец перенес Дарину в постель. Та даже не пыталась вставать. Лежала и смотрела перед собой ничего не выражавшим взглядом.

Яркие зеленые глаза помутнели, напоминая оттенком болотную тину. Щеки ввалились, скулы заострились так, что грозились проткнуть посеревшую кожу, на губах запеклись черные корочки жара.

Мирина не подходила к мечущейся в беспамятстве сестре. Она видела, как мать хлопочет около нее, бесконечно меняя холодные примочки на раскаленном лбу, как отец, хмурый и непривычно молчаливый, меряет шагами комнату. Даже младшие сегодня не шумели и не ссорились, будто понимали, что происходит что-то страшное и непонятное.

В суматохе никто не обратил внимания на то, что Мирина не произнесла ни слова за весь вечер.

Поздней ночью, когда лихорадка вроде как отступила и мать забылась тревожным беспокойным сном прямо в ногах у затихшей в изнеможении Дариньи, девушка все-таки набралась смелости взглянуть на сестру. У печи едва-едва теплилась лучина, и в ее неверном слабом пламени тени на полу казались живыми. Они извивались на половицах гигантскими уродливыми змеями, будто пытались преградить Мирине путь. И та в безотчетном ужасе перешагивала их, словно в самом деле верила, что они способны причинить ей вред.

А возможно, так оно и было. Кто знает, на что способен проклятый колдун.

Мирина присела в изголовье топчана. Взяла брезвально лежащую поверх покрывала ладонь Дариньи и невольно поразилась тому, насколько невесомой та была. Как будто неведомая болезнь за несколько часов иссушала тело сестры, выпила все внутренние соки, оставив после себя лишь оболочку.

В тот же миг Дарина открыла глаза, и Мирина чуть не вскрикнула от неожиданности и страха. Свет лучины заплясал на дне зрачков девочки, отчего почудилось, что ее глазницы до пределов наполнены свежей алоей кровью.

«Прости».

Мирина открыла рот, но голос отказывался служить ей. Она не сомневалась, что болезнь сестры – дело ее рук. Точнее сказать, ее проклятого языка! Нет, не стоило ей соглашаться на предложение колдуна. Тот пообещал, что осенью сваты Возгаря придут за ней, за Мириной. Нет бы ей сразу догадаться, что такое возможно лишь в том случае, если сестра умрет.

«И пусть, – неожиданно зазвучал в голове подлый шепоток, ехидными интонациями так напоминающий голос Мрака. – Какое тебе дело до Дариньи? Умрет она – останутся еще четыре сестры. Или осмелишься

сказать, будто не роптала на родителей за их желание обзавестись как можно большим количеством детей? Будто не мечтала однажды оставаться единственным ребенком в семье?»

Мечтала, но не таким же способом!

Мирина прикусила губу. Сильно, до солоноватого привкуса во рту. Сестра смотрела на нее мертвым, ничего не выражаящим взглядом. Не просила, не требовала, не умоляла и не обвиняла. Вряд ли вообще осознавала, где она и что происходит.

«Иди спать, – искушающе продолжил шепот, ядовитой змеей вползая в ее сознание. – Иди. Ляг и представь, какими сладкими будут поцелуи Возгаря, какими крепкими его объятия. А Дарина… Боги дали – боги взяли. Ты ведь прекрасно понимаешь, что, пока она жива, ты всегда будешь в ее тени. Даже если ты откажешься от мечты стать женой Возгаря, даже если смиришься с другим избранником – есть ли разница? Стоит Дарине только взглянуть на своего избранника, как его сердце в тот же миг окажется плененным. Он не сумеет выбраться из омута ее зеленых глаз. Страшно не то, что ты будешь жить с нелюбимым мужем. Многие так живут. Был бы человек хороший. Страшно то, что он не будет любить тебя. А значит, его будет раздражать любой твой поступок, любое слово и даже молчание. Не жизнь, а вечная мука».

Девушка приглушенно замычала, пытаясь заглушить тем самым голос сомнений. Еще раз погладила Дарину по руке. Взглянула на все еще дремлющую мать, измученное лицо которой белым пятном выделялось на фоне черного покрывала. И, решившись, бесшумной мышкой выскользнула прочь из дома, и скрипом половицы не потревожив покой спящих родных.

Никогда прежде Мирина так не бегала! Никогда прежде ей не было настолько страшно! Ночь выдалась безлунной. Ветер гнал по небу низкие грозовые облака, в разрывах которых то и дело мелькали косматые и особенно крупные сегодня звезды. Этого слабого света едва хватало Мирине, чтобы не сбиться с пути. Но куда скорее она бежала по памяти. Бежала так быстро, будто сам двурогий бог гнался за ней. Подол длинной ночной рубахи бился по ее босым ногам, колючие ветви кустарников норовили вцепиться в длинные распущенные волосы, которые полоскались за спиной.

Мирина не позволяла себе ни мига передышки. Перепуганной диковинной птицей преодолела она тот путь, что проделала раньше днем. И наконец перед ней показался дом колдуна.

В это мгновение тучи окончательно закрыли небо. Хлынул дождь. Сильный, ледяной, внезапный.

Было такое чувство, будто Мирину окатили ведром воды с ног до головы. В мгновение ока она вымокла до нитки. Но замерла на месте, не торопясь отыскать себе укрытие. Все внимание Мирины было приковано к избе, в которой жил Мрак. Этот дом казался ей диким животным, бешеным волком, припавшим к земле и ожидающим удобного момента для нападения. Только шевельнись, только переведи дыхание – и он непременно нападет на тебя.

Мирина понятия не имела, сколько стояла под косыми струями дождя, не чувствуя холода. Затем, словно нехотя, сделала шаг, другой.

Казалось, будто к ее ногам кто-то привесил пудовые гири. Как тяжело они поднимались! Как хотелось вернуться! Юркнуть в теплый знакомый дом, прошмыгнуть на свой топчан и укрыться с головой одеялом, пытаясь не прислушиваться к тому, как в другой стороне комнаты с натугой дышит Дарина, сердце которой вот-вот сделает последний удар.

Но девушка шла. Шла, до боли в челюстях стиснув зубы. Шла, не разбирая дороги, прямо по раскисшей мокрой земле, рискуя в любой момент поскользнуться и упасть. Шла, не поднимая головы, чтобы не видеть, как близко от нее дом колдуна.

И вот ступени крыльца. Мирина преодолела их одним отчаянным прыжком. Остановилась в нерешительности перед дверью, но та, скрипнув, сама приотворилась перед ней.

На пороге стоял Мрак. Спокойное лицо колдуна освещал зажженный огарок, который он бережно прикрывал от сквозняка ладонью.

– Пришла, – с легкой ноткой удивления проговорил он, и от его взгляда Мирине внезапно стало жарко. Только сейчас она поняла, что мокрая ночная рубаха прилипла к ее телу, бесстыже обрисовав грудь.

Но тут же вспомнила, что колдун уже видел ее голой. И почему-то успокоилась.

– Ну заходи, коли пришла. – Мрак усмехнулся и посторонился, пропуская девушку в дом.

Та в последний раз с тоской оглянулась на дорожку, по которой примчалась сюда, забыв обо всем на свете. Тяжело вздохнула и смело переступила порог.

Только сейчас, в тепле дома, она поняла, как сильно замерзла. Обхватила себя руками, пытаясь согреться. Зубы забили предательскую дробь.

– Не люб мой подарок оказался? – спросил Мрак, аккуратно поставил огарок на стол и обернулся к ней, с любопытством изогнув бровь.

Мирина протяжно застонала. Перед мысленным взором встало

бледное, покрытое обильной испариной лицо сестры. Мирина словно еще раз услышала ее хриплое прерывистое дыхание, которое того гляди остановится.

Нет, не о таком просила она колдуна! Не нужна ей любовь, добытая ценой чьей-то смерти!

— Получается, не так уж тебе и нужен этот самый Возгарь. — Мрак равнодушно пожал плечами, словно подслушав мысли поздней гостьи. Добавил чуть слышно: — Потому как если ты любишь человека, то готов душу из себя вынуть и продать, лишь бы он был твоим.

Мирина с удивлением посмотрела на колдуна. Его голос на последней фразе странно дрогнул. Но на губах Мрака уже играла привычная язвительная усмешка.

Он несколько раз стукнул длинными изящными пальцами по столу, и Мирина невольно подумала, что колдун явно не утруждает себя обычным деревенским трудом. Затем провел рукой по лицу, будто стирая нечто невидимое. И размеренно проговорил, пристально глядя на девушку:

— Сестра твоя... пусть живет.

Мирина не удержалась и с нескрываемым облегчением перевела дыхание. Робко улыбнулась было, но колдун продолжил, и она вновь замерла в тревожном ожидании — какую плату потребует он еще.

— Но голос твой у меня останется, — строго сказал Мрак. — За любой договор, даже расторгнутый, надо платить. Ты заплатишь голосом и разбитым сердцем. Будешь обречена видеть, как счастлива твоя сестра с твоим любимым. Выдюжишь?

Мирина уверено кивнула, хотя в глубине ее души вновь зашевелились ядовитые змеи сомнения.

— Ну-ну, — с улыбкой проговорил проклятый колдун, от внимания которого, казалось, не могла укрыться ни малейшая мелочь. — Надумаешь еще чего мне предложить — приходи.

Мирина вновь не увидела движения колдуна. Только что он стоял от нее в нескольких шагах, как вдруг оказался совсем рядом.

Мирина не успела и охнуть, как он впился жестким сухим поцелуем ей в губы. Его рука хозяйственным жестом легла на грудь девушки, угадывающуюся под мокрой тканью.

Голова у Мирины закружилась. По телу разлилась приятная истома. Внизу живота зародилась странная пульсация, которая с каждым мигом становилась сильнее.

Из горла девушки вырвался невольный вздох наслаждения. Теперь не колдун держал ее, а она сама подалась вперед, одновременно и желая, и

страшась продолжения.

Но тут же все прекратилось. Мрак грубо оттолкнул девушку, резко отстранившись. Отвернулся, скрыв свое лицо в тени. А когда заговорил, то голос его был необычно суров и жесток.

– Иди! – приказал он. – Уходи прочь немедленно, девчонка!

Мирина послушалась.

Словно в забытьи вышла она из дома. Не помнила, как, крадучись, преодолела обратный путь. Дождь продолжал идти, но над ее головой повисло необычное тягучее марево, оберегая от капель. Мирина так и не поняла, что за чудо это было. Неужели Мрак позаботился о ней? Да нет, чушь! С чего вдруг колдуну утруждать себя такими мелочами?

Дома было темно и тихо. Никем не замеченная, Мирина проскользнула к своей кровати. Сняла мокрую ночную рубашку, затолкала ее глубоко под кровать, надела чистую и сухую. Легла и лишь потом поняла, что не слышит больше страшного сиплого клекота, вырывавшегося прежде из груди сестры. Не выдержав, вскочила с места и кинулась к ней сломя голову.

Дарина мирно спала, подложив под щеку ладонь. Ее светлые волосы разметались по подушке, на щеках играл румянец. Не тот страшный пунцовый, говорящий об убийственном жаре, а спокойный и ровный.

На следующий день первым, что услышала Мирина, когда проснулась, был заливистый смех ее сестры. Мать строго-настрого запретила той вставать, опасаясь, что болезнь лишь сделала передышку. Поэтому Дарина собрала на своей кровати всю малышню и дурачились с ними.

Увидев, что Мирина проснулась, она посерезнела. Вспомнила, видеть, как суроно сестра обычно ругала ее за шум и баловство. Но Мирина лишь благодушно махнула рукой. А затем и вовсе присоединилась к дурачествам сестер.

Этим же днем родители поняли, что их старшая дочь странно молчалива. Мать долго вглядывалась в лицо Мирины, бледное после пережитых испытаний. Потом взглянула на счастливую Дарину, в облике которой ничто не напоминало о перенесенной хвори, так внезапно нагрянувшей и так бесследно сгинувшей. Кто знает, о чем она размышляла в этот момент. Быть может, вспомнила, как ночью проснулась от приглушенного скрипа двери, выглянула в окно и увидела, как Мирина бежит куда-то, простоволосая и неодетая толком. А возможно, подумала о том, как тщательно она притворялась спящей, когда дочь, промокшая и босая, вернулась. Как раз за несколько минут до этого Дарина в последний раз закашлялась, а затем задышала ровно и мерно. Но мать ничего не

сказала старшей дочери. Лишь обняла ее крепко и расцеловала в обе щеки.

И никто в семье не задал Мирине ни одного вопроса. Ее немоту восприняли как нечто само собой разумеющееся. Когда делаешь подобный дар небесам, то не принято рассказывать об этом другим.

Правда, вряд ли они догадывались, какому из богов отдала свой голос Мирина. А если и догадывались, то не осмеливались спрашивать.

И лето вновь покатилось душной жаркой волной привычных дней. Мирина все чаще и чаще видела Возгаря около ограды дома. Тот даже перестал смущаться, когда его замечали за подглядыванием. Лишь смущенно улыбался и вновь приникал к низкому забору, жадно рассматривая Дарину.

Но это почему-то больше не трогало Мирину. Нет, ей все еще было больно думать о том, что ее сестра первой накинет на голову платок замужества. Но эта боль была, скорее, привычной. Так ноют виски и затылок на перемену погоды. Вроде если не думать об этом, то не замечаешь неудобства.

Все думы Мирины были заняты другим. То и дело она ловила себя на мыслях о Мраке. О том моменте, когда его губы прижались к ее, а тело почувствовало ласку чужой руки. Интересно, а сам мужчина вспоминает этот миг? А если вспоминает – то как? Со злым ехидством колдуна, получившего желаемое, или с каким-то другим чувством?

Мирина ненавидела себя за эти мысли. Ненавидела, но продолжала думать. И все чаще она понимала, что ноги словно сами несут ее на другой край деревни. Там, где на опушке темного елового леса стоит дом колдуна.

Вот бы увидеть Мрака хоть ненароком, хоть случайно! Одарит ли он ее взглядом или предпочтет не заметить? Заговорит ли с ней?

Впрочем, о чем это она? Конечно, не заговорит. Ведь кому, как не ему, знать, что она не сумеет ему ответить.

Миновало лето. Наступила суетная хлопотная осень, когда все силы направлены на сбор урожая и подготовку к зиме. Мирина бралась за любую работу, за любое поручение в надежде, что от усталости спокойно уснет вечером. Но и это не помогало. Целую ночь девушка лежала, не сомкнув глаз. Прислушивалась к шелесту тьмы в избе, как будто силилась расслышать знакомый голос. И лишь на рассвете, когда власть мрака ослабевала, соскальзывала в чуткий, беспокойный сон.

Вот и зарядили бесконечные унылые дожди октября. Позади страда, впереди лишь долгая свирепая зима. Самое время для свадебных торжеств, когда приглашенные гости собираются за длинными столами. И празднуют, и гуляют, стараясь не думать о том, что впереди лишь бесконечные месяцы

вынужденного безделья и сумрака, когда солнце лишь на краткий миг покажется из-за низких облаков, а то и вовсе предпочитает отлеживать бока на мягкой перине туч.

Как и обещал Возгарь, именно в эту пору в дом родителей Мирины нагрянули сваты. Мара была уже на сносях. Ей было тяжело носить неприлично большой живот, который бесстыдно выпирал из любого, даже самого просторного платья. Появление ребенка ждали со дня на день. Но Мара день-деньской провела у жаркой плиты, готовя щедрое подношение к смотринам.

Сватовство прошло без особых проблем. Возгарь во все глаза любовался Дариной, которая аж раскраснелась от такого внимания. Его отец, правда, морщился, исподтишка оглядывая старую избу и нехитрое убранство, но не роптал. Должно быть, счастье сына оказалось для него важнее выгодного брака.

А Мирина... Мирина, к ее удивлению, не почувствовала особого горя или печали. Сердце кольнуло лишь один раз. В тот момент, когда о свадьбе было уговорено через год, Возгарь вдруг привлек к себе упирающуюся Дарину и шумно поцеловал ее прямо в губы. Сестра взвизгнула, вырвалась из его объятий и удрала в сени, чем вызвала дружный хохот собравшихся. Одна Мирина не смеялась. Но ее грусть была светлой. Так печалимся мы, когда смотрим на свои детские вещи, из которых давным-давно выросли.

Поздним вечером, когда жених со своим сопровождением наконец-то отбыл восвояси, оставив щедрые дары будущим родственникам, Мирина вышла прогуляться по двору. Опять зарядил серый мелкий дождь, и она долго стояла около крыльца, задрав голову к небу и ловя губами морось. Но вдруг вздрогнула.

Мирина заметила в сгущающихся сумерках какой-то пучок травы, воткнутый в калитку. Легко сбежала по скрипучим ступеням, разбрзгивая лужи, кинулась посмотреть, что это.

И остановилась в недоумении. Осторожно тронула некое подобие букета, который кто-то неведомый оставил здесь. Но из каких цветов он был сделан! Вернее сказать – и не из цветов вовсе.

Сизые стебли полыни загадочный даритель перевил плакун-травой. Добавил чертополоха, синеголовника, несколько колючих головок репейника.

Мирина плохо разбиралась в травах. Но интуиция подсказывала ей, что эта находка не несет в себе зла. Но кто бы мог оставить здесь столь необычный букет? И что он означает?

В этот момент из дома раздался заполошный визг младших сестер.

Тотчас же на крыльце выскочил очень бледный и испуганный отец. Прямо так – в рубахе и лаптях – кинулся по жидкой грязи к калитке.

– Началось, – обронил он замершей Мирине. – За Баженой побёг. И, оттеснив ее в сторону, ринулся дальше.

Мирина постояла пару секунд, осмысливая услышанное. Баженой звали соседку, которая принимала у матери все роды. Охнув, девушка побежала в избу, зачем-то захватив с собой странный букет.

И отец, и Бажена опоздали. Когда они вернулись в дом, на широком низком топчане около печи лежала в счастливом изнеможении Мара. Ее дочери сутились, вытирая кровь с пола и пряча тряпки. А к груди матери жадно присосался новорожденный, забавно чмокая приоткрытым ртом.

– Я еще с утра почуяла неладное, – виновато сказала Мара, когда Драган застыл от изумления на пороге. – Поясницу то и дело прихватывало. Но тут Возгарь со сватами пожаловал. Засуетилась, забегалась. Как они ушли – совсем невмоготу стало.

Драган в молчаливом вопросе вскинул брови, по-прежнему требовательно глядя на жену.

– Мальчик, – тихо прошептала она. – Мальчик родился.

И мужчина расцвел в счастливейшей улыбке. А затем и вовсе схватил в охапку Бажену – дородную бабку раза в два его толще – и пошел танцевать по избе, то и дело натыкаясь на что-нибудь.

Та лишь возмущенно охала и требовала немедленно отпустить ее. Мол, на родах все не заканчивается. Надо осмотреть мать и ребенка.

Мирина не участвовала в общем веселье. Она сидела на своей лежанке и задумчиво крутила в руках колдовской букет.

Именно она принимала роды у матери. Дарина в этот момент успокаивала плачущих сестер. И она видела, совершенно точно видела, что мальчик родился мертвым. Синий, холодный, не дышащий. В безответном ужасе и нахлынувшем отчаянии она почему-то ударила его букетом по спине. Лишь тогда избу огласил крик нового человека.

И Мирина знала, кого ей стоит поблагодарить за помощь.

Воспользовавшись тем, что все внимание родных было приковано к матери и младенцу, она тихонько выскользнула из избы.

Унылая морось за недолгое время перешла в сильный дождь. Тьма плескалась вокруг дома. Настолько непроглядная, что на миг Мирина испугалась – не ослепла ли.

Она совсем уж было собралась вернуться в дом, признав свое поражение. Нет, немыслимо в таком мраке идти к дому колдуна! Она заблудится, поскользнется, перемажется в грязи! Но в последний момент,

уже оборачиваясь к двери, ведущей в сени, Мирина внезапно замерла.

Перед самым крыльцом в пожухлой черной траве плясал крохотный огонек. Его света хватало ровно настолько, чтобы выхватить из тьмы небольшое пространство.

Мирина, не веря глазам, спустилась к нему. Тотчас же огонек поплыл над землей, словно приглашая за собой.

И девушка послушно пошла. Опять висело над ней марево чужого колдовства, уберегая от ливня. Огонек вел ее неспешно, терпеливо дожидаясь каждый раз, когда Мирина останавливалась перед очередной лужей, гадая, с какой стороны ее обойти.

Наконец огонек подлетел к знакомому дому, где Мирина была уже дважды. Девушка медленно поднялась по ступеням крыльца – и тотчас же путеводный свет исчез, словно почудился ей.

Как и прежде, Мирине не пришлось стучать. Дверь сама открылась перед ней. И с замиранием сердца Мирина вошла в дом.

Тут было темно. Лишь слабый свет одинокого огарка силился разогнать мрак. Но тьма клубилась в углах, струилась по полу, таилась за окнами.

– Пришла все-таки, – раздалось чуть слышное из самого дальнего угла избы, куда не долетало даже блика от свечи.

Мирина напрягla было зрение, но тут же отказалась от этой затеи. Пустое! Будто стена высилась перед ней. Стена, за которой скрывался колдун.

– Как твоя мать? – после краткой паузы спросил тот.

Мирина опустила взгляд. В руках она еще сжимала колдовской букет, который, как она верила, спас жизнь ее брату.

Она хотела поблагодарить Мрака. О, как горячо она желала его отблагодарить! Но внутри все замерло от тревожного ожидания – вдруг он потребует чего-нибудь за свою пустую и непрошенную помощь.

– Не бойся, не потребую ничего, – с усталой усмешкой отозвался тот. – Я совершил так много зла... Интересно, одна невинная жизнь, спасенная просто так, без выгоды, способна хоть немного умерить мои муки?

Муки?

Мирина удивленно вздернула брови. О каких муках говорит колдун? Неужели совесть проснулась?

– Совесть, говоришь... – Теперь в интонациях Мрака слышался знакомый злой сарказм. Но почти сразу он осекся, тяжело вздохнул и задумчиво продолжил: – А возможно, и совесть. О многом задумываешься, когда двурогий бог стоит за твоим порогом.

Мирина испуганно оглянулась на дверь. Ей почудилось... Нет, на какой-то миг она совершенно отчетливо услышала за порогом перестук раздвоенных копыт.

Колдун вдруг резко, лающе рассмеялся, и наваждение тут же растаяло.

– Не бойся, он пришел не за тобой, а за мной, – проговорил Мрак, прекратив свой невеселый хохот. – Настало время расплаты.

Мирина молча обрывала с полыни листочки, которые оставляли на ее пальцах горький терпкий аромат. И дело было даже не в том, что она ничего не могла сказать. Ей было некого ответить на признание колдуна.

– Посиди со мной, – внезапно попросил он, и его голос задрожал, будто колдун с трудом сдерживал слезы. – Хоть немножко. Не испугаешься?

Мирина шагнула раз, другой к постели колдуна. Тотчас же тьма обступила ее, обняла, запутавшись тысячами невидимых нитей в волосах. Но девочка не останавливалась. Она упрямо наклонила голову, силясь преодолеть сопротивление стены тьмы. И наконец нашупала край топчана. Присела на его краешек.

Сухая, горячая рука колдуна отыскала ее ладонь. Благодарно пожала, да так и осталась лежать на коленях девушки.

– Ее звали Мирра, – внезапно заговорил Мрак. – Темноволосая, синеглазая. А как она пела! Когда я слышал ее голос, то моя душа словно пыталась вылететь из тела. – Помолчал и обронил: – Тогда у меня еще была душа.

Мирине нестерпимо захотелось вскочить на ноги и прервать его исповедь. Зачем ей чужие страшные тайны? А она не сомневалась в том, что Мрак желает поведать ей нечто запретное из своего прошлого. Но она осталась сидеть и внимать его откровениям.

– Поэтому я оставил себе твой голос, – признался колдун. – Он напоминал мне о тех временах, когда Мирра пела мне.

Еще одна долгая, томительная пауза – из тех, которые так и норовят разорвать отчаянным криком, лишь бы перестала давить на уши гнетущая тишина.

– А потом она заболела, – продолжил Мрак. Слова словно не шли из его горла. – Тяжело заболела. Все мое колдовское искусство оказалось бессильно. Я сидел у постели любимой и плакал. Плакал в первый и последний раз. Понимал, что вот-вот навсегда расстанусь с ней. Тогда ко мне пришел Сумрак.

Колдун так выделил интонацией последнее слово, что стало понятно – он назвал чье-то имя.

— Как порой люди точно подмечают суть вещей и дают им верные определения! — с едва уловимой насмешкой проговорил он. — Меня кличут Мраком за темные волосы и тьму в душе. А тот... Тот был истинным Сумраком. С затянутыми бельмами слепого глазами, которыми он видел зорче любого прославленного охотника. Сумрак предложил мне сделку. Душа в обмен на жизнь Мирры. Естественно, я согласился. Даже не раздумывал ни мига. Как иначе? Ведь что такое душа? Нечто непонятное и эфемерное, что невозможно потрогать. Есть ли она или нет — поди пойми. Тогда как реальная Мирра лежала передо мной. Задыхающаяся от кашля, сгорающая заживо от лихорадки. И я заключил сделку.

Прикосновение колдуна обжигало девушки. По всей видимости, у него был жар. Но он продолжал говорить срывающимся от напряжения голосом, выплескивая то, что так долго хранил в тайне.

— Мирра выздоровела, — прошептал он. — Быстро пошла на поправку. Казалось, счастливее меня нет в целом мире! Правда, меня стал пугать приход ночи. Каждый вечер с наступлением тьмы я запирался в доме. И вздрогивал от страха, прислушиваясь к тишине за дверью. Мне чудилось постукивание копыт. И я боялся... о, как сильно я боялся, что вот-вот двурогий бог явится получить свою плату!

Мрак затрясся в кашле. Приступ был настолько сильный, что после него он еще несколько минут лежал молча, собираясь с силами.

— Был назначен день свадьбы, — наконец сипло сказал он. — Но накануне Мирра прислала мне записку. Мол, прости, я очень ценю тебя за все, что ты сделал. Но я люблю другого. И не ищи меня. Мы убежим на край света, где ты не сможешь найти нас даже с помощью своего мерзкого колдовства.

Мрак негромко засмеялся. Правда, веселья в этом не было. Скорее, бесконечная горечь преданного человека.

— Конечно, я отыскал их, — произнес он, и в его тоне теперь слышалось мрачное удовлетворение. — Мирра на коленях умоляла пощадить если не ее, то хотя бы дитя, которое она носила под сердцем. И я...

Мирина напряглась, ожидая услышать самое страшное. Тем большим было ее удивление, когда Мрак завершил:

— И я пощадил ее. Даже этого отвратительного блондина, совратившего мою возлюбленную, не тронул. Вместо этого я предложил ему сделку. Отдал ему все свое состояние. А взамен он должен был уехать и больше никогда не видеть Мирру. Скажи, ты бы согласилась на такое?

Мирина отрицательно мотнула головой. Что такое золото? Ничто! Его нельзя есть и пить. И оно не может заменить объятия и ласки любимого.

– А вот он с радостью пошел на такой обмен, – со злой насмешкой сказал Мрак, каким-то чудом увидев реакцию девушки. – Мало того. Я думал, он сбежит тихо, как крысы бегут с тонущего корабля. Но он прежде все объяснил Мирре. Упомянул и про наш договор. Понятия не имею, зачем ему это понадобилось. Он словно хотел оправдаться. Переложить всю вину на меня.

И надолго затих.

Он молчал так долго, что девушка испугалась, услышит ли окончание этой истории.

– Что было дальше? – хрипло спросила она.

И лишь тогда поняла, что голос вновь вернулся к ней.

– Мирра покончила с собой, – сухо и как-то буднично признался Мрак. – Нет бы ей прийти ко мне... Я ведь принял бы ее обратно. Обязательно принял! И ни словом не упрекнул бы, ни делом. Даже согласен был воспитывать ее ребенка как своего. Но нет, она рассудила по-своему. И тогда я отыскал блондина. Впрочем, он и не таился особо. Начал входить во вкус больших денег и сорил ими во все стороны. Я взял его жизнь под тем самым деревом, где повесилась Мирра.

Колдун опять рассмеялся. Правда, теперь в его голосе действительно слышалась радость. По всей видимости, это убийство он не считал за грех.

– История эта наделала много шума в столице, – продолжил он после краткой минуты веселья. – Я уехал. Скитался по стране, нигде не задерживаясь надолго. Предлагал сделки. Потому как заметил: после заключения нового договора тьма на какое-то время переставала страшить меня. Потом поселился здесь. Понятия не имею почему. Сначала я не хотел задерживаться надолго. Но потом увидел тебя. И...

Фразу колдуна оборвал очередной приступ хриплого кашля. Он с такой силой сжал Мирине руку, что девушка чуть слышно застонала от боли.

– Я думал, это будет просто, – прошептал Мрак. Продолжил словно в забытьи, перескакивая с одного на другое: – Очередная сделка. Очередная отсрочка от визита двурогого бога. Но ты вернулась и расторгла договор. И твой голос... Как же он напоминал мне голос Мирры! Исподволь я наблюдал за тобой. Каждую ночь запирался в доме. Цоканье копыт становилось все громче, все отчетливее. Мне бы принудить тебя к сделке. Я видел, знал, что твоя мать не переживет роды. Что младенец обречен уже в ее утробе. И ради их спасения ты бы пошла на все. А если бы и не ты, то твой отец или любая из твоих сестер. Люди так предсказуемы, когда речь заходит о жизнях самых родных и любимых... Но я сделал букет. Был уверен, что ты сумеешь им воспользоваться, как надо. Ты ведь храбрая

девочка. Трусливая бы просто не осмелилась пойти за мной. И никто другой не посмел бы поспорить со мной за жизнь сестры. А теперь... Я знаю, что последним поступком подписал себе приговор. Нельзя спасать чужие жизни, если обещал душу тьме.

Колдун затих в изнеможении.

Мирина гладила его руку. Она по-прежнему не видела его лица. Слышала лишь натужное дыхание мужчины, который поведал ей свою тайну.

– Не стоило тебе приходить, – после долгой паузы выдохнул Мрак. – Но я мечтал увидеть тебя в последний раз. Услышать твой голос из твоих же уст. А теперь – уходи! Утром пусть мое тело сожгут, а прах развеют. И пусть даже память обо мне сотрется.

– Не уйду, – неожиданно даже для себя возразила Мирина. Крепче скала слабеющие пальцы колдуна.

– Девочка, ты не понимаешь... – запротестовал Мрак. – Двурогий бог больше не будет ждать. Я нарушил условия договора. Я буду наказан. Тебе не стоит быть здесь, когда все случится.

– Не уйду! – тверже повторила Мирина. Приложила горячую ладонь колдуна к своей щеке.

Тьма вокруг недовольно забормотала. Зашептала на разные голоса, уговаривая, убеждая бежать прочь, пока не поздно.

Мрак удивленно молчал.

– Ты отдал свою душу, – проговорила Мирина и поцеловала его руку. – Но моя осталась при мне.

– И что? – непонимающе выдохнул Мрак.

Тогда Мирина нагнулась и вслепую отыскала его губы. Прижалась к ним, словно стремилась вдохнуть жизнь в умирающего.

Какой-то миг ничего не происходило. Мирина испугалась, что колдун сейчас оттолкнет ее, повелит убираться прочь. И тогда она не сможет его ослушаться.

Но затем он притянул ее к себе. Принялся целовать так жарко, так исступленно, будто в этом заключался весь смысл его жизни.

Мирина не помнила, как она оказалась лежащей на топчане. Не помнила, как колдун освободил ее от платья. Ее нежную кожу обжигало прикосновение абсолютной тьмы, которая многократно усилила все чувства.

Когда колдун вошел в нее, Мирина вскрикнула от неожиданной боли, и он остановился, словно в испуге.

– Продолжай, – взмолилась она, обвив его поясницу своими ногами. –

Пожалуйста, продолжай!

Вокруг бесновалась темнота. Хлипкая дверь задрожала вдруг, будто кто-то принялся колотить в нее кулаками. Но Мирина не обращала на это никакого внимания.

Боль медленно отступала, растворяясь в наслаждении. Мирина скользила пальцами по гладким плечам мужчины, затем поднялась выше и принялась гладить по волосам.

Наконец она ощутила внутри себя пульсацию, и мужчина, задыхаясь, упал на нее сверху.

Какое-то время они лежали молча, обнявшись. Мирина чувствовала, как по ее бедрам стекает теплая жидкость. Наверное, ее кровь, смешанная с семенем колдуна.

— Тихо, — вдруг с удивлением протянул колдун. — Ты слышишь, как тихо? Он ушел...

Зарылся носом в ее волосы, больше ничего не говоря.

А Мирина смотрела во тьму и улыбалась. Она знала, что отныне будет бояться прихода ночи. Возможно, когда-нибудь ей вновь почудится постукивание копыт за дверьми. Но двурогий бог не посмеет ее забрать. Как не придет он больше и за Мраком.

Потому что все на свете возможно поделить пополам. И горе, и счастье, и любовь. И даже собственную душу.

Александра Лисина
Сказочный переполох

– Ту-ду-ду-ду ту-ду! – звонко протрубил на улице волшебный рог. Да так неожиданно, что ухват в моих руках дрогнул, а исходящий паром

горшок едва не грохнулся на пол. – Ту-у-ду-у! Здесь ли живет прекрасная леди Яга?!

Я бережно опустила посудину на застеленный скатертью стол, прислонила ухват к печи и вытерла руки полотенцем.

Так. Что за смертник мешает мне готовить обед?

Согнав с лавки сыто щурящегося кота, я вышла на крыльце и с раздражением уставилась на гарцающего перед калиткой рыцаря.

Рыцарь как рыцарь. Могучий конь, надраенные до блеска доспехи, развевающийся на ветру плюмаж. Забрало поднято, мужественное лицо сияет благородством, а в синих глазах горит готовность бросить вызов любому, кто скажет, что этот храбрец не способен завоевать мир.

Впрочем, при виде моего застиранного сарафана и растрепанной косы уверенности во взгляде гостя заметно поубавилось.

– Вы – леди Яга? – уже не так браво переспросил он, а кончик длинного рыцарского копья растерянно ткнулся в землю.

Я уперла руки в бока и недобро прищурилась.

– Ну, я. Чего надобно?

– Да-к... это...

– Тоже на смертный бой явился? – сообразила я, заметив притороченные к седлу длинные ножны. – Предварительная запись есть?

– Нет, – окончательно растерялся рыцарь.

Я вздохнула, перекинула мокре полотенце через плечо и, выудив из подпространства регистрационный журнал, плюхнула его на появившуюся из воздуха стойку.

– Сейчас посмотрю, осталось ли свободное место. Та-а-к... сегодня я не могу. Завтра у меня тоже занято, – послюнявив палец, я перелистнула несколько страниц, исписанных так, что почти не осталось полей. – Послезавтра у нас выходной... а, вот. В понедельник приходи. В два часа пополудни сможешь?

Рыцарь озадаченно тряхнул головой.

– Вообще-то я не биться пришел.

– А зачем же?

– Предложить руку и сердце. Благородная леди Яга, не соблаговолите ли вы стать моей женой?

От неожиданности я выпустила из рук тяжелый журнал, и он мгновенно испарился вместе со стойкой. А я в немом изумлении уставилась на рыцаря.

Спятил железнолобый?! Я – ведьма, а не прекрасная дама!

– Привет, Яга! – вдруг раздался из подступающего к забору леса

бодрый голос, заставив одновременно вздрогнуть и рыцаря, и коня. Мгновением позже из чаши вынырнул хорошо сложенный блондин со змеиными глазами и, одарив меня клыкастой улыбкой, бесстрашно перемахнул через забор. – С каких это пор ты гостей принимаешь с утра пораньше?

– С тех самых, как эти гости стали делать неприличные предложения, – мрачно откликнулась я. – Сойди с грядки, Горыныч. Морковку я тебе не прощу.

Блондин, одетый в простые холщовые штаны и такую же невзрачную рубашку, торопливо отпрыгнул в сторону, в два счета добрался до крыльца и уже оттуда одарил замявшегося рыцаря заинтересованным взглядом.

– Это что, жених?

– Для жениха он больно хлипкий. А вот на завтрак тебе вполне сгодится. У меня сегодня жаркое подгорело, но, думаю, богатырский конь его успешно заменит.

– Конь? Да еще и рыцарский? – скептически поднял бровь змей, когда обсуждаемое животное испуганно попятилось вместе с хозяином. – Фу. После них подковы в зубах застревают.

– Ничего, он зубочистку с собой прихватил, – я кивнула на рыцарское копье.

Горыныч пренебрежительно фыркнул, деликатно подхватил меня под локоток и ловко увлек обратно в дом, напоследок бросив гостю:

– Сгинь. Она сегодня не принимает.

Что там случилось с рыцарем дальше, я не видела – змей тут же прикрыл дверь. Зато кровожадное выражение на его лице и хищный блеск в глазах, появившийся при виде накрытого стола, от меня не ускользнули.

– Руки! – прикрикнула я, когда этот нахал с ходу накинулся на пироги. И, схватив полотенце, от души вытянула его поперек спины. – Ну-ка мыть! Живо!

– Фефяс, – промычал змей, торопливо пережевывая начинку. – Ишдалека к тебе спешив. Пвоговодався.

Но не успел он подойти к умывальнику, а я – взять кувшин с водой, как с улицы снова донеслось:

– Хозяюшка Яга-а!

Погрозив желтоглазому кулаком, чтобы не вздумал трапезничать без меня, я снова вышла на крыльцо и осталбенела, обнаружив, что во дворе топчется невесть откуда взявшееся стадо. Из двенадцати выстроенных в виде сердечка баранов и одного престарелого козла, которого держал за уздечку деревенский староста. При этом сам старик вырядился как на

праздник: расчесал жидкую бороденку, напялил белую рубаху и даже надел сапоги вместо лаптей, чего за ним отродясь не водилось.

– Исполать тебе, хозяюшка, – торжественно возвестил он, одновременно отвешивая низкий поклон. – Прости, что без записи, но тут такое дело… жениться на тебе хочу! Все честь по чести: дары принес, свадебку сыграем как положено, да и саму не обижу… выходи за меня, а?

– Ме-е-е, – с серьезным видом поддержал хозяина козел.

– Пифий, ты сдурел? – тихо спросила я, краем глаза подметив, что рыцарь никуда не исчез, только отъехал в сторонку и весьма заинтересованно прислушивается к разговору. – Какая женитьба, старый пень?! Тебе лысину поутру напекло?!

Под моим тяжелым взглядом староста попятился, бараны съежились, и только козел, углядев растущие у забора одуванчики, обрадованно вскинулся и принял их самозабвенно жевать.

– Исчезни с глаз моих, – так же тихо велела я. – Вместе с дарами.

Пифий сбладнел с лица, а я снова вернулась в дом, раздраженно захлопнув за собой дверь. Но не успела пыль с косяка осыпаться на пол, как под потолком мелодично звякнуло:

– Бздынь!

И мне в руки спланировал большой конверт с вензелем королевского дома на обороте.

Отметив про себя, что Горыныч добросовестно умылся, пригладил торчащие во все стороны волосы и уже чинно восседает за столом, я машинально вскрыла письмо и так же машинально прочла:

Многоуважаемая Ядрига Лесовишина! Мы, Людовик Тринадцатый Горбатый, бесконечно ценим ваш ум, преданность короне и глубочайшие познания в магии, справедливо закрепившие за вами славу сильнейшей ведуньи. Но при этом не можем не замечать вашей несравненной красоты, слухи о которой достигли даже отдаленных уголков королевства, в связи с чем предлагаем заключить династический брак на взаимовыгодных условиях…

– Что?! – Я подняла на Горыныча недоуменный взгляд. – Сегодня отупин на ярмарке бесплатно раздавали? Или в королевстве зараза какая завелась, поэтому все вдруг посходили с ума?

– Бздынь! – снова пропилякало сигнальное заклинание, и на стол упало еще одно письмо. С таким же внушительным вензелем.

– Та-а-ак… – протянула я, заподозрив неладное.

– Бздынь-бздынь-бздынь! – прозвенело в третий раз, и конвертов на столе стало гораздо больше.

– Ба-м-м-м-мс! – вдруг немузыкально задребезжало стоящее в углу ведро, и в него, помимо письма, с размаху брякнулась обернутая в тряпицу посылка. Достаточно тяжелая, чтобы опрокинуть старую посудину на бок и до икотки перепугать спрятавшегося за ней кота.

Вздрогнув от неожиданности и шальными глазами проводив шмыгнувшего за печь Базилесва, я замерла, не понимая что происходит. А потом услышала за дверью невнятный шорох. С подозрением выглянула на улицу. Убедилась, что рыцарь со старостой все еще топчутся возле забора, и уже собралась крикнуть, чтобы проваливали. Но обнаружила на крыльце новых посетителей и неприветливо осведомилась:

– Чего надо?

– Госпожа Яга? – хором спросила троица лесных гномов. Мелких, мне по колено, в красных колпаках и зеленых курточках. – Вам женихи требуются? Мы готовы предложить свои услуги.

– Вы что, издеваетесь?! – выдохнула я, свирепея прямо на глазах.

Они дружно мотнули головами.

– Никак нет, госпожа Яга. Хотим поучаствовать в смотринах.

– В каких еще смотринах?! Кто вам сказал такую ересь?!

– Вот. – У меня перед носом нарисовался кусок старого, но очень прочного пергамента с изображением задорно подмигивающей брюнетки, под которым было черным по белому написано:

Ищу женихов. Обращаться в избушику на курьих ножках. Конкурс состоится в день середины лета. Победитель получает все. Яга.

А на обратной стороне – подробная карта с отмеченным крестиком местом явки.

– Откуда вы это взяли?! – в шоке застыла я, дважды перечитав идиотское объявление.

– Да на всех столбах развешано, – радостно сообщили гномы. – Надпись-то на шкуре василиска сделана, да и магией защищена – подделать невозможно. Портрет безусловно ваш. А значит, все без обмана, партия завидная, так что, хозяюшка, принимай гостей!

Я едва за голову не схватилась.

– Да что ж это такое?! Кто посмел?! А ну, дай сюда! – выхватив из рук ближайшего гнома пергамент, я судорожным движением его скомкала и выкинула в огород. – Никакого конкурса не будет! Понятно?! Можете

расходиться по домам!

– Мы что, опоздали? Разве счастливчик уже назван? – забеспокоились гномы. Болтающийся неподалеку рыцарь заинтересованно обернулся, а объедающий одуванчики козел вопросительно мекнул.

– Нет! – гаркнула я, захлопывая дверь у них перед носом. И тут же услышала в ответ облегченное:

– Тогда мы снаружи подождем. Авось кому-нибудь обломится.

До хруста сжав кулаки, я повернулась к Горынычу, взирающему на меня из-за стола с выражением крайнего изумления.

– Яга, прости, я не понял – неужели ты на старости лет замуж собралась? А почему мне не сказала? Я что, не вовремя прилетел? Обед-то, наверное, праздничный?

– Горыныч, хоть ты не начинай! – простонала я, хватаясь за голову. – Никуда я не собралась! Мне двести двадцать пять лет... с хвостиком! Какое, к лешему, замужество?!

Змей смерил меня изучающим взглядом.

– Для своего возраста ты неплохо сохранилась. Если бы я тебя не знал столько времени, то решил бы, что пару сотен лет ты себе приплюсовала. Для солидности. И вообще, если бы ты не была такой упрямой, я б, может, и сам...

– Горыныч! Не доводи до греха! – угрожающе протянула я, целеустремленно нащупывая швабру.

Блондин обезоруживающе улыбнулся и примиряюще поднял руки, всем видом показывая, что ничего такого не имел в виду. И я бы, может, даже поверила... если б не знала, на что способен этот неисправимый бабник. И если бы своими глазами не видела мчащихся за ним с вилами мужиков, чьих жен, невест и дочерей успел обольстить этот коварный змей.

От справедливого возмездия его спас громкий стук в дверь.

Рывком ее отворив, я со шваброй наперевес заняла оборонительную позицию и, уже не сдерживая раздражения, рявкнула:

– Что?!

– Послание из Вечнозеленого леса для госпожи ведьмы, – невозмутимо произнес стоящий на пороге эльф, протягивая расписанный золотыми и серебряными узорами конверт. Еще два эльфа отвесили изящный поклон, искусно сделав вид, что не увидели моего перекосившегося лица.

– Благодарю, – процедила я, выхватила письмо и с грохотом закрыла дверь перед самым носом эльфа, гадая, сколько еще посланий мне доведется получить из-за чьей-то дурацкой шутки. Но спустя мгновение в

нее снова настойчиво постучали.

– Ну что опять?!

– С вашего позволения, госпожа ведьма, мы дождемся ответа, – спокойно сообщил все тот же остроухий.

– Да пожалуйста! Весь окрестный лес в вашем полном распоряжении!

– Благодарю.

С облегчением захлопнув дверь во второй раз, я в изнеможении прислонилась к ней спиной.

– Кошмар какой. Теперь еще и эльфы...

– Прошу прощения, – неожиданно раздалось вежливое покашливание от окна. – Возможно, я не вовремя, но тут ли проживает досточтимая Яга, известная также как Ядрига Прекрасная?

Я скрежетнула зубами, но зависший над подоконником пожилой фей совсем не заслужил, чтобы в него бросались шаровой молнией. Пришлось вежливо оскалиться и кивнуть.

– Очень рад, – широко улыбнулся представитель маленького народа. – Тогда вы, наверное, догадываетесь, для чего я прибыл?

– По понедельникам, вторникам, средам, четвергам и пятницам женихов не принимаю! В выходные не работаю! И вообще, очередь расписана на два года вперед! – отрезала я, решительно захлопывая окно и задергивая занавески. После чего с размаху плюхнулась на лавку и сжала гудящие виски ладонями.

– Бздынь! – словно издеваясь, радостно тренькнуло сигнальное заклинание.

Я глухо зарычала, заметив, как сверху спланировало еще одно письмо и с громким бульком воткнулось прямо в горшок с горячими щами. Одновременно с этим кто-то деликатно постучал в окно, отчего я испытала жгучее желание швырнуть туда сапогом.

– Кажется, владыка Подземного царства решил высказать тебе свое почтение, – со смешком заметил Горыныч, изучив печать на тонущем конверте.

– Бздынь!

– Хм. А вот и главный придворный маг отметился...

– Бздынь! Бздынь!

– Похоже, князь вампиров и повелитель Озерного царства тоже к тебе неровно дышат, – деликатно кашлянул змей и умолк, когда под длинную переливчатую трель с потолка просыпался настоящий дождь из писем.

Глянув на одно, другое, третье, он пренебрежительно фыркнул и одним движением смел их со стола. Затем, под настойчивый стук снаружи

поднялся, открыл окно и, выудив из клюва долбящего в стекло крупного ворона еще один конверт, на котором красовался череп с перекрещенными костями, многозначительно присвистнул.

— Ты гляди-ка. Даже Кощей Бессмертный расщедрился на предложение.

— Ему-то что от меня надо?! — прошипела я. — Триста лет мертвым сном в золотом гробу спал, а тут нате вам! Очнулся! Найду того шутника, что разослал приглашения, — убью!

— Сперва надо придумать, что делать с женихами, — озабоченно произнес Горыныч, выглядывая в окно. — И желательно побыстрее. Ты только посмотри, что снаружи творится…

Полнясь дурными предчувствиями, я подошла, отдернула занавеску и охнула, судорожным движением вцепившись в стоящего рядом змея: вся лужайка перед домом оказалась забита народом. Кого там только не было! Гномы, эльфы, наги, тролли, оборотни, феи… даже горные великаны! Потенциальные женихи приходили, прибегали, прилетали и выползали из чащи с устрашающей скоростью!

Прямо на моих глазах во дворе с шумом приземлились три грифона с худощавыми обитателями Заоблачного кряжа на спинах. Свысока оглядев взволнованно колыхающееся море конкурентов, чужаки гордо вскинули подбородки, а затем дружно спрыгнули на землю, угодив сапогами точнехонько на недавно вскопанную грядку.

— Щас я их в жаб превращу! — рассвирепела я.

— Погоди, — спохватился Горыныч, ловко перехватив мою руку и ненавязчиво ее придержав. — С ума сошла? Это же официальное посольство. Их нельзя вот так — р-раз и в жаб.

— Да?! А мои петрушку с укропом вытаптывать можно?!

— Подожди, не кипятись. Тут нельзя рубить сгоряча… надо сперва подумать, выиграть время… Давай их чем-нибудь отвлечем?

— Чем?! — зло рявкнула я, опасно балансируя на грани перевоплощения. И змей непроизвольно замер, всматриваясь в мое лицо, словно впервые его увидел.

Да, обычно я не позволяю себе терять контроль, и если уж оборачиваюсь, то, как правило, во что-то безобидное. В мышку, например. В ящерку. На худой конец, в горлицу, если захочется размять крылья. Но тут меня по-настоящему прорвало. И Горыныч обеспокоенно придвинулся, прижав меня к себе одной рукой, а второй бережно пригладив растрепавшиеся волосы.

— Свет мой, не сердись. Ну хочешь, я сейчас перекинусь и сожгу всех,

кто тебя расстроил?

Я шумно выдохнула, прекрасно зная, как охотится это желтоглазое чудовище, и отрицательно качнула головой. А потом услышала снаружи нарастающий грохот копыт и невольно навострила уши.

Кого там еще черти принесли?

– Та-да-а-дам! – во всю мощь проорали за окном фанфары, а следом звонкий тенорок глашатая торжественно возвестил: – А ну-ка всем разойтись! Дорогу Прекрасному Принцу!

– Щас, – пророкотал один из великанов. – Пусть очередь занимает.

– Да как ты смеешь, смерд! Я – самый настоящий Принц! – дрожащим от негодования голоском воскликнули снаружи. Следом послышались звук смачного удара, испуганное ржание и грохот, будто кто-то на полном ходу навернулся с седла. А через несколько секунд тот же голос сдавленно прохрипел: – Я п-понял вас, господа... кто последний?

Я уткнулась лбом в плечо змея и глухо застонала. Черт бы побрал этого шутника! Мне только принцев здесь не хватало!

– А знаешь? Я, кажется, придумал, как выкрутиться, – неожиданно шепнул Горыныч, наклонившись к самому моему уху. – Пусть-ка твои женихи устроят между собой соревнование. Они себя надолго займут, а мы пока напишем отказы именитым поклонникам. Когда же все закончится, с глазу на глаз потолкуем с победителями и скажем, что ты передумала. А там, глядишь, и остальные разойдутся.

Я подняла голову и с надеждой посмотрела на змея.

– Думаешь, получится?

– С парой-тройкой человек договориться всегда проще, чем с толпой, – заверил он. А потом по-хозяйски чмокнул меня в щеку, отстранился и, цапнув с блюда пирожок, решительно направился к двери. – Не переживай. Я все уложу.

Опустившись на лавку, я мрачно оглядела стол, на который под раздраживающий перезвон сигнального заклинания так и продолжали сыпаться письма. Белоснежная скатерть уже успела покрыться тонким слоем из любовных посланий. Несколько конвертов угодило в салат. Один умудрился плюхнуться на стопку блинов и теперь стремительно пропитывался маслом. А упавшее в щи письмо так и продолжало медленно тонуть, неумолимо погружаясь в капустные пучины, словно терпящий бедствие корабль.

– Вот и все! – через несколько минут возвестил довольный змей, вернувшись в горницу. – Я обо всем договорился, так что до вечера нас никто не потревожит.

На улице послышался одобрительный ропот, бряканье доспехов и крики глашатая, объявляющего сразу три турнира: бой на мечах, бой на кулаках и состязание лучников.

– Садись, пиши. – Я с хмурым видом достала с полки чернильницу, два пера и подвинула к Горынычу горку чистых листов. – Будешь от моего имени вежливо всех посыпать и доступным языком объяснять, что произошло недоразумение.

Змей без единого возражения уселся рядом.

Какое-то время мы сосредоточенно работали, под звон и грохот с улицы строча пространные отказы властителям соседних королевств. Горыныч при этом без зазрения совести тырил со стола пироги, блины и все, до чего мог дотянуться, но я не возражала – спасибо и на том, что помогает, потому что одна я бы до поздней ночи провозилась.

А потом я заметила, что стопка ответов с его стороны растет подозрительно быстро, и решила поинтересоваться, что именно он пишет. Короли, они ж такие нервные... чуть что не так – и все, готов дипломатический скандал.

Привстав, я заглянула в очередное послание, которое без единой запинки строчил Горыныч, и с беспокойством вчиталась.

Многоуважаемый Людовик Тринадцатый Горбатый! Мы, Ядрига Лесовишина, бесконечно ценим ваше внимание, преданность интересам короны и глубочайшие познания в законотворчестве, справедливо закрепившие за вами славу умного и справедливого правителя. Но при этом не можем дать положительного ответа на ваш запрос, поэтому шли вы со своим предложением в...

Ахнув, я выдернула неоконченное письмо прямо из-под пера и от души огrelа пакостника по шее.

– Ты чтотворишь, ирод?!

Горыныч сделал честные-пречестные глаза.

– Ты же сама велела всех послать. Я и посылаю. Причем, заметь, доступным языком и очень вежливо.

– Ах ты, гаденыш... – Я чуть не задохнулась от возмущения. А потом сгребла в охапку те письма, что он успел написать, и торопливо швырнула в печь, пока этот мерзавец не отправил их адресатам. – Чтоб я еще раз согласилась принять от тебя помощь? Сволочь чешуйчатая!

– За что? – обиженно вскинулся змей, когда я в гневе скомкала и с силой швырнула в него влажное полотенце.

– Вон отсюда! – в бешенстве рявкнула я, едва не перекинувшись.

Он непонимающе моргнул.

– Яга, ты чего? Я ведь пошутил...

– Выметайся немедленно! И чтоб глаза мои тебя больше не видели!

– Эй, ты это что, всерьез? – всполошился он, когда следом за полотенцем в него прилетела крышка от чайника и, чувствительно тюкнув по темечку, со звоном укатилась под стол. А когда я решительно взялась за ухват, с грохотом отодвинул лавку и, поняв, что дело принимает серьезный оборот, опрометью выскочил из-за стола. – Стой! Погоди! Я сейчас все исправлю!

Не слушая оправданий, я со зверским выражением на лице двинулась на пятящегося змея, используя ухват вместо вил. Желтоглазый, само собой, попытался увернуться и заплясал по горнице, как заправский скоморох, кривляясь и корча страшные рожи. Но тут, улучив момент, ему под ноги кинулся Базилевс, и Горыныч, не ожидая такого предательства, с негодующим воплем опрокинулся на спину.

Не теряя времени, я с силой метнула ухват, намертво пригвоздив скользкого гада к полу. А когда подошла его добить, снаружи снова взревели фанфары.

– Победители турнира определились! – громогласно возвестил глашатай, заставив меня неохотно опустить руку. – В схватке на кулаках победил тролль Тугодум! В состязаниях лучников первое место занял эльф Сильнасерилль! Бой на мечах с преимуществом в два очка выиграл Прекрасный Принц! Давайте поприветствуем счастливчиков!

– Твой выход, – прохрипел змей, когда снаружи раздались бурные овации. – Иди. Выбирай жениха. Понимаю, что выбор трудный, но я бы на твоем месте повнимательнее присмотрелся к троллям – говорят, у них крайне интересные брачные ритуалы...

При мысли о том, что снаружи моего решения с нетерпением ждет пара сотен разумных, кипевшая во мне ярость как-то незаметно схлынула. Недавнее бешенство улеглось. После чего я хмуро оглядела извивающегося змея – еще бы, ухват-то у меня не простой... и, рывком выдернув свое оружие из пола, так же хмуро велела:

– Ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай. Что хочешь делай, но чтобы через пять минут здесь никого постороннего не осталось.

Горыныч, кряхтя, сел и осторожно ощупал покрасневшую шею. Затем метнул на меня сердитый взгляд, но все же молча встал, отряхнулся и вышел за дверь, грохнув ею напоследок так, что на столе задребезжали тарелки.

– Дорогие гости и благородные соискатели! – через мгновение разнесся по лесу его рокочущий голос. – Сегодня вы сумели показать себя с наилучшей стороны. Прекрасная дама искренне восхищена вашими доблестью и смекалкой...

– Скорее возмущена их наглостью и бахвалкой, – пробурчала я, одним движением поднимая в воздух разлетевшиеся по полу бумаги. Затем создала десяток магических писцов, которые быстро настроили совершенно одинаковые ответы. Махнула рукой, запечатывая их в конверты, и в мгновение ока отправила по назначению.

– Однако с прискорбием должен сообщить, что ни один из победителей турнира не может быть удостоен чести стать супругом нашей драгоценной хозяйки, – продолжил тем временем змей.

Я удовлетворенно кивнула и, подхватив крынку со сметаной, наклонилась покормить Базилевса.

– Кушай, мой хороший... ты сегодня заслужил.

– Как это?! – немедленно раздались на улице возмущенные голоса. – Почему?! Что за дела?!

– Потому что, к вашему огромному сожалению, прекрасная дама уже сделала нелегкий выбор, – притворно вздохнул Горыныч. – И согласилась назвать своим мужем... меня.

ЧТО?!

Тяжелая крынка, вывернувшись из внезапно ослабевших пальцев, с размаху хряпнулась об пол и с жалобным звоном раскололась на куски. Базилевс, радостно мяукнув, тут же кинулся слизывать растекшуюся сметану, а я застыла посреди горницы как громом пораженная.

Наступившая снаружи тишина стала такой зловещей, что было слышно, как подтачивают старенько крыльцо прожорливые терmites. Но вот неуверенно брякнула чья-то сбруя. Затем растерянно заблеяли бараны. Кто-то недоверчиво кашлянул. А через пару томительно долгих секунд снаружи грохнуло...

– Нечестно!

– Несправедливо!

– Возмутительно! – взвыла на все лады толпа. – Он даже не участвовал! Требуем пересмотра результатов турнира!

– Да кто ты такой?! – заносчиво воскликнул Прекрасный Принц. – И вообще, по какому праву?!

А затем кто-то из женихов – судя по мощному хеканью, тролль – швырнулся в безоружного Горыныча камнем. И, видимо, идиоту все же удалось попасть куда надо, потому что поднявшийся гвалт был мгновенно

перекрыт оглушительным, жутковатым, полным ярости рыком.

Мгновением позже подточенное термитами крыльцо угрожающе затрещало, пол под моими ногами вздрогнул, за окном мелькнул кончик покрытого золотой чешуей хвоста, после чего ходуном заходил уже весь дом, а на внезапно притихший лес упала густая тень.

– По пр-р-раву сильнейш-шего, – прошипел Горыныч и выпустил в толпу струю жидкого огня. – Или кто-то желает его ос-с-спорить?!

– А-А-А! – взвыла толпа, в едином порыве шарахнувшись прочь от дома. – ДРАКОН! СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

До меня донеслись истеричное ржание, испуганные крики, суматошное хлопанье крыльев и быстро удаляющийся топот, ознаменовавший собой безоговорочную победу змея. Причем, что удивительно, сбежал даже рыцарь. Видимо, не рискнул встать на пути у разъяренного ящера, в пасть которому легко мог бы въехать верхом на коне.

Спустя пару минут, когда топот и вопли окончательно стихли, в горницу снова зашел Горыныч. Обнаженный, хмурый, с разбитой бровью и обернутой вокруг бедер простыней, которую я поутру повесила сушиться на улицу.

– Извини за крыльцо. Не рассчитал.

– Не извиню, – так же хмуро отозвалась я. – Завтра же чтоб привел все в порядок.

– Когда забор прогорит, сделаю. Раньше нет смысла за ремонт браться.

Я неодобрительно покачала головой, когда Горыныч устало плюхнулся на лавку, а потом вздохнула и отправилась за чистыми тряпицами. Надо было перевязать героя.

– Морковку мне заново высадишь, все три грядки, – на всякий случай предупредила я змея, осторожно промокнув струящуюся по его лицу кровь. – И забор восстановишь, как было. Вместе с орнаментом.

– Если ты еще и укроп с петрушкой припомнишь, я тогда до конца лета отсюда не улечу, – мрачно отозвался Горыныч.

– А ты разве собирался?

Он удивленно замер, а потом медленно-медленно поднял голову, уставившись на меня огромными желтыми глазищами, в которых наряду с недоверием появилась самая настоящая тревога.

– Ты о чем?

– Думаешь, я могу спутать кожу дракона с кожей василиска? – спокойно осведомилась я, умело залечивая рану. – Или не догадаешь, у кого хватит наглости так меня разыграть? Может, посчитал, что я твой запах на пергаменте не почую?

– Яга, я...

– Сколько тебе понадобилось линек, чтобы набрать шкуры на такое количество приглашений? – недобро прищурилась я. – Никогда не поверю, что ты хоть одну чешуйку у кого-то позаимствовал!

Горыныч с досадой поджал губы.

– Две.

– Учитывая, что линяете вы раз в три года... долго же ты готовился. И все ради того, чтобы в очередной раз жестоко пошутить?

– Мне давно не до шуток, Яга, – вдруг прошептал змей, прикрывая глаза, и обессиленно ткнулся лбом в мои руки. – Ты же знаешь – мы выбираем пару один раз и на всю жизнь... Что мне оставалось делать?

Я недоверчиво уставилась на белобрысую макушку.

Тридцать лет назад, когда в мой огород рухнул отощавший, жестоко израненный дракон, я даже предположить не могла, что однажды он захочет вернуться. Люди в то время не сильно уважали крылатых. Драконы охотились на стада, охотники устраивали на них ловушки... однако, выздоровев, молодой тогда еще Горыныч через некоторое время появился снова. И с тех пор регулярно наведывался в гости, умудряясь всякий раз превратить свое появление в балаган и довести меня перед уходом до белого каления.

Насмешки, придирки, нешуточные споры за кружкой травяного настоя... со временем наши пикировки превратились почти что в традицию. Я регулярно упрекала его в легкомыслии. Он, наоборот, считал, что я чересчур серьезная. И так, год за годом, мы проводили долгие вечера, а Горыныч на халяву еще и наедался от пузза, заставляя меня потихоньку мечтать о том, что однажды, обожравшись до отвала, он просто не сможет улететь.

Лишь в последние лет десять – двенадцать язвительный змей стал болеедержаным на язык и поумерил аппетиты. В нем появились не свойственные молодежи рассудительность, предусмотрительность, благоразумие. Но я и подумать не могла, что он не просто так вдруг прекратил охоту на местных красавиц. И тем более не догадывалась, что он хоть в чем-то может быть по-настоящему серьезным.

– Ладно, – с тяжелым вздохом отодвинулся наконец Горыныч и окинул тоскливым взглядом опустевший стол. – Смена облика отнимает много сил, так что я опять проголодался. Покормишь?

– Щи остыли, – машинально отозвалась я, комкая в руках окровавленную тряпку. – Пироги и блинчики ты уже съел, а жаркое, если помнишь, сгорело.

Он снова вздохнул и поднялся.

– Тогда пойду оленя задеру...

– Стой, – спохватилась я, когда он отвернулся и двинулся к выходу.

Нагнала дурака, обхватила за напряженные плечи и, приподнявшись на цыпочки, с чувством поцеловала. – На удачу.

Горыныч ошеломленно моргнул, неверяще поднеся руку к губам. Встретил мой настороженный взгляд и хотел было что-то сказать, но... неожиданно передумал. После чего кинул быстрый взгляд на опрокинутое ведро и, как-то по-особенному улыбнувшись, вышел.

Украдкой выглянув в окно и увидев, как с истоптанной, обгоревшей до неузнаваемости лужайки стремительно взлетает золотой дракон, я с облегчением выдохнула. Потом достала из ведра позабытую в суматохе посылку, обнаружила внутри шкатулку, выточенную из драконьего когтя и украшенную золотистыми чешуйками. И, достав оттуда простое серебряное колечко, затаенно улыбнулась.

Вот теперь он точно никуда от меня не денется. Вернется. Да и как не вернуться, если я уже много лет жду только его одного?

Галина Гончарова

Взмах драконьего крыла

- Я беден и не слишком знатен. Я не могу на тебе жениться.
- Будь он проклят, этот титул!
- Ты сама все понимаешь.

– Да, понимаю. Ты умный, ты замечательный, но для наших придворных болванов это ничего не значит.

– А ты принцесса. И это для них значит слишком многое.

– И если я последую зову сердца, из мятежей мы не вылезем следующие сто лет.

Вместо ответа мужчина целует руку своей любимой.

Он отлично знает, когда ее высочество выйдет замуж по расчету, он просто... он не умрет – самоубийство недостойно дворянина. Но если кто-то хочет встретиться со смертью, он найдет способ.

Потому что видеть ее с другим – выше его сил.

Он любит принцессу так, что кровь бы дал из себя по капле выцедить. Для нее, лишь для нее...

Но быть вместе они никогда не смогут.

Когда тебя похищает дракон – это страшно. Наверное.

Во всяком случае, принцесса Азалия от ужаса лишилась чувств. И все видели, как над башней, словно совершив круг почета, взвился золотой дракон, как подхватил принцессу и улетел. Только золотая коса из лапы свисала.

А бедняжка и не кричала даже вовсе.

Обеспамятела от ужаса. Такое бывает...

Естественно, король был в ужасе. Королева рыдала, принц Абель хотел было отправиться на поиски двоюродной сестры, но ее родители были категорически против.

– Нет-нет, это неправильно. Азалия у нас девушка на выданье, дорогой. Вот кто победит дракона – тот и получит ее в жены. А ты все-таки кузен, поэтому тебе нельзя.

Надо сказать, королевская семья была невелика. Его величество, ее величество, две принцессы – Азалия и Амалия, ну и Абель. Сын королевской сестры, ныне покойной. Но высокий титул ведь не гарантия плодовитости?

Даже скорее наоборот.

Так что по королевству был брошен клич. Тот, кто победит дракона, получит в жены принцессу. А учитывая, что она старшая и вообще наследница, после смерти короля у удачливого героя есть все шансы обзавестись троном и короной.

Приз был настолько велик, что герои ринулись в королевство потоком.

И – разочарованно замерли перед дверями дворца.

Если кто не знает, геройство – дело не особо доходное. Шишки и

синяки там прибывают с завидной регулярностью, а вот с деньгами хуже. А его величество объявил, что лично он на поиски принцессы и гроша не выделит. Герой и так получит все. Неужели сейчас ему жаль потратить какие-то медяки? Тогда это неправильный герой, жлоб и скупердяй. И к чему такой принцессе?

Так что примерно половина «героев» отселялась еще на подходе. Осталась вторая половина. Дворяне, из богатых и не очень, и купцы. Ну и несколько аферистов, которые умудрились заработать деньги и не познакомиться при этом с палачом. Такое тоже бывает, иногда и не в сказке.

Так что в следующий месяц королевство очень неплохо заработало. На продовольствии, теплой одежде, лекарствах, чудодейственных амулетах, эликсирах, свитках, снаряжении для гор, конях, ослах, на последних – особенно.

А вот в соседних королевствах дела обстояли хуже.

Во-первых, решили попытать счастья принцы, но – увы. Его величество тут же объявил, что любой, кто хочет спасать принцессу, будет делать это в одиночку. Ну, с отрядом человек в десять – пятнадцать. А иначе – это уже вторжение на территорию Торадора. И ему это не нравится. Короли-соседи подумали и решили, что принцесса того не стоит. Родимое чадушко отпускать на съедение здоровущей рептилии?

Ну уж дудки!

Лучше подождать, пока вторая достигнет брачного возраста. Авось не станет дракон и вторую утаскивать? Должна ж у него, гада, совесть быть? Или хотя бы у короля охрана?

Были, конечно, одиночки, но на таких много не заработкаешь. Опять же, пока соберешься, пока доберешься до границы Торадора, а там и до гор... а если принцессу спасут раньше?

Обидно ж будет!

Так что потенциальные освободители были в основном местными. Неделя-другая на сборы, а потом целое стадо героев двинулось в горы.

– Устоят ли? – поинтересовалась королева-мать, выглянув из окна.

– Эти горы и не такое выдерживали, – успокоил ее король-отец. И захлопнул окно.

Не стоит укорять короля-отца за его душевную черствость и даже жестокость. Королевство Торадор в этот момент находилось в достаточно сложном положении. На севере, в горах, активизировались разбойники, из-за чего торговля с другими странами была весьма затруднена. Король знал, кто именно разбойничает, но знать и доказать – суть вещи разные. А не

докажешь – не посадишь.

Можно, конечно, поотрубать пару голов королевской волей, но как быть с Дворянским собранием? Где тут же начнутся свары, склоки и раздоры, и кончиться это может чем угодно, вплоть до бунта? Такого счастья его величеству и даром не надо было.

Это – одна из проблем.

Вторая же, и в чем-то главная, состояла в отсутствии прямого наследника. Сын сестры, это все-таки не король. Да и отец у него был не так чтобы очень знатный, и сам сын...

Удался ли он?

Ну, не урод, не болен, но дурак. Не из тех, кто, складывая шесть и семь, получит восемь разных результатов, нет. А просто из тех, кто спесив до глупости. И не может предположить ума в ком-то, стоящем хоть на ступеньку ниже его. Такими очень легко управлять.

А каково сажать их на трон?

Плохо. Очень плохо. Вплоть до переворота и потери трона.

Но и девушек тоже не коронуешь – дворянство озвеет. Надо выдавать дочь замуж и короновать ее мужа. А за кого?

Вот королю и приходилось тяжко.

Мало ему было интриг, скандалов и склок между дворянами, мало попыток воздействия, уговоров и прочих радостей, мало предложений от принцев соседних государств...

Младшая-то дочь пока еще была совсем малявкой: десять лет – не возраст. А старшая уже заневестилась, вошла в пору и в свои восемнадцать вызывала неконтролируемое слюноотделение почти у всех мужчин при дворе. Исключением были слепые и глухонемые.

С одной стороны – королевство и обнаглевшее дворянство, с другой – родная дочь. Ну и житейские проблемы.

И как тут не поблагодарить дракона?

Вовремя подвернулся, чешуйчатый. Теперь хоть какая-то передышка будет.

Драконы, и верно, живут в горах. Данный конкретный обосновался на севере королевства, за что его и материли все рыцари. Да так, что несчастная рептилия должна была уже давно загнуться от икоты.

А то ж!

Одно дело – доехать на пару дней пути, влезть на уютный пригородок, помахать мечом, а то и вообще засаду устроить, катапульту подкатить, войско с собой привести. Это запросто и со всем нашим удовольствием.

Другое – когда только до северных гор тебе ехать примерно месяц. Войску, кстати, маршировать вдвое дольше. Дорог в горах нет, одни направления, так что про катапульты и осадные орудия лучше сразу забыть.

Войско? Можно, конечно, но пока ты туда с войском доберешься, принцессу уже без тебя спасут три раза. А кто потратится?

А ты. Потому как король-отец ни медяшки на предприятие выдавать не собирался. Вот еще!

Спасешь принцессу – с ней и приходи. Свадьба, полкоролевства и прочие пряники тебя ждут, сын мой. А до той поры – извиняйте. В стране кризис, в казне пусто, а у королевы вообще любимый хомячок померши. Двор в горе и печали. И денег нет!

Так что поток желающих спасти принцессу поредел наполовину уже в первые сутки. И не увеличился во вторые.

Отсеялись ленивые, трусливые, расчетливые, и остались несколько сотен самых упорных. Впрочем, иллюзий никто не питал. Эти тоже отсеются, но по дороге. Дайте время.

Трактир «Волчье логово» был спешно переименован в «Драконий хвост». А то ж! Была причина!

Вот в северных горах дракона, наоборот, оценили и полюбили. Лапочка, прелесть и умница, что тут скажешь? И место хорошее выбрал, и дракон-то приличный! Потому как ничего не жжет, не ворует, а вовсе даже золотом платит. А дело было так...

Северные горы – место сложное. Чтобы тут выжить, нужны и ум, и характер, да и навыков немало. Иначе есть опасность помереть от голода, холода или волчьих зубов. Так что те, кто выжил, – народ крепкий и к шуткам не склонный. И когда однажды неподалеку от трактира (почитай, местный центр культуры и новостей) опустился здоровущий дракон, встретили его не воплями, а дрекольем. Похватали что было и направились лупить рептилию.

А чего он?

Летают тут всякие, а потом скотина пропадает... а в горах это ценность, так что за каждую пропавшую корову ее хозяева любому дракону хвост бы повырывали, начхав на редкость и размеры.

Дракон оказался не слишком большим, красивого золотистого цвета... и говорящим. На самом универсальном языке – языке золота.

Связки у него не были приспособлены под человеческую речь, но ему это не помешало высыпать на землю перед крестьянами с десяток полновесных золотых.

После этого желания лупить гада у них поубавилось. Это-то никогда не поздно, но золота больше не будет. Так что сначала золото, а потом лупить.

Золото – это ж всегда хорошо! А дракон принял то ли рычать, то ли...

Что-то понять можно было, в остальном хозяин трактира обошелся вопросами – и его отлично поняла уже рептилия.

– Коррррм...

– Корм... а, ты у нас столоваться хочешь?

– Угу...

– А часто?

– Ррраз тррри дня...

Три здоровущих когтя отлично проиллюстрировали мысль дракона. Трактирщик пошатнулся, но удержался, а вот пара слуг повпечатлительнее таки свалились в обморок. Когти там были... один раз чиркнешь – и все, можно оглашать завещание.

– Ясненько. То есть раз в три дня ты сюда прилетать будешь, а мы тебе пожрать выносить?

– Угу.

– А платить чем? Забесплатно только кошки рождаются.

Золото было выразительно пошевелено когтем.

– Маловато, – по привычке выжиги вздохнул трактирщик. – Добавить надо бы...

Вместе с золотом был продемонстрирован тоже оч-чень выразительный коготь. Потом второй – для убедительности.

– Понял. А сколько и чего вы хотите, ваша милость?

Хвостатая милость хотела жареного барана и овощей. И готова была платить за это пять монет золотом. Цена, мягко сказать, завышенная, на пять золотых можно было пяток овец купить, да хороших, сугных, но, учитывая необычность покупателя, сторговались быстро. И время потекло. Раз в три дня дракон прилетал, тщательно обнюхивал свою пищу, чтобы не отравили или не подсунули несвежую, насыпался – и улетал к себе в горы. Иногда приносил горных коз, которых трактирщик потом ему и жарил. Как оказалось, рептилии обладали нежным желудком и есть сырое мясо не могли.

Сотрудничество всех устраивало. Про принцессу крестьяне и вообще ничего не знали. Но и узнав, не забеспокоились.

Ну и что? Украл и украл, где та принцесса, а дракон, можно сказать, свой. Но это ж не повод не заработать на всяких проезжающих?

Так что трактир спешно переименовали, наняли новых слуг, запаслись продуктами и вином, а дракона предупредили, чтобы был осторожнее. И место встречи перенесли в укромную лощинку. Не лишаться же пяти золотых из-за какой-то столичной фифы?

– Абель, тебе бы не надо ехать.

– Дядя, она моя сестра!

– И что?

– А если Азалию спасет кто-то другой? Это ж позор всей королевской фамилии!

– Фамилия переживет. А вот ты можешь и не пережить встречи с драконом.

Король говорил разумные вещи, но принц попросту не прислушивался. И манила его не сестра, хотя и она тоже, чего греха таить? Двоюродным братьям-сестрам иногда разрешено жениться, это мог бы быть подходящий случай для восшествия на трон. Азалия же, с ее аппетитной фигуркой и золотыми волосами, была приятным бонусом.

А править Абелю хотелось. Да и кто может быть более достоин, чем он? Он умный, красивый, а что не у короля родился... ну не повезло. Всяко бывает!

Король честно пытался отговорить племянника. Целых три раза. Потом сдался, махнул рукой и вызвал к себе начальника личной гвардии. Одноглазый вояка, которого за глаза прозвали Кривым Грифом, долго обсуждал что-то за запертыми дверями с его величеством, а потом лично подобрал принцу отряд сопровождения. Как раз для битвы с драконом. Все парни бравые, храбрые, как на подбор – грудь в золоте, усы завиты, половина из знатных родов, а то вдруг случай представится, а принцессу кто деревенский спасет? Это ж кошмар будет! Быдло на троне – пострашнее дракона!

Сам вот Гриф происхождением не отличался, да и характер у него был преотвратный. Зато короне он был предан как собака, скажи ему король в огонь кинуться – не помедлил бы.

Сын захолустного барона пятнадцать лет назад приехал в столицу зарабатывать себе имя и чин саблей. Кто-то под это решение и погибает в первые два дня. А кто-то...

Гриф оказался из вторых. Много раз дрался на дуэлях, не прятался за чужие спины, побывал и в боях, и в походах, золотых гор не нажил, зато по служебной лестнице продвигался очень быстро, потому как был умен и смел. И достиг своей вершины.

Сейчас никто не смел косо глянуть в его сторону. За спиной, конечно, шипели, но это – пусты. Пусть хоть ушипятся. А он все сделает, как его величество сказал. И сопровождение подберет...

Правда, злые языки уверяли, что Гриф воспользовался случаем и почистил гвардию от всех идиотов, которых туда напихали вельможные родители. Но это уже откровенное вранье и подрыв боеспособности государства, не иначе. А потому с такими языками было приказано поступать решительно – до отсечения. Можно вместе с головой.

Так что дня три поговорили с оглядкой, а потом и говорить стало некому.

Отряд принца уехал, Грифа тоже отослали куда-то, с глаз долой, жаль, ненадолго...

Важны были принцесса и дракон. Вот о них новостей и ждали.

Тяжела ты, жизнь менестрельская. Гордая, вольная, свободная и красивая. Ну и еще, до кучи, холодная и голодная. Это Анри знал лучше многих.

Выглядит-то оно со стороны чудесно – гуляешь где хочешь, песенки поешь, а на самом деле...

На то, что тебе подают, прокормить можно кошку, если та еще мышами докармливаться будет. А вот человеку хоть самому мышей ешь.

Летом.

А есть еще весна и осень, когда дождливо, холодно и грязно, зима, когда просто холодно и не погуляешь, да и лето иногда подводит. То жара, то неурожай – вот и пуст сарай у крестьянина. А у менестреля, естественно, кошелек – не до веселья, когда жрать нечего.

Так-то вот. И загибается большинство вольных певцов от бескормицы или оседает где попало, нанимаясь хоть бы и полы мыть, лишь бы кормили. Какое там искусство, когда в животе ветер свищет на три голоса?

А есть и другая сторона.

Дамы, то есть бабы.

Им-то житье менестреля кажется уж-жасно романтичным. Красивым, ярким, возвышенным и вдохновенным. А их мужьям – вовсе даже нет.

Так что всегда есть возможность схлопотать либо вилами в зад от обиженной любовницы, либо оглоблей по хребту от ее супруга. Вот Анри и...

Такая милая дама, между прочим, баронесса, а вот барон – сволочь! Гад, гад, гад!!!

Это кем же надо быть, чтобы жену караулить, а потом вломиться в

самый неподходящий момент? Хорошо еще, что не раз битый жизнью и мужьями Анри заранее просчитывал пути отступления. Схватил предусмотрительно сложенную одежду и дал деру.

И шел сейчас через горы, надеясь попасть в Торадор, потому что ревнивый муж объявил на беднягу настоящую охоту. И даже награду за его голову – десять золотых, так что в деревни Анри заходить не хотелось. Сдадут мгновенно, для крестьянина-то это целое состояние, чуть не две коровы.

Вот ведь гад!

Ни сам не ам, ни другим не дам!

Бессовестная личность!

Узнав о похищении принцессы, барон Картан задумался.

Одно дело – разбойничать на горных перевалах. Другое – легализоваться, да еще как! В роли короля! Ради такого куша барон готов был сам любого ящера зубами загрызть.

Чуть-чуть расхолаживало то, что дракон сам оказался не промах – и кто шел его искать, тот назад не выходил.

Ну, скажем честно, кое-кому барон лично помог... остаться в горах. А что? Место отличное, лежи себе и спи спокойно, дорогой товарищ. Опять же, деньги нужны...

Но, может быть, можно найти способ?

Взять с собой людей, а еще – магов. Дорого, конечно, накладно, но деньгами его обеспечат спасители принцессы, а в случае успеха...

О да!

Его величество Дариуш Картан!

И барон, всласть помечтав о короне на своей подлысоватой голове, принялся искать мага. А кто ищет, тот всегда найдет.

Сам волшебник на дракона идти отказался. Стар он, слаб, и вообще – клиентура не поймет. А вот оружием обеспечил. По виду – обычные стрелы, но барон лично проверил одну и остался доволен. Дом, в который попала эта стрела, сгорел за двадцать секунд в пепел и пыль. Так что расплатился Картан с магом честь по чести (а то себе дороже выйдет) и направился обратно домой. Собирать отряд и воевать дракона.

Власть и деньги манили, заставляя забыть об осторожности...

Граф де Ланьи был женат уже лет двадцать, и принцесса ему была нужна, как дырка в голове. От власти и денег (и побольше, побольше) он не отказался бы, но...

Зачем лезть высоко?

Сорваться можно очень легко и быстро. Ну, дракон. Ну, похитил он принцессу. И что? Может, у ящера оригинальная диета. Или стремление к прекрасному.

Графу и даром не сдался бы тот летучий гад, но!

Гнусная чешуйчатая ящерица принялась выслеживать его людей! Нападала на честных контрабандистов, скидывала их в пропасть и улетала. Если сопротивлялись – убивала, если нет – просто поливала огнем товар.

А каков убыток?! Этой чешуйчатой пакости и в голову не могло прийти, что она пожгла уже чуть ли не треть годового бюджета королевства!

В горах стало опасно!

Это графа не устраивало. С драконом требовалось разобраться, и чем быстрее, тем лучше. Так что он сходил к магу, который недавно обосновался в городе неподалеку, получил там отличные стрелы, опробовал их на живом быке и остался доволен. Бык не уцелел.

Дракону тоже будет невесело...

А будет знать, тварь такая, как мешать чужому бизнесу!

Посоветоваться между собой барон и граф забыли. Да и не стали бы, конкуренция – штука жесткая. Просто принялись набирать людей – не рисковать же своими, доверенными и проверенными? Лучше уж разово нанять безработных вояк для похода в горы. А деньги...

А дракон?

Может, там платить и вовсе не придется! Некому будет!

Плюсом трактира «Драконий хвост» было очень удобное место расположения. Так что...

– Мне нужна комната и ужин.

– Немедленно размести меня и мою свиту.

– Я долго ждать буду, пока мной займутся?!

За какой-то месяц трактирщик заработал столько, что мог бы давать взаймы даже дракону. Охотники шли косяками, как лосось на нерест. Ну и... случалось всякое.

Вот и сегодня...

Не то беда, что к трактиру его высочество принц Абелль пожаловал, а то беда, что с целой свитой! Человек тридцать, не меньше, и все гвардейцы. Вот и возблагодаришь Бога, что всех девушек из трактира услал куда подальше, а то было б сейчас... ох! А в придачу к принцу еще и барон

Картан нагрянул. А трактирщику-то доподлинно известно было, что барон и промыслом на горных дорогах не брезгует. Благо пещер в горах много, оттащи тела куда да завали – к весне и концов не найдут.

А доподлинно трактирщик это знал, потому как сам скупал у барона кое-что полезное в хозяйстве. Работа такая...

Принц со свитой расположились на лужайке, раскинули шатры и выглядели вполне довольными жизнью. Слуги только и знали, что вино подносить.

И ой как не понравился трактирщику взгляд барона, брошенный на принца Абеля. Умный, едкий, цепкий...

По правде говоря, не дракон был проклятием этих гор, вовсе не дракон, а разбойники. Из-за них и перевалы были небезопасны, и караваны терялись, и выводить их было, что тех тараканов из дома. Хоть ты кипятком шпарь все углы, хоть травами окуривай, а все одно – вновь набегут мерзкие твари! Тут уж дракону впору бояться, чтобы ночью чешую с хвоста не обшипали.

А чего это барон-то пожаловал?

Долго размышлять трактирщику не пришлось, потому как барон поманил его к себе и начал издалека:

– Говорят, принцессу дракон утащил?

Вот тут трактирщик холодным потом и покрылся. Но соображения не потерял.

– Как будет угодно вашей милости.

– А еще говорят, что сюда ящер частенько прилетает?

– К речке, ваша милость.

– А не к трактиру?

– Да что вы, ваша милость! – взмолился трактирщик со всей убедительностью человека, желающего жить. – Что ему тут делать? У нас и стреломет есть, как засадим под крыло!

Барон какое-то время еще терзал бедолагу, но потом трактирщик потребовался принцу, и добычу пришлось отпустить. А ведь...

Разбойников в горах много. Объединить их – так, поди, и дракон не устоит. А потом – что?

Женится их главарь на принцессе – и все. Кто может быть хуже бандюги? Да только тот же бандюга, который до власти дорвался. Но трактирщик – человек маленький, подневольный, так что пришлось рассказывать, что знал. И с принцем барон быстро познакомился.

Выпили вместе, спели и уговорились, что барон отряд принца еще и своими людьми усилит. Дракон же! Большой, летучий и огнедышащий! Так

что справиться с ним будет сложно, а вот если всем миром навалиться...

Принц-то согласился. А вот о чем думал барон – сие принцу было неведомо.

В горы двигался целый отряд общим числом человек пятьдесят. Возглавлял его принц Абель, довольный и гордый. Барон ехал где-то в середине, справедливо полагая, что мишень из себя состроить всяк дурак может, а вот уцелеть, если дракон налетит...

Не налетел.

Но и над логовом флаг не вывесил, заявляя, что я – здесь. Идите сюда, герои!

Это в сказках к логову гнусного ящера разве что не тропинка проложена и храбрый рыцарь двигается спасать прекрасную принцессу напрямик, не обращая внимания на бытовые мелочи. В жизни же...

Дракона предстояло еще найти.

Тут, правда, принцу повезло. Они не успели пропутешествовать по горам и три дня, когда на пути им встретился бродячий менестрель. Есть такая категория, часто не обделенная ни умом, ни талантом. Объединяет бродячих менестрелей несколько качеств.

Слишком длинный язык, неумение творить по заказу и нежелание кому-либо подчиняться. Часто еще и любовь к горячительным напиткам. Но этот явно был не из таких. Молодой парнишка просто шел по горам, чисто для развлечения наигрывая что-то на свирели, – и вынырнул мало не под копыта коню принца.

Конечно, его высочество тут же заслонили, менестрелю нацелили в нос несколько луков и копий и поинтересовались, кто таков и куда путь держит. Хотя и так видно было.

Ну, кто еще кроме менестреля?

Потрепанная куртка украшена блестками и нашивками, за спиной старый кожаный мешок, в котором брякает что-то, подозрительно похожее на бубен, поверх него привязана гитара, русые волосы растрепаны, а улыбка наглая и веселая.

И стесняться или бояться менестрель не собирался. А вместо этого отрекомендовался – Анри, менестрель. Иду с севера на юг, говорят, там теплее и платят больше. А вы, господа, куда?

На битву с драконом?

А с вами можно?

Я потом обещаю честно воспеть героизм победившей стороны! В балладах, канционах, сагах – жанр на усмотрение заказчика.

Оплата?

Кормежка и доставка до подножия гор. Обузой не буду, все ж таки высокородных господ надо развлекать по вечерам. Прочему бы и не моими скромными песнями?

Барон был слегка недоволен, но принц согласился.

Еще через пару дней отряд опять пополнился. На этот раз к нему присоединились люди графа де Ланьи, который тоже шел по горам с надеждой обнаружить дракона. И еще несколько авантюристов-одиночек. И даже одно чудо в перьях – сын купца, который твердо решил спасти принцессу и с этой целью сбежал из дома. Папа-то был категорически против таких планов, приземленно считая, что сыну надо бы разбираться в качестве ткани да ругаться с поставщиками. А геройства стоит оставить героям, тех уже все равно не вылечишь.

В итоге сын украл у папы аж шесть золотых монет и кое-как, с горем пополам, добрался до гор. Остатка денег хватило на скучные припасы и ишачка, который в горах не уступал королевскому скакуну, а то и был удобнее – ибо мельче и маневреннее.

Над романтическим дурачком посмеялись, но к отряду примкнуть разрешили. Дракон же!

Крупный. Опасный. И может быть, этот сожранный сын купца пойдет рептилии вместо принца? Или графа? Кто его, ящера, знает, с его вкусовыми предпочтениями.

Процессия двигалась по горам, ориентируясь на дракона.

А мерзкий ящер особо и не скрывался.

Рептилия прилетела, как и обычно, на кормежку. И трактирщик лично решил подать огнедышащей твари ее обед. Притащил туши, разложил на траве и затеял светскую беседу, стараясь не глядеть на зубы и когти.

– А вот вы, ваша милость, и не знаете, что вас опять воевать идут.

Дракон шевельнул когтями. Мол, пусть идут.

– Да еще какой отряд большой. Барон Картан хотел один идти, а тут и принц Абель с гвардией подошел. Вот они и объединились.

Дракон чуть склонил голову. Мол, говори, говори…

– А еще мне доподлинно известно, что им маг какие-то противодраконы стрелы нашептал. Или зачаровал. Так что вы б поосторожнее, ваша милость. Не хочется выгодного клиента терять.

Дракон кивнул и задумался о чем-то своем.

Трактирщик тоже решил, что его миссия выполнена. Предупредил?

Имеющий уши да услышит. А коли ни ушей, ни ума… но к дракону

это не относится. Умный хищник.

Замок барона Картана был хорошо укреплен. Высокие стены, котлы со смолой на стенах, камни, требушеты и даже одна катапульта... дорогая, собака, но дело того стоило!

Увы...

От дракона это помогло мало.

Когда мерзкий ящер пикирует сверху, бросает во двор что-то горючее и парой выдохов подпаливает башни...

Вот тут и поймешь, за что их истребляли! Вот тут и пожалеешь, что не всех!

Сволочь!!!

Замок занялся, что та солома! Едва людей вывести успели!

Но отстраивать его?

Ох, что-то подсказывало дворне, что в ближайшее время барону будет ни до чего, кроме своего дома. А мерзкая чешуйчатая тварь ведь никуда и не улетела. Кружила над замком, выхватывая то одного человека из толпы, то другого, поднимая повыше – и отпуская.

Лепешки получались очень высокохудожественные, но баронские домочадцы были далеки от драконьего чувства прекрасного. Арбалетные болты от мерзкой твари только отскакивали, про стрелы и говорить не стоило.

Дохнув на прощанье огнем, добавив калек, и саданув хвостом по чудом уцелевшей башне, дракон улетел.

А измученным людям теперь надо было как-то позвать на помощь, сообщить о случившемся барону, да и вообще – убираться в деревню. А то в горах не сильно поночуешь на свежем воздухе. Там не только дракон людей любит.

За пять дней нападениям подверглись:

- шесть деревень, на которые дракон посыпал сверху куски камня;
- три разбойниччьих лагеря, которые мерзкая рептилия просто залила огнем;
- замок графа де Ланьи.

Дракон оказался весьма и весьма трудолюбивым, делая по два-три налета в день.

Там поджег, тут камень скинул, здесь еще что горючее... но горючее как-то осталось вне внимания людей. Понятно ж, что дракон огнедышащий, вот от его дыхания все горит, и даже камень плавится! А

снаряды с запретной магией – да откуда такие могут взяться у дракона?!

Неоткуда.

Обознались.

Впрочем, в замке графа чудовищу чуть-чуть отомстить смогли, ранив его в крыло. Но толку-то?!

Все равно разнес все, до чего добрался, чуть ли не до основания, прихлопнул хвостом двух старших сыновей графа, да еще и кучу навалил на пожарище.

А что летать ему было плохо и больно, так улетел же!

А может, еще и вернется… гад!

Менестрель – создание непоседливое и любопытное. А потому, когда ему ночью понадобилось в кустики, он никак не смог пройти мимо подозрительного шороха. И обнаружил: примерно в двадцати метрах от всей честной компании на уступе сидела девушка. Сидела, дрожала, куталась в плащ, но с места не двигалась.

Нечисть ночная?

Анри честно попробовал сотворить знак Пресветлого. Не помогло. Вместо того чтобы зашипеть, рассыпаться и исчезнуть, девица покачала головой, приложила палец к губам и поманила менестреля рукой.

Анри подумал и подошел поближе.

– Ты кто?

– Да знахарка я местная. Живу в горах. А ты менестрель?

– Ага.

– Хорошо поешь, я слышала.

– Когда?

– Да сегодня вечером. Я тут случайно оказалась, за травами пошла, да ногу подвернула. До дома далеко, а ночевать в горах опасно. Вот я и решила… поближе к людям.

– А чего к костру не вышла?

Анри даже разочаровался. Вот… могла бы быть легенда, а все так приземленно.

– А ты бы вышел? Будь ты девушкой?

Анри подумал и признал ее правоту. Еще как не вышел бы! Они же рыцари! Благородные! А значит – как нажрутся, так и потянутся благородство сеять. Шлюх рядом нет, так знахарка сойдет. А от десятка сволочей ни одна девчонка не отобьется.

– Ты, наверное, голодная?

Глаза девчонки блеснули в полумраке. Цвета было не разглядеть, но

вот заинтересованность...

– Еще какая! С утра крошки во рту не было!

– Сиди тихо, я сейчас вернусь с хлебом. Разносолов не обещаю, но кой-чего там осталось.

– А ты никого не приведешь?

– Чтоб мне век лютни не видать!

Девчонка серьезно кивнула. И даже не удивилась, когда Анри вернулся минут через десять с половиной ковриги хлеба, куском мяса и тремя огурцами.

– Что осталось.

– Спасибо. Я не забуду.

Девчонка спрыгнула с уступа, пошатнулась, выругалась, и менестрель понял, что насчет ноги она не врала. Ей точно было больно. И голодно. На пищу она накинулась диким зверьком, слопала все и даже облизала пальцы.

– Ты меня очень выручил.

– Сочтемся при случае. – Анри испытывал даже неловкость. Ну что он такого сделал?

Да ничего! Какая уж тут благодарность!

– Зовут-то тебя как?

– Местные Залей кличут.

– Заля... А я Анри.

– Ну, будем знакомы, – девушка сделала глоток из личной менестрельской фляги, чуть поморщилась. – Прости, не люблю вино. Вы на дракона идете?

– А то ж...

– Ну вам еще дня три топать, это точно.

– Да догадываюсь. А ты знаешь, где у него логово?

– Ага. Все знают. Во-он там, на Вороньей горе, – слова сопровождались небрежным взмахом руки. – Вам еще два перевала и провал перейти – и почти на месте.

– Жаль, что ты нас проводить не можешь.

– Дура я, что ли, – дракону в пасть лезть? Ты-то тут как оказался? Принцессу решил спасти или подвиг воспеть?

– Шел через горы, запутал, наткнулся на спасителей, ну и прибился к отряду. Жить хотелось...

– Понятно. Ты, если что, лучше пешком иди. Лошади дракона не любят, беситься начинают, поскидывают половину этих героев куда придется – вмиг покалечишься.

– А ты-то откуда знаешь?

– Так чего тут не знать. Я ж в горах живу, видела, как он на деревню налетал.

– Своловь!

– А разбойники лучше? В той деревне нехорошим промышляли, остановится какой купец на ночлег и пропадет. Бывало...

Анри прикусил язык. Ненадолго.

– А жены? Дети?

Девушка злобно фыркнула, сделала еще глоток из фляги.

– Так это семейный промысел у местных. Не у всех, но есть такое. Жены одежду застирывают да зашивают, дети с малолетства глотки спящим резать учатся. И тебя бы приговорили, окажись ты в такой деревне.

– Да что с менестреля взять?

– Вот ты и сказал бы – что. После часа-двух пыток.

Анри передернулся.

– Это мне еще и повезло, что запутал?

– Не без того. Так что держись в середине каравана и на лошадь не лезь.

– А ты ведь не простая знахарка.

– А тут простым и не выжить. Думаешь, тишь да глушь? Ах нет, моя мать из благородных была... ну это история долгая.

– Так и до утра времени много.

– А я до утра не останусь, чуть рассветет – и пойду. В темноте-то можно скрыться, а утром слуги зашевелятся, еще увидит кто... не хочу. Не говори обо мне, ладно?

– Как же ты дойдешь?

– Потихоньку. Справлюсь.

– А то, может, помочь? Проводить?

– Я-то тебя потом к подножию гор не провожу. Так что держись лучше людей, с ними безопаснее.

– А то ты не человек?

– А ты забыл, как отврачающий знак делал? Вот сейчас как зарычу, как кинусь...

Верились с трудом, девчонка как девчонка. Анри уж сколько таких на своем веку перевалял. Правда, эта точно откажет, если ей сено помять предложишь. За такими ухаживать надо.

– Не кинешься.

– Верно. Но и провожать меня не надо.

Анри и не стал – чего уж, раз просят. Но до утра честно просидел с девчонкой. Мало ли кто, мало ли что... и понять ее можно тоже.

Ушла она, как на востоке сквозануло алым. Лагерь еще спал, и Анри решил урвать пару часов на сон. Хоть так-то.

Дракон продолжал свои налеты. Граф, барон и прочие просто бесились, но что они могли сделать? Да только отомстить хищной гадости.

Вот на третий день пути и...

Гадость оказалась не только хищной, но и умной. И напала из засады.

Даже не напала, нет.

Дракон – летучий, чем он и воспользовался. Сбросил сверху несколько камней и улетел. Целился, между прочим, сволочь такая, не в графа или барона, а в простых воинов, то есть в самый конец отряда. Анри, бывший как раз в середине, поблагодарил про себя девчонку за совет. Кстати пришлось.

А дракон-то крупный. И камни немаленькие.

Так что...

Примерно пятнадцать человек просто умерли на месте. Еще троих привалило обвалом. А дорога назад стала попросту невозможной. Дракон в очередной раз доказал, что он – разумный, так подгадав место, что тропа скрылась под завалом. Ни обойти, ни объехать – горы.

Боевой дух заколебался и пополз вниз. Но куда деваться?

После похорон невезучих, отряду оставалось только идти вперед. А дракон, словно издеваясь, налетал еще два раза. Не давал ни отклониться от маршрута, ни сбежать, ни даже спрятаться – в результате отряд уменьшился еще человек на десять.

Анри смотрел и думал, что рептилия умнее любого аристократа. Но держал свое мнение при себе. Жить хотелось.

Облегчать кому бы то ни было задачу дракон не собирался ни на миг.

Пещера крылатой ящерицы была малодоступна, находясь примерно в тридцати метрах над дорогой. И до нее можно было только долезть. По отвесной скале, молясь, чтобы ящер не налетел.

Но для начала...

– Ваше высочество!!!

– Азалия, ты там?!

– Принцесса!!!

Она была очаровательна. В белом платье, с распущенными золотыми волосами и в королевских драгоценностях. И – увы. Недоступна.

Не спрыгивать же?

Только лепешка и останется. С золотыми волосами.

– Абель! Братик, ты пришел!!!

Чуткое ухо Анри уловило... фальшь? Да, словно принцесса уже знала или...

Додумать он решил потом, прячась под удобно нависший камень. Потом перепрячется. Ему принцессу не спасать, а вот уцелеть желательно бы.

– Азалия, ты можешь спуститься?

– Как?! Снимите меня отсюда!

– Обязательно! Сейчас мои люди спустят тебя вниз, и мы поедем домой. Эта ящерица тебя не обижала?

– Нет. Ой!!! Дракон!!!

Принцесса, завизжав, метнулась в пещеру. Люди, схватив оружие, принялись озираться – и дракон не заставил себя долго ждать.

Громадный, золотой, сияющий в лучах солнца.

Он просто спикировал сверху, залил ущелье огнем – и опять поднялся вверх.

Раз, другой, третий...

Принц погиб одним из первых. Доспехи – это хорошо, но металл нагревается быстро. Барону тоже не повезло, а вот граф успел укрыться у скалы и теперь отдавал приказания.

Получалось плохо.

Дракон... одолеть эту тварь можно было или катапультой, или магами... Ох!

Словно прочитав мысли Анри, граф кивнул одному из своих людей – и тот принялся целиться в дракона. И стрела...

Она была длинной, металлической, зеленоватого оттенка, и Анри был уверен – там была магическая составляющая. Но сделать ничего не успел.

В следующий заход дракон схватил кого-то из людей в лапы, кажется, того самого купеческого сына, и поднялся повыше. Казалось, он собирался сбросить беднягу на остальных «спасателей», но не успел.

Стрела таки нашла свою цель.

Невезучего купеческого сына.

И тот начал...

Он в один миг стал сухим, словно выгоревшее полено. Почернел и даже без малейшего хрипа рассыпался пеплом.

И дракону это не понравилось.

Рев – и еще волна пламени. И еще одна.

Летят стрелы, что-то попадает в дракона, но этого недостаточно, чтобы остановить его. Совсем недостаточно.

Падают люди, дракон приземляется и бьет хвостом, прицельно, потом уже куда придется, впав в ярость. И Анри не может понять, как он сам еще жив и цел?

Почему?

На самом деле ему просто повезло удачно втиснуться между двумя камнями и упасть на землю. Сопротивления он не оказывал, лежал словно дохлый, — вот дракон и не обратил внимания. А потом все как-то кончилось.

Живых не осталось, и рептилия прошлась по ущелью, добивая оставшихся.

Анри задрожал, понимая, что пришел и его черед, а он и сделать ничего не сможет, но...

Дракон остановился перед его убежищем. Всмотрелся, прищурившись, — и протянул лапу.

— Вылезссс...

— А?!

— Вылезссс...

Спорить было сложно, пришлось вылезти.

— Убьешь?

— Нет.

Дракон усмехнулся, показав несколько рядов острых зубов, — и вдруг резко уменьшился.

Через минуту рядом с Анри стояла та самая девочка-знахарка.

Или...

Ну да, светлые волосы заплетены в косу, одежда кое-какая, да и принцессу он видел считаные секунды, но...

— Ты... это??!

Ответить девушка не успела. Неудачно недобитый воин швырнулся в нее нож. И если бы Анри не оттолкнул ее... а так — словил нож сам. В плечо.

И осел на землю, теряя сознание от боли.

В памяти еще остался гневный рык опять появившегося ящера.

Очнулся менестрель очень быстро — солнце и сдвинуться не успело, огляделся и понял, что лежит на площадке у драконьей пещеры. Ножа в плече нет, на рану ловко и умело наложена повязка. Побаливает, конечно, но терпеть можно.

А рядом с ним сидит девушка и смотрит голубыми глазами.

— Пришел в себя?

— Д-д-да...

– Спасибо.

– Не за что. А ты...

– Ее высочество принцесса Азалия, – усмехнулась девушка.

Выглядела она так, что Анри только головой покачал. Юбка и корсаж изодраны мало что не в лохмотья, толстенная коса растрепана, лицо чуть испачкано сажей, ноги босые, но... принцесса!

И в то же время...

– А знахарка?

– Я должна была правду сказать?

Насмешливое лицо, надменная улыбка – и есть в ней что-то такое, что хочется поклониться и извиниться. Тогда, ночью, ей потому и притворяться удавалось, что темнота многое скрывает. Осанку, походку, выражение лица...

– Простите, ваше высочество.

– Предлагаю сначала пообедать, а потом уже убираться отсюда, – деловито высказалась принцесса, в очередной раз круша все представления бедного менестреля о принцессах.

– По... обедать?

– Ну да. У меня каждый раз после превращения такой голод – рыцаря бы сожрала в полном доспехе.

Принцесса заметила опасликий взгляд Анри и расхохоталась.

– Ты что, думаешь, я тебя съесть могу? Знаешь, я не людоед, и вообще, умные – невкусные.

– Это вы по рассказам других драконов знаете, ваше высочество?

– Да нет тут других драконов, кроме меня. – Азалия отбросила косу за плечо и кивнула в сторону пещеры. – Пошли. Теперь моя очередь тебя угощать.

В пещере, кстати, оказалось очень уютно. Мебели много не было, но зеркало, несколько тюфяков, набитых явно не сеном, пара пушников и даже десяток книжек присутствовали. В углу были небрежно свалены несколько платьев. Наряд крестьянки, наряд знатной дамы...

На расстеленной на большом камне скатерти быстро появлялись тарелки, кубки и даже вилки с ножами. Все тяжелое, золотое... оно и понятно, не стекло ж дракону в когтях тащить?

Анри ел с огромным удовольствием. И плохо прожаренная баранина казалась ему сейчас вкуснее любого королевского обеда. Не отставала и принцесса. Косточки звонко лопались на молодых зубах, сначала Анри пытался кое-как соблюдать этикет, а потом махнул рукой и по-простому вгрызся в мясо. Принцесса последовала его примеру, не обращая внимания

на текущий по пальцам жир.

Не по этикету?

Но так вкусно!

Утолив голод и даже умывшись, Анри смог наконец задавать вопросы.

– Ваше высочество, а что дальше?

– А ничего. Побудем здесь еще денек, а потом перекинусь в дракона да улечу. Полетишь со мной?

– Куда?

– У подножия гор меня будет ждать отряд жениха.

– Жениха?

– Ну да. Есть такой Кривой Гриф. Слышал?

Анри напряг память. Гриф, гриф... а, ну да! Начальник дворцовой стражи.

– Слышал. Он вроде как из не особо знатных, зато короне верен?

– Ага. Есть такое. А еще он умный, отлично в военных делах разбирается и королевство удержать сможет, если я ему помогу. Но вот беда – не настолько знатен и вовсе не богат.

– Ага. И признать его – не признают.

– Хотя он меня действительно спас. Знаешь, как Рене глаз потерял?

– Рене?

– Вообще, он барон Рене Астинари. Так вот, я тогда соплюшкой была, лет пяти...

Дети вообще нечасто отличаются умом. Даже королевские.

Нет, для родителей-то их чадушко самое-самое, и сообразительное, и очаровательное, и вообще. Но это не отменяет простого факта. Ребенка легче обмануть. Намного легче.

Вот и Азалия повелась на приглашение одного пажа посмотреть на новорожденных котят. На конюшне.

Во дворце ведь полно самого разного народа. Сыновья дворян, взятые в услужение, сами дворяне...

Конечно, у принцессы были няньки. Числом десять. Видимо, потому и не уследили.

Азалия удрала из-под присмотра и прибежала к пажу. Между прочим, сыну герцога Тивилла. Паж не обманул в одном – он действительно провел принцессу на конюшню. Где девчонку схватили, скрутили и собрались засунуть в мешок и унести словно поросенка.

Зачем?

А выдать замуж. Между прочим, есть такое понятие, как отсроченный

брак. Выдали б девочку замуж за того самого пажа, воспитали в нужном ключе, а потом и трон получили.

Король бы скоропостижно умер, королева тоже... дело житейское.

Заговор-с.

Не удался план по простой причине. На конюшне в этот миг спал после успешного обольщения служанки тот самый Рене Астинари. С деньгами у провинциала было худо, с ночлегом тоже, а потому – где б ни выспаться? Почему бы и не на конюшне? Зато потом до гвардии недалеко идти...

Шум разбудил Рене, посмотрел он на происходящее, да и вмешался. Злоумышленников было малым не десять человек, он один... глаза он тогда и лишился. И на ногах не стоял, когда последнего уложил, маги потом месяц его вытягивали.

А вот любовь и уважение девочки, равно как и ее родителей, приобрел. И когда Азалия стала взрослой, она так и заявила родителям, что хотела бы выйти замуж по своему выбору. Но...

Принцесса ведь. А им замуж можно выйти только по выбору, наиболее выгодному политически. За самого породистого жениха, а никак не за Кривого Грифа, пусть даже он искренне влюблен в принцессу и предан короне. Тут деньги, титул, влияние...

Дело казалось безнадежным, когда Азалию пытались похитить еще раз. Уже в семнадцать лет.

– Говорят, – рассказывала Азалия, поигрывая тяжелой золотой вилкой, – что в нашем роду был дракон. Откуда он там взялся? Ну, это государственная тайна. Ее я тебе не расскажу, но что был – точно. Превращаться может не каждое поколение, и от чего это зависит – мы не знаем. Кстати, если бы такое было у Абеля, мне пришлось бы выйти за него замуж. Но мне повезло, Абель был на редкость бесталанным, как и его друзья. А теперь представь себе: охота, скачка...

Принцесса не любила охоту, но с радостью пользовалась возможностью избавиться от свиты и побывать одной. Там-то ее и подстерегли.

Герцог Рексгольм-младший и трое его друзей, решивших кардинально разобраться с вопросом престолонаследия. А что, Рексгольм уговаривает, остальные держат, чтобы принцесса не вырвалась, а потом у девушки все равно не останется выбора. Куда ей, обесчещенной?

Отец погневается, да простит. И быть герцогенку королем.

Азалия так просто сдаваться не собиралась. Пыталась отбиться, даже тяжело ранила одного из молодых подлецов, но в итоге ее все равно

скрутили.

И – проснулась кровь.

– Говорят, что у нашей прабабки она также проснулась в момент опасности. Когда убивали ее любимого.

– Была она белая и пушистая, а стала черная и чешуйчатая? – Анри уже позабыл и про титулы, и про звания, интересно было так, что аж за ушами свербело!

– Белая и чешуйчатая, а так все верно.

– И в королевском роду...

– А вот это – секрет короны. Могу рассказать, но из темницы тебе тогда не выйти. Хочешь?

– А так меня отпустят?

– А почему нет? Если пообещаешь рассказывать эту историю так, как нужно мне.

Анри подумал – и пообещал. А что, дело-то житейское, да и история интересная!

Принцесса только улыбнулась, понимая, что менестрель уже согласен. А и расскажет он правду – кто ему поверит?

Принцессы не бывают драконами, это ж все знают!

– А потом мы с Рене сели и крепко подумали. Я его люблю, это верно. И он неглупый, серьезный, меня любит. Почему бы нет? К тому же... вот ты бы согласился жениться на драконице?

Анри подумал. И покачал головой.

– Высока, конечно, честь...

– Да опасно. Могут съесть, – ухмыльнулась принцесса, – а Рене меня тоже полюбил. Потому и не женился столько лет. Баб собирал, есть такое дело, но никого серьезного у него не было. Я бы знала. Призналась ему, показала все – и пошли мы, поговорили с королем...

– И много при этом мебели из окон вылетело?

Король в гневе, говорят, швырялся. Стульями, чернильницами, пресс-папье, вазами – что под руку попадется.

– Достаточно. Но потом проверил Рене со всех сторон и остался доволен. План похищения мы разрабатывали уже семейно. Он, я, мама, папа...

– А зачем?

– А как? Вот смотри, мы просто убивали нескольких зайцев одним ударом. Во-первых, эти горы – рассадник разбойников. С тех пор как я тут объявились, их стало намного меньше. Во-вторых, местные графья и бароны. Мы же прекрасно знали, что они поддерживают всю эту мразь, но

ни уличить, ни извести не могли. Дворянство бы взбунтовалось! А сейчас здесь стало почище, гвардия прибудет – остаточки прогонит, и караванные тропы откроются. Заодно и меня спасут. А что кое-кто из дворян померши? Ну, пусть идут, ищут дракона и предъявляют претензии. С удовольствием послушаю.

На миг голубые глаза обзавелись вертикальными зрачками. Совсем как у змеи, так что Анри даже сглотнул.

– Думаю, дураков будет мало.

– Ну и последнее. Владения Картана, где Ланьи и еще нескольких сейчас перейдут в руки Рене. Я специально старалась не оставлять никого в живых. А уж он сумеет навести здесь порядок. Корона должна быть сильной.

Анри посмотрел на очаровательную принцессу, которая в рассеянности отгибала зубцы у вилки. Хотел спросить – не жалко ли ей людей, а потом решил, что не стоит. И так понятно, что не жалко.

Или...

А тех, кого эти твари поубивали да замучили? Их – не жалко?

И про жен-детей не надо петь. А то они не знали, откуда папа благополучие для семьи черпает?

Спросил про другое. Само вырвалось.

– А не боитесь, ваше высочество, что ваш супруг вас потом и правда... как дракона?

– Не боюсь. Мы на крови друг другу поклялись. Я умру – и он погибнет. Кстати, драконы живут и побольше людей, и получше, так что меня беречь ему прямая выгода.

Анри только головой покачал.

– Все продумали, ваше высочество.

– Так не я ж одна думала. Семья – это сила.

– А что будет дальше?

– Поел? Отдохнем, да часика через два полечу через горы. Аккурат к месту встречи с Рене. Там ты пойдешь, а мы поедем. Торжественное возвращение в столицу, рыдающая принцесса, умиленный народ, восхищенное рыцарство...

– И упоенно воспевающий подвиги нового владетеля гор менестрель?

– А хотя бы.

И Анри был уверен, что так и получится. Сказала – и сделает. В сказках все происходит по взмаху волшебной палочки, в жизни – по взмаху драконьего крыла, но этого более чем достаточно.

Ну и принцессы пошли!

* * *

*И от принцессы слышит он:
«Придурок, я и есть дракон!»*

Допев шуточную балладу, менестрель по имени Анри раскланялся. По доскам помоста застучали монеты. Люди смеялись, переговаривались...

– Мам, разве принцессы бывают драконами?
– Конечно, нет. Это же сказка.
– Тогда понятно...

«Конечно, принцессы не бывают драконами, – усмехнулся про себя Анри. – И никто не будет в этом сомневаться, ведь не станут же на ярмарках петь чистую правду?»

Слухи, сплетни...

Работа менестреля – и видит Бог, хорошо оплаченная работа.

– А теперь о спасении нашей принцессы храбрым рыцарем!

Люди замолкли. Баллада про владыку гор была одной из самых популярных у народа. Дворянство, конечно, шипело, да не сильно. Дворянин же, не хвост собачий.

Гвардия за него, армия за него – это важно. Самых наглых дракон кого сожрал, кого пожег, остальные притихли. А Рене дракона извел, принцессу освободил, за погибших отомстил – и как тут не признать героя? Неблагодарность – это плохо.

Очень плохо. Король не одобрят.

А уж как простонародье было счастливо!

Поняв, что каждый, даже сын захолустного барона, может жениться на принцессе, только ты соверши для этого подвиг! Это же так романтично!

А рассказывать о всяких политических интригах, караванных тропах, разбойниках и прочих гадостях... да кому это надо?

Не было такого. Есть только романтическая история совершенно в духе древних времен. В конце-то концов, не надо заглядывать прекрасной принцессе в душу. А то там и не только дракон может обнаружиться.

Пальцы Анри легко коснулись струн. В вышине, где-то под солнцем, сверкнуло золотое пятнышко драконьего тела. Жизнь была прекрасна.

Ева Никольская

Король отражений и я

Навеяно фильмом «Лабиринт»

«Магия – это круто!» – сказала она. Угу, круто! Круче, чем обрыв, с которого, весело подпрыгивая на кочках, катится моя спокойная жизнь.

«Магия – это вещь!» – с восторгом безумной гадалки вещала моя однокурсница, зажигая свечи по углам пентаграммы, в центре которой лежала книга. На вид не старая, с какой-то пучеглазой теткой на обложке – обычный ширпотреб, полный якобы настоящих заговоров, заклинаний и прочей ерунды.

Так я и думала, когда соглашалась на предложение вызвать короля отражений, который (опять же – якобы) исполняет желание призвавшего. И все бы ничего, да проблема в том, что слово «якобы» в обоих случаях оказалось лишним. И вот теперь сижу я в какой-то гигантской банке, по стенам ползают зеленые гусеницы, бросают на меня задумчивые взгляды, покуривают кальян и время от времени предлагают присоединиться.

А-а-а... дайте, дайте мне сюда эту заразу, что восторгалась магией! Это ее, а не меня проклятому повелителю отражений следовало затащить в свое королевство! Но, во-первых, я ближе к зеркалу стояла, а во-вторых, он принял меня за смазливого юношу. Мальчиков этой «Мальвине» подавай! Не зря у него волосы голубые, ох не зря... а вот то, что я ему об этом сказала, сообщив и все пришедшие в голову ассоциации на тему сексуальных меньшинств, – это было зря-я-я.

Одна из гусениц, громко пыхтя, спустилась ниже и, глядя на меня из позы «вверх ногами», сочувственно изрекла:

– Затянишь, детка, и все проблемы исчезнут сами собой.

Хорошее предложение, не спорю. Пара затяжек их пахучей дряни – и никаких проблем... кроме рака легких. Хотя какая разница, если я заперта в банке. Помирать – так с музыкой... вернее, с иномирным кальяном. Глядишь, и соседки красавицами покажутся.

Впрочем, я не жалуюсь, ведь Его Сволочное Величество мог, к примеру, подсунуть мне для компании пауков-токсикоманов или упоротых тараканов. Вот тогда-то я и пяти минут не протянула бы, скончавшись от сердечного приступа. Ненавижу насекомых! Всех! Так что гусеницы – это меньшее из зол. А если еще и душу им излить удастся, то можно будет считать, что последний вечер моей недолгой жизни удался.

Я кашляла и курила, курила и кашляла, снова курила и, вытирая выступившие на глазах слезы, опять кашляла. Рядом обосновалась уже не одна, а целых три гусеницы-переростка, которые попеременно хлопали меня по спине и отечески подбадривали скрипучими голосами. В принципе можно было бросать это неблагодарное занятие, ибо надышаться сладковатым на вкус дымом я могла и без него.

В результате мне стало хорошо, легко, весело и... по барабану, что до конца объявленной королем отражений игры осталось всего несколько

часов. А может, уже и минут. Или совсем ничего не осталось? Да какая, к черту, разница, когда так здорово петь песни про морскую качку, морячку и что-то там еще, сидя в обнимку с зелеными товарищами по несчастью, запертymi вместе со мной в семиметровой банке. Мне было хорошо ровно до того момента, как кто-то не особо обходительный выдернул меня за шиворот из теплой компании друзей-насекомых прямо сквозь стенку.

Повелитель отражений... Лед, вода, стекло, металл, зеркала – все это было его территорией. Он скользил по ним, словно тень, наблюдал за мной сквозь сверкающие поверхности. Сейчас же синеволосый деспот решил устроить мне аудиенцию в его покоях. Свежий воздух наполнил легкие, и в голове малость прояснилось. Совсем чуть-чуть, но и этого хватило, чтобы все веселье испарилось.

– Ты! – указующий перст, обтянутый бархатной тканью перчатки, ткнул мне в грудь. Ощутимо так ткнул... аккурат в вырез между холмиков, прикрытых черной футболкой. Сантиметр вправо, сантиметр влево – дала бы ему по морде на чистых рефлексах. – Твоей задачей было расправиться с зельдариями, а не обниматься с ними и дымить как паровоз, распевая неприличные песенки!

– Почему это неприличные? – возмутилась я и покачнулась. Свет, струившийся с потолка, резал глаза.

– Женщины ненавидят насекомых, – продолжал вещать король.

– Ага, – согласно кивнула я.

– Ты водишь дружбу с теми, кого ненавидишь?

– Ну не убивать же мне всех подряд? Мало того что нечем, так еще и эти зель-как-то-там очень хорошие ребята оказались... после кальяна, – пожала я плечами и снова пошатнулась. Затем переступила с ноги на ногу, принимая позу поустойчивее, и попыталась рассмотреть собеседника сквозь полуопущенные ресницы, защищавшие глаза от яркого света.

– Обкурилась, значит, – подвел итог нашей короткой дискуссии король отражений.

Я приоткрыла пошире один глаз и окинула хмурым взором его высокую фигуру... гибкую, изящную и до противного быструю. Как вампир из фильма, или демон, или еще какая-нибудь сверхъестественная тварь. Впрочем, он и есть тварь... сверхъестественная.

– Хоть какое-то удовольствие от твоей игры, – пожала плечами и кривовато улыбнулась. – А то сплошные салочки со смертью.

– Смерть явно отстает, – мрачно усмехнулся мужчина.

– Еще бы! Ведь ее обычно обгоняешь ты, Твое «Добрейшее» Величество.

– Неужели предпочла бы ее общество моему? – не без ехидства поинтересовался он.

– Ну-у-у... суицидных наклонностей у меня раньше не наблюдалось, так что из двух зол выбираю... вас, ваше величество! – в том же тоне ответила я. – Если бы вы еще и люстру немного приглушили – цены бы вам не было, – проворчала себе под нос.

– Совсем страх потеряла! Точно обкурилась, – вздохнул хозяин игры, но тем не менее освещение убавил. – Сколько ты еще собираешься превращать задания в фарс? – в его голосе больше не было раздражения, только ленивая ирония и мягкий укор. – Каменный дракон до сих пор приходит в себя от твоих вариантов ответов на его загадку. Вроде все правильные, но определенно не те. Постарайся играть нормально, а?

В голосе его звучали надежда и грусть, в глазах – почти мольба. Почти... золотые смешишки все дело портили.

Однако не на ту напал! Плавали – знаем! Кто ж про злого и доброго полицейского не слышал? Синеволосый гад этот психологический прием эксплуатирует не впервые. То орет на меня, то по головке гладит – и что в результате? Один черт, я оказываюсь на следующем уровне объявленной им игры. Вот и сейчас наверняка прочтет нотацию, похлопает дружески по плечу и швырнет в пасть очередного мифического чудовища необъятных размеров. Или на новую порцию железных копий отправит. Или в еще одну банку с какими-нибудь генетически модифицированными особями, или...

– Проснись, Вероника! – потребовал собеседник, щелкнув пальцами возле моего лица.

Кожи тут же коснулся легкий ветерок, оказавший отрезвляющее воздействие на сознание и оздоровительное – на организм. Магия отражений, как пить дать! На сей раз целительская.

– Во-первых, я Вероника. Мог бы уже и запомнить, Твое Забывчивое Величество. А во-вторых... даже не думала засыпать! Просто замечталась, – в слова помимо воли закрались тосклиевые нотки. О-о-о, только бы не заметил! А то решит опять меня пожалеть, как после задания с копьями, где смертью храбрых погибли моя спортивная кофта, часть левой штанины и одна ни в чем не повинная тапка. Хорошо хоть я выжила! Чудом, не иначе.

У чуда были синие всклокоченные волосы с выгоревшими концами. Брови и ресницы цвета индиго и... злющие-презлющие желтые глаза. Он использовал скопление металлических стержней в качестве портала и умудрился поймать меня, уставшую висеть на колючей лиане, в тот самый момент, когда я с жалобным писком выпустила из ослабевших пальцев

спасительную ветвь.

– Ты должна была забраться-с-ся на дерево, – прошипел тогда король. – Разве это сложно?

– Очень, – всхлипнув, призналась я и уткнулась носом в его плечо.

Прохладный шелк рубашки заменил мне носовой платок, а медленно левитирующий вверх мужчина – лифт. И все было хорошо, пока он не начал меня утешать, укачивая в объятиях и шепча на ушко что-то вроде: «За что мне такое наказание досталось?», «Почему тринадцатыйзывающий не парень?» и «Как можно быть настолько неприспособленной к жизни курицей?»

Я обиженно насупилась. Спаситель (он же мучитель), оценив перемену моего настроения, ехидно заметил:

– Если время страданий закончилось, то тебе, Вероника, пора переходить на следующий уровень.

Я скривилась, он рассмеялся.

– А может, ты лучше заманишь к себе какого-нибудь юношу, как и хотел, а меня отправишь домой? – без особой надежды предложила я. – Ну зачем тебе курица, которая к тому же и не пету... э-э-э... не парень?

– Ты – тринадцатыйзывающий, чье желание мечтает получить сам король отражений, – загадочно произнес желтоглазый интриган.

– И как это понимать? Я должна проиграть или выиграть? – признаясь, он меня озадачил.

– Пока не решил.

Мужчина помог мне перебраться на дерево. Затем, подмигнув, легко оттолкнулся от ветки, красиво перекувырнулся в воздухе и стремительно полетел вниз... на копья... ну не идиот ли?!

Я еще долго сидела, прижавшись к стволу, и пыталась унять сердцебиение после его глупой выходки. Перепугалась до жути, когда этот псих почти коснулся своей дурной башкой острых пик. Впору было тоже завести шарманку на тему: «За что мне такой позер – ведущий игры достался?», «На кой я сегодня подстриглась под мальчика и натянула спортивный костюм?» и «Вернуться бы домой и сделать отбивную из одной любительницы магии!»

Какое желание загадаю, если все-таки удастся пройти пять уровней испытаний, я знала точно. Дело оставалось за малым – не сдохнуть по пути к цели.

На тот момент я самостоятельно справилась только с первым заданием. И это тоже было чудом, потому что его величество, лучезарно улыбнувшись после оглашения правил, легким взмахом руки отправил

меня прямо в раскрытую пасть каменного дракона, который в этот самый миг изволил чихнуть. К счастью, без огонька. А то мое получившее ускорение тело не только воспарило бы над лазурной гладью озера, но еще и воспыпало бы, словно факел на ветру. И собирая тогда король отражений своего тринадцатого вызывающего из размокшего в воде пепла.

– И о чем на этот раз мечтаешь, красавица? – тихий голос, раздавшийся за моей спиной, вернул из воспоминаний. Проникновенный такой баритон (аж мурашки по коже) с тонким привкусом насмешки. Не обидной, не злой... скорее, дразнящей.

Я передернула плечами, напрочь перезабыв все то, о чем секунду назад думала. Перед этим мужчиной стоять было так же сложно, как перед грозным экзаменатором, от одного взора которого в памяти возникали черные дыры, и именно в них пропадал выученный за последние дни материал. В противовес преподавателю его величество смотрел ласково, если не сказать – с обожанием. Так смотрит мой кот на миску с сухим кормом после трехдневной гулянки.

– Мечтаю? О возвращении домой, – сказала я и прямо посмотрела в смеющиеся желтые глаза. – Да и какая из меня красавица? – решила перевести тему. – Изdevаться изволишь, а, Величество? Красавиц за парней не принимают.

Мужчина хитро улыбнулся и, осторожно взяв за плечи, медленно повернул меня к стоящему за спиной зеркалу. Я приоткрыла рот, отметив про себя, что округлившиеся глаза и вытянувшаяся физиономия меня не сильно красят, а вот пурпурные пряди в заметно удлинившихся каштановых волосах да темно-бордовый цвет ресниц и бровей... хм. Может, они и не делают из меня королеву красоты, но определенный шарм бесспорно добавляют. Не попади я в этот переплет, никогда бы не отважилась сотворить с собой такое. Слишком экстравагантно, слишком дико и... слишком «не мое». Однако в тусклом свете комнаты на фоне стоящего за спиной высокого мужчины, чей экзотический вид завораживал и отталкивал одновременно, мой новый имидж казался естественным.

– Это что? – внезапно осипла я.

– Три пройденных уровня из пяти, – задумчиво проговорил собеседник. – Королевство отражений принимает тебя, накладывая свой отпечаток на внешность, – пояснил он, довольно щурясь.

– А если я доживу до финала, то какого цвета стану? Серо-буровалинового в крапинку?

– Нет. – Король немного помолчал, что-то прикидывая в уме, а потом с воодушевлением произнес: – В клеточку!

– Что-о-о?! – Я уставилась на него. – Что это будет? Порезы, ожоги или тату?

Мужчина скривился:

– За кого ты меня принимаешь, Вероника?

«За маньяка-иллюзиониста с извращенным чувством юмора, поистине королевским пафосом и ненормальным обаянием, наличие которого мешает мне тебя искренне презирать и ненавидеть, как и положено мышке относиться к коту, заигравшемуся с едой», – хотела сказать я, но вместо этого спросила:

– А каким еще образом можно стать… в клеточку?

– Всего лишь надев платье, – рассмеялся он.

– Зачем? – уточнила я, машинально одергивая оборванную штанину. В юбке проходить полосу мифических препятствий станет совсем «весело».

– Как зачем? Ты же не собираешься идти на бал в таком виде?! – воскликнул Его Непредсказуемое Величество, в очередной раз меня огородив, и начал с повышенной скрупулезностью разглядывать каждую деталь моего потрепанного костюма.

Я смущилась, но тут же взяла себя в руки, заметив довольный блеск его кошачьих глаз. Не дождется!

– Что за бал? – поинтересовалась я, с деловым видом поправляя разноцветную челку, большая часть которой падала на глаза. – И что за платье?

Актуальный вопрос, ибо фасонов множество, и какой из них предложит это серебристо-синее чудо (от слова чудовище) – история умалчивает.

– Бал? – его тонкие губы сложились в многообещающую улыбку. Я насторожилась. – Это твое четвертое задание, Вероника! – торжественно провозгласил мой личный кошмар, внимательно наблюдая за реакцией на свои слова.

Стало дурно. Пунцовый цвет лица сменился бледным… а может, и зеленым, судя по зарождающейся тошноте. Еще ни одного спокойного испытания у меня не было. Вся эта игра – ожившая фантазия больного на голову создателя. И ставка здесь – жизнь. Моя жизнь! Так что хорошего от бала ждать не приходилось.

– И кого мне надо будет там убить? – обреченно вздохнула я и в отместку за пристальное изучение моей персоны принялась демонстративно разглядывать собеседника.

– Никого. Этот уровень игры предельно прост – ты пробудешь там ровно час, и все.

– И все? – недоверчиво переспросила я, продолжая на него смотреть.
Король кивнул.

Моську пришлось состроить скучающе-недовольную, чтобы не решил ненароком, будто им любуюсь. А ведь и вправду любуюсь... м-да. Это что у меня – зачатки стокгольмского синдрома проклонулись? Жуть! Хотя чего я переживаю? На такое создание не грех и поглазеть. Высокий мужчина лет двадцати пяти на вид, худощавый, но не тощий, пластичный, но не женственный, не красавец, но обаятельный. А главное – самоуверенный и самодостаточный настолько, что к облику просто нечего добавить.

У него были свой особый стиль, свое очарование, а еще запах: легкий шлейф с горькой ноткой зеленого чая, свежестью цитрусовых и каким-то безумным... безумно притягательным коктейлем из цветочно-травяных нюансов.

А чего стоила одежда! Шелковые рубашки с широкими рукавами и воланами жабо, узкие штаны из тонкой кожи серебристо-серых тонов, остроносые сапоги, перчатки... то черные, то серые, наверняка и белые в арсенале имелись для парадного выхода! На пальце сверкал большой перстень с ярко-голубым камнем, на ремне – множество мелких цепочек, на груди... О-о-о, а вот о груди не надо! Взгляд так и соскальзывал с висящих на шее медальонов на его гладкую кожу. Бледную, даже с синевой из-за цвета рубашки и падающих на плечи волос, но от этого не менее интерес-с-сную... для патолога-анатома, препарирующего утопленника!

Медленно подняв взгляд от грудной клетки мужчины до его лица, я натолкнулась на вопросительно приподнятую бровь и смеющиеся желтые глаза. Опаньки! Это что же получается? Мы уже несколько минут молча рассматриваем друг друга?

– Значит, просто продержаться час на балу? И в чем подвох? – перешла к насущным вопросам я. – В моем незнании этикета? Или в выбранной тобой модели платья?

– Кстати о нем! – вновь заулыбался король и опять подтолкнул меня к зеркалу, от которого я отвернулась, пока играла с ним в «гляделки».

Он очертил руками контур моей фигуры, не касаясь ее, затем резко развел ладони в стороны и презрительно стряхнул с них невидимую грязь. В тот же миг моя одежда (под аккомпанемент моего же возмущенного вопля) осыпалась на пол мелкими лоскутами. Я рефлекторно прикрыла грудь и тут же заметила, как на полуобнаженном теле начали проступать бордово-белые клетки нового наряда. Великолепного качества атлас, украшенный кровавой россыпью рубинов... красиво! Только как-то маловато на мне материи для бального платья оказалось. Или нет?

– Нравится? – полюбопытствовал «благодетель».

– Отпад! – спустя пару минут выдавила я и, собравшись с силами, попросила: – Может, поскромнее что есть? Или это бал «ночных бабочек»?

– Не знаю насчет бабочек, но бал будет ночью, ты угадала, – склонившись к моему уху, шепнул король и, нежно коснувшись кончиками пальцев обнаженного плеча, мягко, но настойчиво толкнул меня в зеркало.

Из горла вырвался испуганный крик, я зажмурилась, но так и не получила стеклом по лбу, просто сделала один вынужденный шаг в... А, собственно, куда?

Открыв глаза, я обреченно застонала. Бррр, жуть-то какая! Ночью бал, да? В мини-платье с вырезом до пупка?

– Ну и скотина ты, Твое Величество! – выпалила в сердцах и тут же вся сжалась от переливов эха, подхватившего мою оскорбительную реплику.

– Грубиянка, – насмешливым фырканьем короля ответила мне ночь и подмигнула серебряным оком полной луны.

– Всего один час-с-с... – зашептал стелящийся по земле туман. – Не смей выходить за ограду – пропадеш-ш-шь.

– Не с-с-смей покидать бал – погибнеш-ш-шь, – в тон ему шелестела темная листва мрачных деревьев.

– Веселись, дитя! Это бал Смер-р-рти, – каркнул черный ворон с ближайшей ветки и громко заклокотал... или захохотал?

– Ты гостья, гостья, гостья... – неслось отовсюду, а я вертела головой, обнимая плечи руками, и не знала, куда спрятаться. Ну не в тот же мрачного вида склеп лезть, правда?

Эх, лучше бы я снова отправилась к каменному дракону – он хоть собеседник интересный. Или под бок к зельда... тьфу, к гусеницам, короче. Нет? Нельзя? Жаль! С детства боялась кладбищ. Особенно таких старых и зловещих, как это.

Ощущая босыми ступнями шероховатую поверхность мощеной дорожки, я продолжала стоять на месте, судорожно соображая, как лучше поступить? На туфли синеволосый «фей» почему-то не расщедрился (даже на хрустальные), да и последняя тапка куда-то пропала... хотя зачем мне, если подумать, тапка? От кладбищенских «кавалеров» отбиваться, что ли? Вот бы я была готовой – пищала бы от восторга, очутившись на балу в таком экзотическом месте. Но я не готова, а пищать все равно хочется... даже не пищать, а поскучивать, как щенок, которого привязали к дереву в лесу, полном волков.

Страш-ш-шно... так страшно, что челюсть сводит, а по спине

расползается озноб. Гадкий Синий Дьявол, который здесь за повелителя, неужели сложно было просто предупредить?! Или тогда стало бы неинтересно наблюдать за моей реакцией? Мерзкий тип! Я что-то говорила про его обаяние? Бред, бред... бред ослепленного выкуренной травкой рассудка.

Пока я поминала недобрыйм словом хозяина игры, стоя соляным столбом в окружении массивных крестов и могильных плит, туман, стелющийся по земле, немного рассеялся. В шум ветра начали вплетаться тихие звуки чарующей мелодии. И все вокруг словно ожило (отличное определение для захоронения мертвцев, не правда ли?): силуэты деревьев озарились серебряным светом, потрескавшиеся от времени тропинки чуть нагрелись и стали слегка фосфоресцировать в темноте. Кресты и памятники приобрели голубоватые очертания, в ту же гамму окрасилась и белесая хмарь.

Площадка для праздника преображалась на глазах, да и первые приглашенные начали подтягиваться. Стайка летучих мышей, парочка красноглазых птиц и изящная кошачья фигура, мелькнувшая на крыше соседнего склепа. Всматриваясь в очертания животных, я краем глаза уловила странное движение слева. Резко повернула голову и судорожно сглотнула, уставившись на пробивающуюся сквозь траву руку. К ней присоединилась и вторая, затем над могилой появилось темечко окружной черепушки, а я все никак не могла выйти из состояния оцепенения, которое навалилось тяжелым грузом, мешая не то что шевелиться, но и дышать нормально.

Увесистый хлопок по месту, что ниже талии, и я снова обрела способность двигаться. А еще скакать и взвизгивать так, что у самой уши заложило. Резкий поворот на сто восемьдесят градусов... шальной удар сердца... короткий писк сродни мышиному (когда ей хвост в мышеловке прищемили) и... забег по пересеченной местности на время и скорость.

Что мне там говорили? Нельзя покидать территорию кладбища? А лапать меня «конструктору из костей» во фраке и бабочке можно?! Да от одного его оскала из десятка гнилых зубов и игривого огонька в темных глазницах меня помимо воли с места ветром сдуло и понесло в направлении «куда глаза глядят», лишь бы подальше от подкравшегося скелета. Только бы добраться до ограды, отыскать ворота и... будь что будет!

Я бежала по кладбищу, перепрыгивая через могилы, огибалась прихорашивающихся покойников разной степени разложения, уворачивалась от пикирующих сверху воронов, отмахивалась от

попадавшихся на пути летучих мышей... Бежала, не разбиная дороги, и бормотала под нос бесконечные «извините». А потом одновременно ощутила мягкость шерсти на своей голени и... уходящую из-под ног землю. Споткнулась об кота, что ли? Вот растяпа!

Полет оказался быстрым и непродолжительным. Через какие-то пару секунд я приземлилась на мягкий травяной ковер и уткнулась носом в мелкие бутоны цветов. Подняла голову, тряхнула взлохмаченными волосами и... уперлась взглядом в кованую решетку рядом с каменным столбом, на котором причудливо отсвечивал металлический декор. Топота погони за спиной слышно не было, хлопанье крыльев тоже. Лишь недовольное шипение с обиженным мяуканьем постепенно удалялись прочь, что я тоже расценила как добрый знак. Поднявшись, оправила пышную юбку и уверенно шагнула вперед, чтобы вцепиться руками в решетку, которая... моментально раскалилась докрасна, обжигая мне кожу. Боль пришла заметно позже удивления и почти одновременно с недовольным шипением, раздавшимся сверху:

— Я же с-с-сказал — нельзя! — прохладные руки короля, спрыгнувшего со столба, схватили мои обожженные ладони, волшебным образом снимая жар. — Глупая девчонка, не с-с-смей покидать бал раныш-ш-ше назначенного времени, или, клянусь, я сам тебя сожгу!

— Так это ты сделал? — покосившись на быстро остывающее железо, возмутилась я. — Но это нечестно!

— Нечестно? Нечес-с-стно?! — продолжал шипеть мой мучитель. — Значит, с-с-спасать тебя от зельдарий — честно, ловить над ямой с копьями — тоже, а не выпускать с территории четвертого уровня игры — нет? В таком случае можешь считать меня обманщиком. Переживу! — Он нагло ухмыльнулся и подмигнул. — Только я могу нарушать правила, Вероника. Только я. — Мужчина поднес мои руки к своим губам и осторожно поцеловал, после чего исчезли не только боль, но и отвратительные ожоги. — Взгляни туда, — снова заговорил он, отпустив излеченные ладони, — видишь часы?

— Где? — перестав изображать из себя обиженную, оживилась я.

— Там! — сказал собеседник и, схватив за подбородок, повернул мое лицо в нужном направлении. М-да, такое сложно было не заметить: на большой круглой луне теперь красовались золотые стрелки вместе с циферблатом.

— Вижу, — пробормотала я, отцепляя его пальцы от подбородка.

— Отлично! Значит, очки тебе дарить не понадобится, — усмехнулся Его Язвительное Величество. — Глухотой тоже не страдаешь, нет?

Я отрицательно мотнула головой, поджав губы, а он продолжил:

– Значит, только забывчивостью. Ладно, милая. Я прекрасно понимаю твое нежелание находиться среди незнакомых... м-м-м... людей. Поэтому специально для тебя сделаю так, что эти небесные часы через сорок пять минут пробьют полночь. С последним ударом, моя маленькая Золушка... беги! Со всех ног беги, не оборачиваясь, поняла?!

– С последним ударом, – эхом повторила я и, словно очнувшись, воскликнула: – Так вот в чем подвох?!

– Тс-с-с, – он приложил палец к моим губам, а другой рукой ласково потрепал по волосам. – Не привлекай к нам внимание. И так вместо того, чтобы эффектно появиться на танцевальной площадке и открыть бал Смерти, я, как простой гость, вынужден плестись с тобой под ручку от самых ворот. Не позорь меня, помолчи, – его губы скривились, а прищуренные глаза на мгновение прикрылись.

– Ну и шел бы... бал открывать, Твое Ответственное Величество, – пробурчала я.

– Хорошо, – пожал плечами король и... пошел! До того самого столба, на котором появился. А-а-а... сейчас же уйдет в портал, гад!

– Эй, подожди! – Я схватила его за рукав, останавливая.

– Что еще?

– А мне что делать?

– Развлекаться, танцевать, пить вино и не забывать поглядывать на часы.

– А... – Я продолжала сжимать шелковую ткань, не зная, как бы повежливей напроситься с ним, при этом не потеряв лица.

– Пошли уже, – устав ждать продолжения фразы, вздохнул мой синеволосый мучитель. – И прекрати сутуличься, голову подними. Ты кто такая? Жертва обстоятельств или игрок, перешедший на четвертый уровень?

– Жертва обстоятельств, – проворчала я, с неохотой выполняя его требования.

– Тогда изобрази хотя бы гордую и смелую жертву, – рассмеялся мужчина.

– Угу, – отозвалась я и впилась пальцами в его локоть. – Как скажешь, твое величество. Как скажешь...

Под руку мы прошли метров десять, не больше, прежде чем на дорогу камнем с неба упала довольно крупная летучая мышь и... обернулась красной девицей. Тьфу... что-то меня на русские сказки потянуло. Красны девицы, добры молодцы... это кто? Те два зомби, дерущиеся за обладание

старой шляпой, что ли?

Рядом с королем я и правда успокоилась, осмелела, стала иначе смотреть на происходящее. Раз до полуночи мне тут ничто не угрожает, почему бы не расслабиться? На полчасика, не больше. А то нервы ведь не железные, еще лопнут раньше времени, а у меня в планах очередной забег до заветных ворот. Зачем дергаться, кого бояться, когда рядом он? Лучше осмотреться и как следует запомнить дорогу к выходу.

Пока я старательно изучала окружающий ландшафт, вампирша толкала какую-то торжественную речь королю. Я украдкой поглядывала на девушку, мысленно отмечая, что из одежды на ней только набедренная повязка и прозрачная накидка. Чем больше смотрела, тем сильнее убеждалась, что девица вовсе не красная. Скорее уж белая с синевой. Черные волосы с ультрамариновыми прядями у висков обрамляли узкое лицо с хищными чертами и темными, как ночь, чуть раскосыми глазами. Ни капли не красивая, но выразительная и... как бы сказать? Такую раз встретишь – больше не забудешь.

Особенно я не забуду ее пропитанный ненавистью взгляд, направленный на меня. Чую, эта дамочка будет первой в очереди на расчленение моего бедного тела, когда лунные часы пробьют полночь.

Дослушав вампиршу, король отвесил ей грациозный поклон, принял из рук брюнетки непонятно откуда взявшийся напиток и чуть пригубил его. Затем обвел пальцем край кубка, взболтал содержимое и протянул мне.

– Пей, Вероника.

– Это что? Кровь?! – ужаснулась я, заглянув внутрь украшенного орнаментом сосуда.

– Томатный сок!.. Уже. Специально для тебя, – совершенно серьезно ответил мужчина. – Пей! Ты же помнишь правила? Игру между испытаниями запрещено чем-либо угощать. А силы тебе еще понадобятся. Пей.

Я снова посмотрела на напиток, перевела неуверенный взгляд на ту, которая его принесла, и, прочитав по ее физиономии, что силы мне вряд ли помогут, решила сделать глоток назло. Сок... томатный... угу. Надеюсь, что здесь не тот же трюк лежит в основе, что и с общением? А то говорим, как мне кажется, все на разных языках, а слышим родную речь и отлично понимаем друг друга. Вдруг и с соком то же самое? Я чувствую один вкус, а на деле... Впрочем, лучше об этом не думать. Желудок, как и нервы, имеет свой предел выносливости.

Вампирша перестала сверлить мою скромную персону тяжелым взором и, обратившись к королю, предложила ему себя в качестве

сопровождающей для открытия бала. Он (предатель!) охотно согласился. На прощанье Его Вероломное Величество вновь посоветовал мне хорошо повеселиться, пока он будет занят исполнением своих непосредственных обязанностей, а заодно намекнул, что со мной кое-кто желает познакомиться. После чего удалился вместе с кликастой брюнеткой в направлении костра, разведенного в центре кладбища. Большого, яркого и, на мой вкус, инородного для этого пропитанного могильной синевой пейзажа.

Я потопталаась на месте, все больше склоняясь к мысли отправиться обратно к воротам и, лениво потягивая напиток, дождаться часа «Х» там, как по ногам будто мехом провели. Вздрогнув, посмотрела вниз и встретилась со светящимися огоньками кошачьих глаз. Уж не тот ли самый котяра пожаловал, об которого недавно споткнулась? Гость тихо мяукнул, отошел на пару шагов и завертелся волчком с такой скоростью, что я невольно зажмурилась. Открыв глаза, узрела пред собой молоденького парнишку восточной внешности.

– Так вот ты какая, наша короле-е-ева, – с интересом разглядывая меня, протянул юнец, в темных волосах которого виднелись две пурпурные пряди.

В черной рубашке с широкими рукавами, в кожаном жилете и штанах, а также в бандане и с ленточкой, скрывающей глаз, парень напоминал пирата.

– Королева? – удивилась я.

– Ну, почти королева, – исправился визави и продолжил нагло изучать меня, уделяя особое внимание ногам и чрезмерно глубокому декольте. – Разве Кристиан тебе не сказал?

– Кристиан? – кажется, я удивилась еще больше.

– Его величество король отражений, – с гордостью, завуалированной легкой насмешкой, поведал оборотень. – Неужели он не сообщил тебе свое имя? – изумрудный глаз парнишки прищурился, а на губах заиграла хитрая улыбочка. – В этом весь Крис – не столько болтает, сколько забалтывает. И ни слова по существу!

– А ты сам-то кем будешь? – меняя тему, полюбопытствовала я.

– Кэп – первый номер твоей свиты, – представился юноша и поклонился, едва не ткнувшись носом в мою грудь.

Я отступила, он расправился... и весьма любопытный разговор продолжился.

– Тебя так и зовут? Необычно. А что за свита?

– Став пленниками королевства отражений, мы все сменили свои

старые имена на прозвища. Это традиция, которая символизирует отречение от прошлого, – сказал Кэп и замолчал.

– Пленником? Вы... то есть ты – один из вызывающих?

– Именно, – радостно кивнул парень, явно довольный тем, что не придется «разжевывать» мне информацию. – Я первый в твоей дюжине!

– А цветные волосы...

– Метка, которая говорит о нашей принадлежности пурпурному королю... ну то есть королеве.

– Получается, те, у кого синие пряди, – свита Кристиана?

– Точно, – довольно улыбаясь, подтвердил Кэп. – Пряди или что-то другое. У номера семь, к примеру, синий хвост с голубой кисточкой.

Веселенький набор приближенных у его величества, однако. Синие волосы, синие хвосты... еще не хватает синих крыльев и других частей тела для полного комплекта. А может, и хватает. Я же не со всеми его слугами знакома... к счастью!

– Ясно. А та девушка, что увела короля, кто?

– Номер два в его свите, – охотно отозвался «пират». – Ее зовут Ирэна. Сейчас она глава правобережного клана вампиров, а изначально была второй вызывающей из его дюжины.

– Хочешь сказать, что этот... Крис... не всегда правил королевством отражений?

– Нет, конечно. Он девятый по счету после короля – основателя нашей реальности.

В мою душу начали закрадываться нехорошие подозрения, поэтому следующий вопрос я постаралась сформулировать как можно точнее:

– А как именно один король сменяет другого? Сын – отца?

– Нет, что ты, Вероника!

– Вероника, Ника... так проще.

– Хорошо, Ника. У мертвецов, как и у полумертвецов, детей не бывает, – развел руками парень.

Так я что, в загробном мире?

– Занять место короля отражений может только тринадцатый вызывающий при условии, что он пройдет четыре с половиной уровня игры на выживание, – продолжал говорить Кэп. – А также важно, чтобы его свита была в полном составе. Все двенадцать предшественников должны уже благополучно застрять на первых трех испытаниях.

– То есть погибнуть? – вспомнив свои приключения, уточнила я.

– Можно и так сказать. Но я предпочитаю слово «переродиться», – ухмыльнулся он. – Королевство отражений – отличная иллюстрация для

ответа на вопрос: «Есть ли жизнь после смерти?»

Он ободряющее хлопнул меня по плечу и встал рядом. Теперь мы смотрели не друг на друга, а на горящий впереди костер и на толпу вокруг него.

– А еще какие-нибудь цвета-метки есть, кроме синих и пурпурных? – помолчав, спросила я.

– У каждой новой дюжины своя масть. Но если их тринадцатый вызывающий не приходит к власти, метки исчезают сами собой, а представители дюжины становятся обычными жителями королевства. Некоторые на этом кладбище селятся, другие – идут в соседние отражения.

– Куда идут?

– Крис и про устройство нашего мира не сказал? – с толикой сожаления проговорил Кэп.

– Нет.

– А ты спрашивала?

– А было когда? – вспылила я и проговорила, пока собеседник не ушел от темы: – Сейчас вот спрашиваю. Что еще за отражения такие, в которых можно жить?

– Любой другой кусочек пространства, где ты уже успела побывать и куда пока не заглядывала, даже замок короля – это отражения существующих или существовавших в другие эпохи мест обычного мира. Того, из которого мы все сюда попали. У каждого отражения есть границы, за их пределами Зеркальный Хаос. Передвижение по нему похоже на прогулку по лабиринту с множеством дверей. А за ними – всевозможные пейзажи, комнаты, залы… все то, что было воссоздано правителями этой реальности.

– Какой-то музей копий, – пробормотала я.

– Ну почему же? Некоторые короли предпочитали не только копировать, но и видоизменять отражение под свой вкус. Так что оригинальных уголков здесь достаточно.

– И все это – параллельный мир?

Парень кивнул.

– А его величество что-то вроде демиурга, получается?

– Нет, демиургом был древний маг, он же первый король нашей реальности. Все последующие просто выполняют свою работу: одни отражения уничтожают за ненадобностью или просто чтобы выместить гнев, другие создают. Ведь игра проводится только раз в год, в остальное время Его Величество вместе со свитой занимается как раз устройством (точнее, переустройством) нашего королевства.

– У власть имущего полно забот, – криво усмехнулась я, переваривая информацию. – Отражения новые создай, людей, что сдуру призвали его, убей...

– Король не вмешивается в игру! – как-то слишком рьяно возразил Кэп.

– Да ладно! А кто меня с двух уровней вытаскивал? Его отражение, что ли? – Я прищурилась, следя за реакцией парня.

– Ну так ты же совсем другое дело! – расплылся он в радостной улыбке, чем сильно меня озадачил.

– Поясни.

– Каждый тринадцатыйзывающий – потенциальный правитель нашего королевства. А значит, он равный нынешнему королю! Поэтому в его игру Крис имеет право немного вмешаться. Это как игра в игре. Понимаешь?

– О да-а-а, – протянула я, с грустью осознавая, что не просто вляпалась, а вляпалась по-крупному. С другой стороны, у меня хотя бы есть шанс стать королевой, а будущее другихзывающих – либо место в свите, либо в холодной могиле старинного кладбища, либо где-то еще в этом странном мире. Хм... Если смотреть на ситуацию с такой стороны, то вляпалась я удачно.

– А на каком уровне засыпался ты? – решив сменить тему, поинтересовалась я.

– Как это ни обидно, но... на первом, – без энтузиазма ответил Кэп. – На испытании под названием «Загадки мифического существа» мне достался кот-садист по кличке Ученый. Мало того что в подвешенном состоянии на цепях, свисающих с высоченного дерева, соображается туга, так это... сущ-щ-щество среди коллег еще и числится едва ли не самым эрудированным. Короче, я продул вчистую, а старый кошак, вдоволь наигравшись со мной, вместо того чтобы добить, вылизал мои раны. Слюна попала в кровь... дальше описывать не стану, так как приятного мало. Зато вместо нового квартиранта кладбища я стал оборотнем. Не живой уже, но и не мертвый, – беззаботная улыбка озарила юное лицо. – А тебе кто загадки загадывал?

– Каменный дракон.

– Счастливая! Этот самый вменяемый из всех. Либо ты очень везучая, королева, либо... Крис подтасовал жребий.

– Зачем это ему? Я же, по твоим словам, конкурентка для ныне действующего короля отражений.

– И что? Он давно хочет свалить отсюда, а без преемника – увы.

Правда, королев среди правителей еще не было, но всегда что-то случается впервые.

Оборотень улыбнулся, я нахмурилась, а ликование приглашенных на бал и более громкие переливы музыки сообщили нам о том, что пришло время танцев. Но пускаться в пляс как-то не хотелось. Поднеся к губам кубок, я сделала большой глоток и, задумчиво наблюдая за разбивающимися на пары гостями, проговорила:

– Кэп, а если мне удастся пройти все пять испытаний, король вернет меня домой?

– Вернет, только захочешь ли ты возвращаться? – раздался мягкий женский голос со стороны, противоположной той, где стоял юноша.

Я резко повернула голову и увидела, как из парящего в воздухе золотистого пепла собирается точеная фигурка молодой девушки, в светлых волосах которой красуются целых четыре пурпурные пряди. – А еще – твое желание обязательно должно содержать просьбу о возвращении, в противном случае... извини.

– Это Шейла, наш феникс, – представил незнакомку Кэп. – Номер пять в твоей свите. Ее на третьем испытании спалили дотла четыре пьяные огнедышащие бабочки, в чьей пещере она оказалась заперта.

– Здравствуй, Шейла. Меня зовут Ника, – я кивнула в знак приветствия.

Блондинка поклонилась, как это сделал некоторое время назад Кэп, и без тени улыбки ответила:

– Мое почтение, будущая королева.

Такое обращение душу не согрело. Я совершенно не желала задерживаться в этом зеркальном аду, что бы там Его Хитроумное Величество ни задумал.

– А моей свите выгодно, чтобы я ушла отсюда живой, или как? – спросила ребят.

– Живой-живой! Не дрейфь, мы подстрахуем, когда синие... да и все остальные тоже решат оставить от тебя по кусочку себе на память. Но ты не переживай. Прорвемся! – Кот-оборотень снова хлопнул меня по плечу.

Я покачнулась, ибо удар у него был не слабый, однако тонкая девичья рука мягко придержала меня за спину, позволив быстро вернуть равновесие, – и у этой силы немерено, что радует.

Было интересно познакомиться с остальной свитой, однако Шейла с Кэпом предложили «осадить коней», ибо до «охоты за королевским трофеем» (читай – за частицей меня, и неважно, будет то кусок платья или моей плоти) осталось минут двадцать пять от силы, а я еще должна

подарить этому чертову балу танец у огня. От него, кстати, мне и придется бежать, когда пробьет полночь.

Вблизи костер оказался еще масштабней, нежели я думала. И света он дарил окружающему пейзажу значительно больше, чем серебристо-голубое сияние деревьев и могильных плит. Это был живой и теплый свет, а также опасный и такой... заманчивый. Хотелось подойти ближе, погреться и просто полюбоваться на стремящиеся ввысь языки пламени, забыв на время о том, где и зачем я нахожусь. Но бесстрастное око круглой луны отсчитывало последние минуты моей хрупкой безопасности.

Тик-так, тик-так... это часы идут? Нет, это кровь стучит в висках, и в унисон ей бьется сердце, запертое пленной птахой в очерченной глубоким вырезом груди. Тик-так, тик-так... Ну хватит!

Оставив попытки запомнить хоть какие-то азы танца на примере кружящихся пар, я попросила Кэпа приложить максимум усилий, чтобы не отдавить сапогами мои босые ноги. Потому что они мне мало того что дороги, так еще и скоро пригодятся, притом очень.

Юноша серьезно кивнул и, встав на максимально далекое (при условии, что мы вроде как партнеры) от меня расстояние, повел к костру. Громкая музыка, смех и говор вокруг... Мелькали лица, морды, черепа... Косые взгляды, широкие улыбки... и все это вертелось, кружилось, летело куда-то, затягивая в круговорот ярких одежд, жутких образов и удивительно красивой мелодии.

Отвратительное и прекрасное сливалось воедино, а мы с моим одноглазым кавалером топтались на месте, будто два медведя. Отличный танец, достойный королевы! Сильнее опозориться было бы сложно. Эх, лучше бы я просто стояла и в такт музыке покачивалась. Но Шейла и Кэп заявили, что каэтрон танцуют вдвоем. Ну-ну, теперь небось сами не рады принятому решению. Вон у первого номера моей свиты уже весь лоб в поту, да и руки дрожат, и взгляд какой-то... смущенно-испуганный, к тому же направленный за мою спину. Мм?

– Подари мне танец, Вероника.

– А ты мне кроссовки с толстой подошвой, шипами и металлическими мысками подаришь? – пробурчала я, инстинктивно отпрянув от такого знакомого голоса, который раздался над самым ухом.

Рука в тонкой черной перчатке властно легла на мое плечо, вынуждая остановиться. Я бросила вопросительный взгляд на Кэпа, тот виновато улыбнулся и быстро ретировался. Вот ведь... кошак трусливый! И как, интересно, он собирается меня защищать, если при виде Кристиана бежит, поджав хвост и уши? Или его величество в список врагов не входит? Ну да,

ну да... он же у нас лицо, заинтересованное в поиске преемника. Теперь хоть понятно, зачем ему парень был нужен. Девицы на трон еще не садились. И не сядут, если я продолжу изображать из себя статую, вместо того чтобы выполнить одно из заданий четвертого уровня, то есть станцевать из проклятый танец, а потом с чистой совестью сбежать.

— Подарю, — как-то странно улыбнулся этот синеволосый «фей», обнимая меня за талию. Вторая его ладонь скользнула по бедру вниз.

Я вздрогнула от ледяной дрожи, прокатившейся по ноге до самой ступни и осевшей на ней сверкающим хрусталем в форме изящной туфельки на высоченном каблуке. Легкое прикосновение мужских пальцев ко второму боку — и я полностью обута. Напросилась, идиотка! Лучше бы держала язык за зубами. Может, многие девушки и мечтают побывать в роли Золушки, но не на балу же мертвецов, у которых на эту самую Золушку вот-вот откроется сезон охоты!

Топнула ногой — туфля не разбилась, топнула еще — ноль реакции со стороны хрусталия на мои провокации. Топнула в третий раз, желая поймать ритм танца. После смены партнера я перестала бояться, что споткнусь или опозорюсь. Место этих переживаний заняли уже привычные в обществе короля спокойствие и уверенность, что у меня все получится. А если нет, он подстрахует. Значит, можно расслабиться и... потанцевать. Тем более туфли, несмотря на каблук и странный материал, очень удобные. Они словно продолжение ноги и вроде бы твердые должны быть, а движений не стесняют. Очередной сюрприз от магии отражений? Что ж, я только за!

Повинуясь движению Кристиана, я сделала плавный шаг, затем стремительный поворот. Шаг назад и новый виток кружения. Теперь быстрее. Одна моя рука легла на его плечо, другая оказалась во власти мужской ладони, мы смотрели в глаза друг другу (как на дуэли, честное слово) и... продолжали танцевать. Я больше не думала, куда ставить ноги, просто доверяла партнеру и своим инстинктам.

Пары вокруг сливались в одну пеструю массу. Я слушала музыку и стук своего сердца, неотрывно глядя в лицо короля. Бледная кожа, по которой скользили красноватые отблески пламени, изогнутые под слишком острым углом брови, хищные крылья носа, тонкие губы, в уголках которых прячется ироничная улыбка, и глаза... полные осеннего золота. Красивые и холодные одновременно. Самое то для такого расчетливого существа, как он!

— Так и будешь молчать? — одна его бровь вопросительно поднялась, подчеркивая слова.

Мимо с хохотом пронеслась пара в цветных одеждах. Нас накрыло

ароматом женских духов, а не могильным смрадом, но я все равно поморщилась.

– А что надо? Петь? – съязвила, сама не зная зачем.

Теперь и вторая его бровь присоединилась к первой, отражая легкое удивление. Лицо от этого потеряло налет хищности и стало чуть моложе, чуть естественней и... чуть человечней, что ли? Таким он мне нравится еще больше. Стоп! Что значит «еще»?! Я же не курила здесь вроде, откуда подобные мысли? Или томатный сок был с градусами?

– Можешь просто высказаться, – предложил Кристиан.

Я перевела взгляд на небесные часы – еще минут десять до основного действия – и снова посмотрела на наглую физиономию пресловутого короля. Она была словно якорь, точка опоры в море движения, цвета, шума и запаха. Танец увлекал, распалял и... злил! Или это не танец вовсе? Как бы случайно царапнула ногтями мужское плечо сквозь тонкую ткань шелковой рубашки. Интересно, почему он избавился от плаща? Неудобно стало или жарко? Как мне сейчас от близости огня, толпы и... его тела.

– По поводу чего высказаться? – мой голос прозвучал на удивление спокойно, чего нельзя было сказать о коже, которой коснулось дыхание склонившегося мужчины, вызвав волну приятной дрожи. Чер-р-рт! Он что, плохо слышит? Или специально издевается? – Того, что один лживый король решил скинуть свое королевство кошмаров на хрупкие женские плечи? Не-е-ет, неподходящая тема для бала.

Собрав в кулак все свои артистические способности, я мило ему улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и невозмутимо произнес:

– Разве я лгал?

– Недоговаривал!

Несколько стремительных шагов влево, головокружительный поворот, и мои ноги оторвались от земли. Падаю? Взлетаю? Ага, как же! Его величество просто проверяет, насколько я тяжелая.

– Но ведь тебя просветили, – это скорее походило на утверждение, нежели на вопрос.

– Поздновато как-то. – Перебирая ногами, я искала опору, которой не было. Кристиан по-прежнему держал меня на весу, продолжая кружить.

– А зачем раньше? – сказал он. И такое искреннее непонимание в голосе, а в глазах смешинки. Тва-а-арь... сверхъестественная!

– Чтобы знать, за что страдаю, – я нашупала-таки мыском землю, ура!

– А ты страдаешь? – на губах его расцветает улыбка, полная коварства.

– Нет, наслаждаюсь, как истинный мазохист!

Едва я оказалась стоящей на площадке, как это синеволосое чудовище

вновь подхватило меня и закружило вокруг костра. Я ловила отблески пламени, ощущала жар и слышала треск горящего хвороста. В желтых глазах партнера, будто капли крови, дрожали алые блики. Ветер трепал наши волосы, играл со складками одежды, ласкал кожу. Музыка лилась прямо с неба, танцевали гости, бежали минуты... тик-так.

– Вот и наслаждайся, Вероника, – мурлыкнул король отражений. – Получай удовольствие, ты же все-таки на балу.

Мрачно спросила:

– Неужели ты вправду хочешь сделать меня королевой?

– Очень.

Его тихий смех вызвал волну раздражения.

– Эгоист! – выкрикнула я ему в лицо и, закусив от досады губу, отвернулась.

Я сбилась с ритма и чуть не споткнулась, но его величество поддержал меня, смягчив заминку. Затем разомкнул руки и, положив ладонь чуть ниже ямочки на шее, надавил, вынуждая прогнуться назад. Другая его рука крепко держала меня за талию, не позволяя упасть. Запрокинув голову, я уставилась на серебристый диск с золотыми стрелками. Пять минут... как же мало осталось!

– Угадала.

Резкий рывок – и меня, словно растянувшуюся пружину, дернули обратно. А без того небольшое расстояние между мной и Кристианом исчезло окончательно. Я даже руки выставить перед собой не успела. Пару раз бесцельно взмахнув ими, впилась пальцами в плечи мужчины. Его ладонь, лежащая на моей спине, напряглась, затем медленно двинулась вверх по позвоночнику, скользнула по обнаженным лопаткам, шее. Он как бы невзначай задел кончиками пальцев мочку моего уха, а затем взял за подбородок, вынуждая посмотреть ему в глаза.

– Сейчас я выведу тебя к главной аллее, ее и держись, когда будешь убегать.

От несвойственной королю серьезности стало неуютно, а от осознания, что полночь близко, – страшно.

– А ты? – как-то неуверенно спросила я, все еще цепляясь за его плечи.

– Буду ждать за воротами, – губы мужчины сжались в тонкую линию. – Не бойся. О тебе позаботятся.

– Кто? Ирэна? О да-а-а, она обо мне точно... позаботится.

Брови собеседника дрогнули, а глаза прищурились.

– Моя королева боится какую-то вампиршу? – в словах звучал насмешливый вызов, но взгляд выдавал тревогу. Как же ему охота скинуть

на меня свое королевство, а?

— Королева... твоя... может, и не боится. А лично мне страшно, — сказала я, взглянула на часы и начала отстраняться от мужчины, счтя затянувшиеся объятия не совсем приличными, а главное, абсолютно неуместными.

С физкультурой у меня всегда были нелады, так что пустых надежд на скорость и выносливость, достойную спортсменов, я не питала. Поэтому решила направить стопы свои к выходу заранее. И лучше, чтобы на стопах этих не было хрустальных туфель.

Говорить ничего не пришлось, Крис избавил меня от подарка так же легко, как и создал его. Никто не пытался нам помешать, никто не стремился остановить. Я шла и думала, что это даже неплохо — иметь в союзниках самого короля отражений.

Первый удар лунных часов заставил меня вздрогнуть. Второй, третий... В голове крутились команды университетского тренера: «На старт! Внимание! Марш!» Еще удар... кажется, шестой. Да нет, не кажется, точно он. Я покосилась на Кристиана, но лицо его превратилось в непроницаемую маску — ничего не прочесть. Всмотрелась в толпу и обреченно вздохнула, осознав, что «На старт! Внимание! Марш!» на них тоже распространяется. Восьмой удар, девятый... Скользнула взглядом по лицам присутствующих, наткнулась на чей-то холодный взор из-под синей челки, заметила того же цвета хвост и вздохнула еще тяжелее, ибо этот противник был под два метра ростом, а еще он подозрительно походил на прямоходящую пантеру с человеческим лицом. Одиннадцатый удар...

Рядом встали Шейла и Кэп: решительные лица, какие-то светящиеся браслеты на руках. Оружие, надеюсь. Двенадцатый удар и... брошенное королем «Беги!» тонет в гуле и улюлюканье сорвавшейся с места толпы.

Ну все... Кранты мне!

С места я не сдвинулась — меня с него буквально снесли двое новоявленных соратников. И вовремя! Позади что-то громко приземлилось, затем рыкнуло и со слоновым топотом понеслось следом. Подозреваю, что промедли я еще немного — и игра потеряла бы смысл из-за скоропостижной кончины игрока. Обернуться и посмотреть на существо, следующее за нами по пятам, не было ни времени, ни желания, ни сил. Я, петляя, бежала по кладбищу, точно заяц от охотника. Вот только за мной, в отличие от ушастого, тут гнались все, не считая... считая... А! К черту! Если выживу — тогда и посчитаю.

Костлявые руки, когтистые пальцы, мохнатые лапы и вполне человеческие ладони... каждая из них пыталась ухватить меня хоть за что-

нибудь, несмотря на световые сгустки в виде серпов, что вылетали из тонких браслетов первого и пятого номеров моей свиты. Ребята были рядом, они отбивали попытки нахальных конечностей сцепать королеву. Иногда, правда, отбивали вместе с конечностями, но это уже детали.

Мы неслись вперед (вправо, влево, опять прямо), перескакивали через могилы, огибали кресты, а порой и использовали их в качестве трамплина. Сердце бешено колотилось, дыхание сбивалось, обжигая легкие. Горели израненные ступни, немели колени. А я все бежала, бежала, бежала... и не падала лишь потому, что меня крепко держали за руки двое из дюжины.

В толпе мелькали их товарищи, в чьей внешности, словно кровавые ленты, вспыхивали пурпурные метки, и наши главные противники с синеголубыми отличительными знаками, и просто те, кто веселился на всю катушку, цепляя своими лапами мое платье, ноги и волосы. Вариант дойти до финала этой гонки голой, лысой и ободранной радовал не больше, чем вероятность сдохнуть по дороге. И все же мы не успели: в какой-то момент нас просто смяли, как говорится, взяли количеством.

Глумливые лица, наглые морды, хихиканье и победные вопли... Боже правый, эти чудовища могли бы стать моими подданными? Может, и хорошо, что не станут? А?

Жалобно мяукнул Кэп, принимая кошачью форму, чтобы вывернуться из захвата практически полностью лысого громилы, на затылке которого красовалась всего одна тонкая синяя косичка. Тихо, но отчетливо чертыхнулась Шейла, выпуская мою руку из своей горячей ладони и отступая назад. Вот и все, все...

Последние удары сердца, финальный взмах ресниц. Сейчас мне будет по-настоящему больно. Толпа вокруг, толпа везде... я не желала на них смотреть! А потому медленно подняла взгляд от своих будущих убийц вверх, к равнодушному небу, и поняла, что оно становится ближе. Резко обернулась и увидела сияющее (в прямом смысле слова) лицо феникса. А за спиной ее колыхались огненные крылья. Шейла не касалась меня, она просто находилась рядом, а вокруг наших фигур кружила золотая пыль.

Жаль, облегчение было недолгим: мы с блондинкой и десятка метров не продвинулись в сторону намеченной цели, как были атакованы целой стаей вампиров во главе с небезызвестной Ирэнной. Как же хотелосьстереть с ее самодовольной физиономии эту победную ухмылку! Да видно, не судьба. Спустя несколько минут феникс тяжело дышала, распластавшись на каменной крыше склепа, и с выражением вселенской тоски в глазах смотрела на то, как номер два из свиты Кристиана с упоением впитывается клыками в мою шею.

После огненного светопреставления с золотисто-алыми «серпами», запущенными в сторону врагов, Шейла совсем выдохлась. Не то чтобы ей не помогали – улизнувший от верзилы с косичкой Кэп, пребывая в своей кошачьей форме, перепрыгивал с одного противника на другого, вис на их крыльях, оставлял вспыхивающие огнем царапины на телах, но… в конце концов схлопотал по усатой морде чьим-то увесистым кулаком и улетел в ближайшие кусты. Еще на нашей стороне сражался какой-то пятнистый дядька с пурпурной прядью в седых волосах. У него были черные крылья и маленькие рожки на высоком лбу. Промеж этих рожек мой добровольный защитник и получил от той самой двухметровой химеры, на конце синего хвоста которой голубая кисточка.

Этот тип не летал, нет… но о-о-очень здорово прыгал! Благодаря его стараниям все мы и оказались на плоской крыше каменного склепа. Первым делом похожий на пантеру мужчина скинул вниз потерявшего сознание дядьку, потом отправил туда же парочку полуживых (или полумертвых?), короче, изрядно потрепанных фениксом вампиров и теперь примерялся к Шейле, искоса поглядывая на нас с Ирэнной. Она жадно пила мою кровь, и сознание уплывало. А потом, словно очнувшись от болезненного сна, я увидела, как кто-то отдирает ее от меня и, рявкнув короткое «бр-р-рысь», вышвыривает вон с крыши.

Я так и осталась лежать с приоткрытым от удивления ртом и вытаращенными глазами, когда поняла, кто именно это был. Пытаясь вникнуть в логику поступков химеры, пришла к выводу, что ему плевать на всех, он просто расчищает себе крышу. Ошиблась! Шейлу это существо так и оставило лежать на месте, зато меня легко подняло, перекинуло через плечо и, поддерживая когтистой лапой под коленями, потащило прочь.

Мягкие прыжки, длинные, быстрые. Черные волосы, переходящие в густую шерсть на спине и плечах. Гибкое и большое полузвериное тело с человеческим лицом. От номера семь из дюжины короля отражений исходил странный запах: резкий, но не противный. По мне, так даже в чем-то приятный. Я силилась подняться, упираясь руками в его лопатки. С третьей попытки получилось. Обезумевшее сердце колотилось в груди, а перед глазами плыли красные пятна. Перед глазами или в глазах? Точно, в глазах! В тех, что на огромной лошадиной морде светились. И морда эта вместе со всем остальным активно нас настигала.

В каком-то отстраненном состоянии принялась изучать коня и его всадника на предмет цветовой принадлежности к той или иной свите. Несколько секунд пялилась туда, где должна быть голова одетого в черный плащ человека, и только потом до меня дошло, что эта часть тела в

комплект не входит. Еще через пару секунд заметила: наездник делает мне какой-то знак рукой, а на запястье его (о, счастье!) развеивается пурпурная лента.

– Обалдеть! – выдала на автомате. – Всадник без головы...

– Сама ты без головы! – обиженно фыркнула лошадка, поравнявшись с нами, и прямо на ходу заорала моему похитителю:

– Давай ее сюда, Иллар!

После этого заявления я сильно усомнилась, моей ли масти новый персонаж этой комедии ужасов, и... с головой он вообще или как? Персонаж оказался с головой, правда, конской. А еще с шестью ногами (четырьмя лошадиными и двумя человеческими), двумя руками и парочкой тулowiщ. На одном я ехала, сидя в седле, ко второму прижималась спиной. Прогулки верхом в привычку у меня не входили, поэтому то, что ниже поясницы, слегка побаливало, а то, что выше, – сотрясалось. И в придачу ко всему ныл затылок, с которого гадская химера выдрала клок волос. На мои возмущенные вопли этот садюга меланхолично заметил: традиция, мол.

Страшно уже давно не было. Это чувство я потеряла вместе с кровью, выпитой Ирэнной. Вероятно, тот момент мое сознание сочло самым ужасным и... благополучно переключилось в режим отстраненного созерцания. Вот я и созерцала сквозь щель плотной накидки Рика (так представился гибрид лошади с человеком), как настырная вампирша вылетает из-за его плеча и тянет ко мне свои когтистые лапы. Рик-всадник не держал вожжи (незачем оно ему, ведь голова на плечах у Рика-коня), зато в его руке поблескивал самый настоящий боевой топор, им-то он и отбивался от желающих меня схватить, включая детей ночи и их предводительницу. Но она, к сожалению, профессионально уворачивалась.

Ситуацию спас еще один номер из моей дюжины – мелкая девчушка с наивными васильковыми глазами и ехидной улыбочкой прожженной интриганки. Малышка имела полупрозрачное тело и излучала чистый белый свет, от которого Ирэна вместе со своими соплеменниками шарахалась как черт от ладана. Вампирша шипела, плевалась, дымилась... а главное, не мешала нам больше двигаться вперед.

Прежде чем в поле зрения показались долгожданные ворота, на нас кто только не успел напасть. К счастью, неудачно. Когда же до цели оставалось совсем чуть-чуть, впереди возник заслон из полупрозрачных личностей, сильно смахивающих на девочку, которая устроила темную (а точнее, светлую) вампирам. Вот только вставшие... то есть зависшие плечом к плечу сущности отнюдь не спешили оказывать нам содействие. Скорее

наоборот. Не знаю, какой страшной силой в мире отражений обладали призраки, но мой бравый конь по кличке Рик, резко затормозив, встал на дыбы, и я, несмотря на попытки безголового всадника удержать нас вместе с топором, вылетела из седла.

Как назло, те, кто обычно маячил поблизости, в самый нужный момент изволили расступиться, позволяя моему бедному телу собрать все возможные синяки и шишкы от жесткого приземления на каменные плиты дорожки. Воцарившаяся тишина взорвалась громкими звуками: от радостных криков до мрачного рычания, нетерпеливого кряхтения и активного громыхания чьих-то костей. Меня не разодрали на части лишь потому, что у одной черной химеры с синей челкой и того же цвета хвостом оказалась отменная реакция. Спрятавшись откуда-то сверху, Иллар подхватил одной рукой меня, второй съездил по зубам разинувшему пасть волку и, в два прыжка преодолев расстояние до открытых настежь ворот, швырнул меня в кромешную тьму, что раскинулась за ними.

Последнее, что я запомнила, перед тем как потерять сознание, был разочарованный гул голосов, расстроенные физиономии почти дотянувшихся до меня привидений и брошенные вслед слова химеры о том, что он давно так не веселился. А еще я услышала тихий смех короля отражений и, кажется, почувствовала прикосновение его затянутой в перчатку руки.

...Легкие поцелуи оставляли влажные следы на моем плече, на ключице, заставляя трепетать просыпающееся тело. Пьянящий аромат с горьким привкусом зеленого чая и освежающей лимонной ноткой мешал сосредоточиться. Я и хотела очнуться, и не хотела одновременно. Еще немного... совсем чуть-чуть... всего лишь на минутку задержаться в прекрасном сне: понежиться в крепких объятиях, вдохнуть полной грудью этот неповторимый запах и просто насладиться близостью того, от кого в реальности стоит держаться подальше.

Его губы добрались до моей шеи. Поцелуи растеряли всю свою легкость, став более настойчивыми и долгими. Я прерывисто вздохнула, откинула назад голову и услышала тихий стон, а спустя пару секунд поняла, что он принадлежит мне.

– Открой глаза, Вероника. Я знаю, что ты уже пришла в себя, – шепнул король, продолжая ласкать мою шею.

– Т-твою... то есть твое величество! – пробормотала я и распахнула глаза, чтобы окончательно осознать ошибочность версии со сном. – А что это ты делаешь? – поинтересовалась, осторожно отстраняясь от него.

– Занимаюсь... м-м-м... лечением, – взглянув на меня, ответил

Кристиан.

– А как-нибудь по-другому это делать нельзя?

– Можно, – обезоруживающе улыбнулся он и добавил, хитро прищурившись: – Но не так интересно.

Я отодвинулась еще немного, но с колен его слезать не стала. Вдруг ноги не держат? Упаду еще, новыми синяками да царапинами разживусь. И придется их потом кое-кому «зализывать». Вот уж не надо! Не то чтобы неприятно, скорее наоборот. И именно это беспокоит. Мне домой вернуться охота целой и невредимой, а не с разбитым вдребезги сердцем.

Мысленно прикинула, каким методом король мог бы залечить такого рода повреждение. Поняла, что краснею, и, отвернувшись от цепкого взгляда Его Наблюдательного Величества, с повышенным вниманием начала рассматривать интерьер.

Закованный в черный мрамор зал был освещен множеством факелов. Они висели на стенах и колоннах, а два самых ярких из них венчали кованые подставки, располагавшиеся возле большого трона, на котором сидели король отражений и я. Придирчиво изучив геометрический рисунок на полу и ступенях, скользнула взглядом по синему бархату, свисавшему вниз с вместительного кресла, по тонкой ткани белой рубашки на груди мужчины, по его плечу, руке и наконец остановилась на черной перчатке, которая обтягивала ладонь, свободно лежащую на моей ноге... заметно выше колена. Кхм!

– Я так понимаю, лечение закончено? – спросила, продолжая гипнотизировать взглядом его темную кисть на моей светлой коже, и, не дождавшись ответа, снова заговорила: – Ссадин на теле больше нет, синяков тоже, да и пыльные следы с кроваво-грязевыми разводами исчезли. Ты ведь не мыл меня, нет? – Я покосилась на него. Он отрицательно мотнул головой, продолжая улыбаться. – Вот и славно. Магия, значит, – объяснила сама себе преобразившийся облик.

Платье имело первоначальный вид, совсем не похожий на те лохмотья, в которых я выпала с «кладбищенской вечеринки». Тряхнула головой и запустила пальцы в волосы, желая убедиться, что они тоже причесаны, но с удивлением застыла, обнаружив очередное прибавление длины. Теперь отдельные пряди доставали мне до плеч. Любопытно, это тоже чары или здесь час за месяц идет? Решив не ломать голову в одиночестве, озвучила вопрос Кристиану.

– У каждого отражения свое время – от нескольких часов до суток, потом цикл повторяется. Поэтому в одних местах всегда зима, в других – золотистая осень, а где-то постоянная ночь или, напротив, бесконечный

рассвет. А вон там земное время, – взмахом руки, той, что мгновение назад по-хозяйски покоилась на моем бедре, он указал на противоположную стену, где вспыхнули алым очертания огромного циферблата с огненными стрелками. Под ними мрачно светилась узкая шкала с изображением даты «31 июня 2009».

– Лунный день, которого на самом деле нет? – усмехнулась я, одергивая одной рукой подол, а второй перехватывая ладонь короля, метившую на облюбованное место. Наши пальцы переплелись, взгляды встретились.

– Есть, моя маленькая. На рубеже тридцатого и первого… именно этой летней ночью люди действительно способны вызвать меня, чтобы загадать желание. И я… его исполню, – улыбка короля стала шире, – если человек пройдет все пять уровней игры, конечно.

– Намекаешь, что мне пора? – произнесла тихо.

– Чем раньше, тем лучше, конечно, – сказал он и перестал улыбаться. – Но мы можем еще немного посидеть. В конце концов, десяток-другой минут погоды не сделает. Ты помнишь пройденные испытания? «Загадки мифического существа», «Механические ловушки», «Ядовитые грезы», – перечислял король, не отпуская моей руки, несмотря на то что я пару раз попыталась разомкнуть пальцы, – «Охота за трофеем» и… теперь осталось последнее и самое сложное – зал отражений. Если точнее – зеркальных отражений, которые копируют не ландшафты и интерьеры обычных миров, а твой наисильнейший страх и самую сокровенную мечту. Возможно, ты не знаешь точно, как они звучат, как выглядят, информация о них может храниться в твоем подсознании. Но пятое испытание вывернет наизнанку и его, и душу, затем переберет все чувства, мысли, воспоминания и в конце концов найдет искомое.

– Мне уже страшно. – Я болезненно поморщилась, ощущив, как наваливается непрошенная усталость. Не физическая, нет. Скорее уж эмоциональная.

– Последний рывок, королева, – ободряюще подмигнул мой мучитель.

– А отменить нельзя?

– Нет.

– А как-нибудь смягчить условия? – Я состроила жалобную мордашку и посмотрела на него.

– Увы, – вздохнул Кристиан. – Не я придумывал правила. У меня нет над ними власти. Более того, я даже помочь тебе не смогу больше. Разве что морально.

– А если бы мог… – я замялась, закусив губу. – Ты бы меня

отпустил? – пробормотала с надеждой.

– Да ни за что! – Он рассмеялся, а я окончательно скисла.

– Жестокое ты существо, Крис! – в состоянии предыгрового мандражая назвала его по имени вместо привычного и чуть ироничного «твое величество». Уголок его рта едва заметно дернулся в слабой полуулыбке. – Вот скажи, зачем тебе покидать королевство, где ты практически всесилен? Куда ты отправишься, если посадишь меня на трон? На Землю? В двадцать первое столетие? Из какой ты эпохи, король? Как ты проживешь в современном мире без документов и денег? Да еще и с такой экзотической внешностью. Там ведь не твоя территория, а ты привык править. Тебя сметут, растопчут, поднимут на смех...

– Никак не пойму: ты пытаешься запугать или просто беспокоишься за меня, маленькая? – насмешливо уточнил он.

– Я хочу снять с тебя розовые очки!

– О! А давай что-нибудь другое снимешь? Рубашку, например. Да и штаны можно, но, во-первых, там сложные застежки, а во-вторых, тогда придется что-то снять и с тебя... за компанию. А то, видишь ли, очки... особенно розовые... я сегодня забыл надеть. Но разочаровывать столь заботливую девушку перед последним испытанием не хочется, – его ехидная улыбочка меня взбесила, как и двусмысленные намеки.

– А может, тебя еще и поцеловать на прощанье? – прошипела я.

– Не откажусь, – мурлыкнул этот наглый «кот», щуря свои желтые глаза.

– Ты не только жестокое, ты еще и бесчувственное существо, Кристиан! У меня тут нервный срыв намечается, а ты... ты... Знаешь, я даже рада буду, если все получится и тебе придется уйти в мой мир. Он любит обламывать людышек с поистине королевской кнопкой собственной значимости.

– Я не совсем... людышка, – явно забавляясь моими тирадами, поправил король.

– Неважно! Ты все равно там не выживешь! Уверен, что оно тебе надо?

– Мне надо... – он сделал многозначительную паузу, – ...надо, чтобы ты, Вероника, закончила игру.

– Вероника! – воскликнула я с раздражением и вырвала свою ладонь из его руки, затем спрыгнула с мужских колен и, спустившись на пару ступенек, остановилась. – Ника... Никой меня зови, – прошептала тихо, после чего обернулась и уже спокойным голосом поинтересовалась: – Куда идти, Твое Эгоистичное Величество? Где очередная комната пыток?

Вход оказался за большим зеркалом в добротной черной раме. Портал,

не иначе.

– Я не имею права вмешиваться, но, если хочешь, буду наблюдать, – стоя за моей спиной, предложил Кристиан.

– Ой, нет! Не надо! – замахала руками я, с ужасом представив, как буду выглядеть на пике своего самого ужасного кошмара. – Пожалуйста, хоть здесь... оставь меня один на один с игрой. – Судя по выражению его лица, мужчина был со мной не согласен. – Я не хочу, чтобы ты... чтобы кто-либо видел меня там. Мечты и страхи – это слишком личное, – выдавила, отводя взгляд от его отражения.

– Понимаю, – спустя пару секунд сказал король.

– Тогда пообещай, что не станешь следить, – потребовала я.

– Хорошо, – выдержав паузу, он кивнул. – Ты, главное, не поддавайся панике и помни, что все это... лишь игра.

– Угу, игра на выживание, – мрачно отозвалась я, прожигая взглядом своего зеркального двойника с пурпурными волосами, в которых не осталось больше ни одной каштановой пряди.

– Ну так выживи! – воскликнул король отражений и подтолкнул меня вперед.

Уже переступая покрывающуюся рябью границу, услышала его летящие вдогонку слова: «Выживи ради меня, Ника». Нашел, называется, стимул! Я презрительно фыркнула и, стараясь сохранять спокойствие, огляделась по сторонам. Зеркальные стены, потолок, пол... парящие в пространстве осколки: от больших, в половину человеческого роста, до совсем крошечных. А еще разного размера сферы, излучающие свет и свободно плывущие по воздуху. За спиной быстро таяла арка перехода, отрубая путь назад. Осталось лишь странное помещение со множеством отражений, таких похожих и одновременно не похожих на меня.

Легкое движение слева привлекло внимание, заставив сердце испуганно сжаться. В одном из боковых зеркал мелькнуло гибкое змеиное тело с серо-коричневым узором, переливающимся в ярком свете шарообразных ламп. Я зажмурилась, затем снова открыла глаза – чешуйчатое пресмыкающееся исчезло. Показалось? Или эта пресловутая «комната страха» принялась сканировать мой мозг на предмет детских кошмаров?

Дальше – больше! Сначала с противоположной стороны раздался тихий треск. Я резко обернулась и в ужасе попятилась, увидев кишащую тараканами стену. Даже не стену, а все вокруг! Зеркала отражали друг друга, создавая эффект бесконечного пространства. И оно было полно отвратительных насекомых. Мгновение – и все вернулось на круги своя,

лишь по гладкой поверхности, размывая очертания моей фигуры, пробежала слабая рябь.

Следующая галлюцинация возникла под ногами: красивое красное платье с желтым бантом. Его лет пятнадцать назад привез из-за границы отец подружки, и я несколько дней просто грезила о таком же наряде. Сколько мне тогда было? Лет шесть? Семь? Неважно... Мечта моего детства испарилась так же быстро, как и тараканы. И тоже оставила после себя мимолетное волнение, похожее на потревоженную ветром водную гладь. Короткий взмах ресниц – и зеркальная поверхность опять ровная. Что теперь?

Лучше бы я не задавалась подобным вопросом. Глядишь, эта психоглюко-лаборатория не завалила бы меня ответами. Происходящее вокруг начало напоминать постоянную смену изображений в заставленной экранами комнате. То тут, то там (а иногда и в нескольких местах одновременно) возникали разные образы. Все, о чем я когда-либо мечтала и чего боялась: от приятных мелочей до гробов, в которых лежали близкие люди. Картинки мелькали, держа меня в постоянном напряжении, но при этом не давая сфокусироваться на чем-то одном. Волшебное помещение будто пробовало на вкус мои страхи и желания, а затем отбрасывало их, сочтя недостаточно сильными. Оно искало мой самый жуткий кошмар и самую тайную мечту.

Растерянная, дерганая, я стояла, не решаясь сдвинуться с места. Периодически вздрагивала, нервно сглатывала, теребила край пышного подола и, словно загнанный в угол зверь, продолжала ждать чего-то неизбежного – того, с чем будет трудно (или невозможно?) справиться.

И дождалась!

Его взгляд я почувствовала затылком. Тяжелый и пристальный, а еще липкий и неприятный. От такого хочется отмыться, с ним совсем нет желания встречаться, но... чтобы побороть свои страхи, надо как минимум посмотреть им в лицо. Глубоко вздохнув и сильнее сковав несчастную ткань платья, я решительно повернулась, чтобы столкнуться с сотканной из тьмы человекоподобной фигурой, на которой, как на картине, начали проступать детали: неприметная одежда, безликая внешность, блестящие стекла очков в серебристой оправе, и руки... в хирургических перчатках.

Один удар сердца... И холодные пальцы, обтянутые тонкой резиной, зажали мне рот, перекрыв крик, готовый сорваться с дрогнувших губ. Второй удар сердца... И не по комплекции сильный мужчина коротким рывком затянул меня в стену. Третий удар сердца... И погруженное в ледяной ужас сознание постыдно спряталось в объятиях темноты, сулящей

пусть и призрачную, но все же безопасность. Я всегда боялась маньяков...

Нет, не так! Я и сейчас панически боюсь стать жертвой одного из них. Что ж, похоже, игра отыскала мой самый большой страх. Будь она стократ проклята!

Просыпаться от боли и холода, лежа на столе, к которому меня крепко привязали, было жутко. Я задергалась, пробуя вырваться из сдавивших тело пут, – тщетно. Бестолково перебирая пальцами, царапая ногтями прохладную столешницу, начала отчаянно ерзать, в глупой надежде уклониться от острого лезвия. Из горла вылетали переходящие в стон крики, от которых сумасшедшие глаза садиста разгорались азартным блеском. По щекам текли слезы и, смешиваясь с кровью, омывали мое лицо. Было больно и страшно, страшно и больно – замкнутый круг без шанса вырваться.

Кошмарики первых четырех уровней казались детским лепетом в сравнении с пятым. Здесь и сейчас не было и намека на ожившую сказку. Я будто вернулась в родной мир, чтобы угодить в лапы к безжалостному убийце, для которого страдания жертвы – наивысшее удовольствие.

Раздался громкий щелчок, мигнул свет... и ледяными струями на меня обрушился холодный душ. Я с трудом разлепила веки и какое-то время взглядалась в темноту, не до конца осознавая, где нахожусь. А крупные капли продолжали хлестать меня по щекам, приводя в чувство. Нет, не душ... ливень!

Наверное, меня все-таки вырубило на том «разделочном» столе, иначе как я умудрилась не заметить перемещения из пыточной камеры в лес? Не без усилий приподняв голову, закашлялась. Успокоившись, прислушалась к себе. Ощущения не радовали: металлический привкус во рту, потерявшие чувствительность конечности и жгучая боль, ядовитой змеей скользящая по коже. Попыталась перевернуться на живот или хотя бы на бок, чтобы, собрав в кулак оставшиеся крупицы сил, отползти подальше от ямы, из недр которой вылетали куски склизкой от дождя земли. Сдвинуться с места не получилось, зато растревоженные раны заныли сильнее. А вокруг пахло осенью... холодной и пасмурной осенью вместо теплого лета!

Меня всегда пугали пытки, но больше всего на свете я боялась оказаться похороненной заживо. И дьявольская игра, похоже, вознамерила добить свою тринадцатую вызывающую именно таким изощренным способом. Захотелось вернуться в банку с гусеницами или даже в ловушку с копьями, лишь бы не в свежевырытую могилу. Вот только кого волновали мои желания? Одетый в дождевик мужчина столкнул меня, точно сломанный манекен, в темное нутро ямы.

Я рухнула спиной в грязную лужу, уже успевшую появиться на дне. Боль от удара, паника и жажда жить вернули пусты небольшой, но все же контроль над истерзанным телом. С пятой попытки мне удалось сесть. Подняв голову, чтобы взглянуть наверх, я получила по лицу первым комом мокрой земли, слетевшим с лопаты молчаливого убийцы. С губ сорвался хриплый стон, сменившийся жалобным скрежетом. Обняв себя трясущимися руками за промерзшие плечи, я начала раскачиваться, мысленно умоляя короля отражений вытащить меня из этого кошмара.

Последний раз... наперекор правилам... пожалуйста!

Кристиан на мой немой призыв, естественно, не откликнулся. Еще бы! Ведь я сама взяла с него обещание не следить за мной. Идиотка! Возможно, узрев мое положение, он все же нашел бы способ мне помочь. Или нет?

Сверху продолжала сыпаться земля, методично заполняя яму с бьющейся в панике жертвой. Я металась по дну, несмотря на жгучую боль. Пыталась встать на ноги, хваталась дрожащими руками за скользкие стены и снова падала в мерзкую жижу, противно хлюпавшую под ногами.

Кровь смешивалась с грязью и дождевой водой, растекаясь по израненной коже. Если мне посчастливится каким-то чудом сбежать от убийцы, я все равно умру от сепсиса. Так есть ли смысл дергаться?

Закрыв глаза, я смирилась со своей ужасной судьбой.

«Выжить!» – мысль вспыхнула, словно факел, во мраке апатичных рассуждений.

«Как?» – слабо шевельнулось любопытство.

«Молча!» – огрызнулся этот «луч света в темном царстве», а я отстраненно решила, что если даже моя собственная шизофрения не желает сдаваться, то мне сам Бог велел бороться. Королевы не сдаются!

Я заворочалась в сырой земле, пытаясь вывернуться из ее плена. Превозмогая сопротивление, подтянула вверх руки и принялась разрывать тот пласт, что отделял меня от вожделенной свободы. Раз за разом, несмотря на боль, позабыв про страх... О том, когда меня успели так глубоко закопать, сколько вообще прошло времени и почему я до сих пор жива, подумать времени не было. С тупой решимостью я продвигалась наверх. Будто дождевой червь, копала тоннель на свободу. И боль уходила, оставляя после себя странное ощущение, будто что-то во мне менялось. Нечто неуловимое, непонятное и оттого недостаточно значимое в сравнении со свежим ветром и мелкими каплями дождя, ласково скользящими по лицу, словно слезы. Я с наслаждением вздохнула и блаженно зажмурилась. Выжила! Смогла! Сама!

Но, вспомнив о маньяке с лопатой и о том, что можно этой самой

лопатой получить по торчащей из разрытой могилы голове, поспешно открыла глаза, а затем и рот от удивления. Вокруг было светло. А если вспомнить, что меня хоронили ночью... хотя нет, лучше не вспоминать. Во-первых, потому что это крайне неприятно, а во-вторых, возникает вопрос: как мне удалось пережить собственные похороны? Или я уже умерла? Поэтому и тело перестало болеть? Вдруг я стала призраком? В королевстве отражений таких обитателей пруд пруди.

Размышляя на тему своего нынешнего состояния, я потихоньку выбралась из могилы и внимательно осмотрела себя. Голая, но живая – уже хлеб! А главное, на моем обнаженном теле больше не было кровоточащих ран, и даже следов от них не осталось. Черные разводы, а кое-где и целые слои грязи, налипшие на кожу, внешне вполне заменяли одежду, жаль, что не согревали. Поежившись, я потерла руками плечи и, оглянувшись по сторонам, направилась в сторону, где редел залитый солнечным светом лес.

Мне не удалось пройти и пары шагов, как раздался уже знакомый звук щелчка. На мгновение снова стало темно, а потом все вокруг рассыпалось яркими бликами в бесконечных отражениях зеркал. Мимо проплыли шарообразные светильники, потеплело, а еще... мой внешний вид кардинально изменился: мало того что я опять стала чистой, так еще и платьем обзавелась из бордового атласа, но в знакомую мелкую клетку. Значит, четыре с половиной испытания я прошла. Или все-таки пять? Ведь мечта о спасении была самой желанной и сокровенной. И если ход моих мыслей верен, то что за странное чувство поселилось в районе солнечного сплетения? Будто маленькое солнышко: теплое, нежное и невероятно могущественное. Надеюсь, я «беременна» королевским даром создавать отражения, а не кем-то еще. А то с моими провалами в памяти и с местными временными перескоками можно ожидать чего угодно!

Подумав немного, осторожно положила руку на внушающее подозрение место и, ощущив едва уловимую пульсацию, задумчиво улыбнулась. Было в этом приобретении что-то приятное и... волшебное. Солнышко, что тут еще добавить? Солнышко, которое никогда не причинит мне вреда, зато сможет сделать жизнь ярче. По-прежнему находясь в сильном эмоциональном возбуждении, я начала осматриваться в поисках выхода из зеркальной комнаты. В едином кotle переполнявших меня чувств варились отголоски пережитого страха, радость от спасения и предвкушение чего-то нового, удивительного, прекрасного. На душе было светло, в теле ощущалась приятная легкость, а сердце продолжало торопливо стучать, отбивая секунды до финальной точки этой сумасшедшей игры.

Тук, тук, тук... Дз-з-зины!

Сзади раздался звон бьющегося стекла. Резко развернувшись, я увидела Кристиана, стоящего в окружении парящих осколков. Сверкающим ковром у его ног лежали отдельные фрагменты одной из летающих сфер. Одетый в черный кожаный жилет и штаны, в ярко-синюю рубашку с острым воротом и широкими рукавами, мужчина выглядел, как всегда, безупречно, а еще смело, необычно и очень стильно. Золотистые цепочки, пуговицы на одежде, тонкие жгуты и пряжки на коротких сапогах блестели в свете круглых ламп, добавляя образу загадочности. Пышная грива синеголубых волос обрамляла бледное лицо с такой искренней улыбкой, что мое сердце пропустило удар, а в горле внезапно появилась странная сухость. Король шагнул вперед, переступая через осколки, и медленно развел руки в стороны. Другого приглашения мне и не требовалось.

Не задумываясь о том, насколько это прилично (а точнее, насколько неприлично), я бросилась ему навстречу и, стрелой пролетев разделявшее нас расстояние, уткнулась носом в мужскую грудь. Прикрыв глаза, вдохнула сводящий с ума аромат, прислушалась к стуку его сердца и расплылась в ответной улыбке. Глупой, наверное... хорошо, что он не видел.

Ладонь в бархатной перчатке легла мне на спину, вынуждая прижаться еще сильнее к неожиданно горячему телу. Другой рукой он убрал с моей шеи волосы и пробежался пальцами по коже. Вверх-вниз... до низа лопаток, а потом обратно. Тело отзывалось на ласку легкой дрожью, головокружением и слабостью в ногах. Колени подкосились, и, если бы не его объятия, я бы рухнула на холодную гладь зеркального пола.

Зеркального... в голове непрошеной гостьей возникла совершенно неприличная мысль. Даже не мысль, а эротическая фантазия, в результате которой щеки вспыхнули, а внизу живота зародилась сладкая истома. Ласки короля с каждой секундой становились смелее. Его руки скользили по моим обнаженным плечам, спине... опускались ниже, попеременно гладя и сжимая прикрытую юбкой часть тела... слишком короткой и пышной юбкой, которую так легко смять или сдвинуть. Когда пальцы Кристиана коснулись моих бедер, я поняла, что еще немного – и посетившая меня фантазия осуществится. Потому что скоро он уже не сможет остановиться, а если и сможет, я ему не позволю. Все, что хотелось сказать, спросить, напрочь вылетело из головы. Я наслаждалась близостью своего синеволосого соблазна, млела от его умопомрачительного запаха и купалась в горячих волнах взаимного желания. Прижимаясь губами к его шее, торопливо расстегивала жилет. Точно кошка, пригревшаяся в ласковых

руках хозяина, вонзала коготки в широкие плечи мужчины, игнорируя тонкую преграду синей ткани.

Упрямая застежка на его одежду так и осталась не до конца побежденной, потому что в разгар особо жарких ласк король сжал одной рукой мои волосы на затылке и, оттянув назад, заставил посмотреть ему в лицо. В желтых глазах с расширенными зрачками плескался океан обжигающей страсти. Взглянув лишь раз, я утонула в этом омуте навсегда.

Наклонившись, его величество с хриплым стоном принял меня целовать. То нежно, то жестко, то медленно и осторожно, то яростно, до боли впиваясь в податливые губы. Он скользил по ним языком, сминал их, покусывал и снова переходил на легкие касания, дразнящие и игривые. Не выдержав пытки, я перехватила инициативу, и от нашего порочно долгого поцелуя лично у меня окончательно снесло крышу.

Больше всего на свете сейчас мне хотелось быть с этим мужчиной: всецело принадлежать ему и знать, что он тоже мой. Только мой! Как давно возникло это притяжение? После освобождения от оков игры или с первой нашей встречи? Он привлекал меня всегда, но здравый смысл стойко держал оборону, не давая разгореться пожару из искры таких заманчивых и опасных отношений. Сейчас же я была на пике эмоционального возбуждения, и возведенная инстинктом самосохранения стена все-таки дала трещину. Да что там трещина... стена разлетелась вдребезги, обнажив истинные чувства и желания. Я, как та бабочка, что летит на огонь, отдала себя во власть существа, от которого следовало бы держаться подальше. Но скоро, очень скоро Крис вернет меня домой, выполнив условия игры, а мне так хочется унести с собой именно *это* воспоминание: он и я в вихре всепоглощающей страсти, я и он в окружении бесконечных зеркал...

«Ника, очнись!» – сквозь штурмовые волны возбуждения пробился тихий голос здравого смысла. Послав его подальше, я принялась покрывать поцелуями лицо короля.

«Не поддавайся соблазнам, Ника!» – тем же голосом взвыл инстинкт самосохранения, но тоже был послан по известному адресу. Однако в круговороте мыслей неприличного содержания мелькнула одна интересная – голос-то у всех ораторов подозрительно похож на... голос Кристиана!

Когда же в общий хор ввязалась моя драгоценная шизофрения, выдав что-то вроде: «Хватит получать удовольствие в одну... в одно лицо, Вероника!» – Я чуть не упала, резко оттолкнувшись от короля. Так мое имя произносил только один мужчина, и если его слова звучат в моей голове, то... Мама дорогая! Я все еще на пятом уровне проклятой игры! А король отражений, судя по всему, и есть моя сокровенная мечта. Та самая, в

наличии которой я боялась признаться даже себе. Кошмар! Лучше бы про мир во всем мире грезила.

Вырваться из объятий чересчур материальной иллюзии оказалось совсем не сложно. Словно сообразив, что его раскусили, мой без пяти минут любовник превратился в бледную копию оригинала. Холодную и прозрачную. Отпустив меня, это порождение зеркального королевства постепенно растаяло, подарив на прощанье тусклую, ничего не выражавшую улыбку. А я осталась стоять на месте, с ужасом осознавая, что все его эмоции и поступки были отражением моих собственных желаний. Позор на мои седи... э-э-э... на мои пурпурные лохмы! Как теперь смотреть в глаза настоящему королю? Как говорить ему спасибо за эти мысленные посылы? Тогда, в могиле, и сейчас... он ведь дважды спас меня, не позволив сдаться или, наоборот, слишком увлечься своим счастьем. Но делать нечего, нам придется поговорить, чтобы я смогла озвучить королю отражений свое желание.

Глубоко вздохнув, я зажмурилась, посчитала до десяти, чтобы немного успокоиться и, открыв глаза, начала искать темную арку выхода. Она оказалась справа от меня, сразу за большим зеркальным кубом. Проходя мимо него, бросила взгляд на свое отражение и чуть не споткнулась, увидев полное решимости лицо с чуть закусенной нижней губой и широко раскрытыми глазами... цвета расплавленного золота. И как я такой раскрасавицей к маме на порог заявлюсь? Доказывай потом, что эти «линзы» не снимаются, а волосы и брови – не что иное, как результат роковой ошибки парикмахера. Все! Пора домой. Заигралась.

Король отражений молча сидел на троне, чуть опустив голову, отчего верхняя часть его лица была скрыта тенью от неровной челки. Расслабленная поза, серебристо-серые одежды и блеск изящных цепей на полуобнаженной груди... сейчас его образ больше чем обычно соответствовал статусу повелителя этого мира. Даже огненные блики, скользящие по его коже и отражающиеся яркими вспышками в металлических деталях костюма, не могли перебить ощущения холодной отстраненности, исходящей от мужчины. Я так и застыла на расстоянии десятка шагов от мраморных ступеней, ведущих к нему. Передернула плечами, прогоняя легкий озноб и внезапно появившуюся робость.

Тишину нарушали лишь мерное тиканье гигантских часов да тихое постукивание обтянутых черным бархатом пальцев. Перчатки и сапоги, пожалуй, были единственными темными пятнами в новом облике Кристиана. Даже синие волосы, казалось, стали светлее и... серее, что ли? А может, это просто игра теней или шутка моего больного воображения?

Король сидел, глядя в пол, я смотрела туда же, изредка бросая косые взгляды на мужчину. И мы оба не делали никаких попыток начать беседу. Затянувшееся молчание начинало давить на нервы. Поэтому, набравшись смелости, я заговорила первой.

– Спасибо, ваше величество, – голос предательски дрогнул.

Крис резко вскинул голову, очнувшись от задумчивости, и уставился на меня:

– Почему «ваше»? – удивился он, а мне казалось, спросит: «За что?»

– Не знаю, – пожала плечами я. – Вы так... такой... – помахала рукой, пытаясь выразить словами свои ощущения, но так ничего подходящего и не смогла придумать, – король отражений, – беспомощно улыбнулась и отвернула взгляд.

Про его поистине королевские холодность и отчужденность добавлять не стала. Может, сам оттает? А если нет, то это даже к лучшему. От неприступной особы голубых кровей уйти проще, чем от живого мужчины с бездной нечеловеческого обаяния.

– Я прошла пятое испытание? – спросила, так и не дождавшись ответа. Он кивнул. – И что это означает? Вы...

– Ты! – перебил король, треснув сжатым кулаком по несчастному подлокотнику. – Мы давно перешли на «ты», я не возражал. Может, хватит теперь изображать из себя светскую леди, Вероника? – в его речах мне почудилась горькая насмешка. – Еще реверанс для полного счастья сделай, корол-л-лева, – последнее слово он произнес с особым выражением, будто пробовал его на вкус, и вкус этот ему явно нравился.

И как это понимать? Неужели решил, что заполучил преемника? Чертова душа!

– Реверанс в исполнении курицы, которая не парень? Вот уж увольте, – протянула я, глядя, как по бледному лицу собеседника расплывается улыбка при воспоминании об одном из первых уровней игры. – Зачем позориться на прощанье? Лучше просто постою тут, на тебя, твоё величество, полюбуюсь, пока ты будешь исполнять мое желание. Я ведь выиграла, да? Хочется получить награду.

– И что тебе надо? – вновь став серьезным, спросил Кристиан.

– Вернуться домой, – ответила уверенно.

Он поморщился, о чем-то размышляя, и, прищурившись, уточнил:

– Просто вернуться домой, и все? А почему не «вернуться домой и разбогатеть»? Другой вариант: «вернуться домой и стать самой известной девушкой в стране». Хотя лучше так: «вернуться домой и... встретить свою истинную любовь». Или ты ее уже встретила?

Между нами было метров пять, если не больше, а я чувствовала его пристальный взгляд, будто он смотрел прямо в глаза, стоя совсем близко. Даже не в глаза – в душу. Воспоминание о наших ментальных диалогах напугало не меньше, чем этот прожигающий насквозь взор. Что, если...

– Ты читаешь мои мысли? – озвучила я свое опасение.

– Неужели угадал? – фальшиво удивился король.

– Нет, просто решила уточнить. Там... на пятом уровне игры... Ты ведь говорил со мной, верно? Телепатически.

– И что?

– Ну, если тебе удалось дважды влезть в мою голову тогда, что мешает сделать это сейчас? – Я замолчала, гипнотизируя его пристальным взглядом.

– Нет, – вздохнув, проговорил Кристиан, – мысленный контакт возможен только на достаточном расстоянии и, ко всему прочему, требует больших энергетических затрат. Так что не переживай, маленькая, твои мысли я прочесть не смогу. Разве что... они будут написаны на твоем очаровательном личике.

Чуть успокоившись и придав «очаровательному личику» выражение «морды кирпичом», я снова перешла к интересующему меня вопросу:

– Если тебе так надо, чтобы у «вернуться домой» было продолжение, хорошо! Верни меня туда, откуда похитил, и сделай так, чтобы я защитила в следующем году диплом на отлично. Пойдет?

Он натянуто улыбнулся и медленно поднялся с трона.

– Зачем тебе уходить? Что тебя там ждет?

– Родные, друзья... моя привычная жизнь!

– А здесь есть твоя преданная свита, магия и... я, – спустившись на одну ступеньку, проговорил король.

Мне стало смешно.

– Ты? Ха! А разве не ты собирался бросить на меня свое королевство и, получив свободу, отправиться в земной мир?

– Была такая идея, каюсь. – Он сделал еще один шаг вниз и снова остановился.

– Что значит «была»? – я насторожилась.

– То и значит. Я передумал.

– Так, – смеясь мне расхотелось, – с этого момента, пожалуйста, поподробнее, Твое Непредсказуемое Величество.

– Какие тебе нужны подробности, Ника? – охотно отозвался он.

– Насколько мне известно, у королевства отражений должен быть только один правитель. И если ты решил остаться, то к чему этот разговор?

Раз я тоже стала королевой, значит, лишняя в этом раскладе. Или нет?

– Не совсем так, – ленивой походкой он преодолел оставшиеся ступени и медленно двинулся ко мне. Я же с трудом удержалась, чтобы не попятиться. – Пятое испытание, как ты знаешь, делится на две части. Игрок, победивший свой страх, получает в подарок магический дар королей в зачаточном состоянии, – моя рука непроизвольно коснулась солнечного сплетения, ощущая тепло невидимого «солнышка». – А пробуждение и усиление его происходит во время испытания мечтой. Тебе говорили, что достаточно пройти четыре с половиной уровня игры, чтобы стать королевой? – Я кивнула. – Так вот... практически все правители королевства, включая меня, застревали в своих грезах. И пока они были пленниками комнаты отражений, их магические способности росли и развивались. Наигравшись вдоволь в осуществление своих сокровенных желаний, будущие короли покидали зеркальную ловушку и садились на освободившийся трон. Если тринадцатый вызывающий не возвращался в назначенный срок, это означало, что он поддался чарам магических зеркал. Поэтому королевство отпускало предыдущего короля в мир игрока, принимая замену. Так что, маленькая, если бы я хотел уйти, оставил бы тебя в объятиях твоей мечты, – сказал Кристиан, застыв в полу шаге от меня.

От двойного смысла его последней фразы я покраснела. Губы мужчины дрогнули, растягиваясь в коварной улыбке, а желтые глаза насмешливо сверкнули.

– То есть я не стала полноценной королевой, раз закончила игру раньше времени? – стараясь скрыть смущение, спросила его.

– Пока не стала, – он сделал ударение на первом слове и, ласково коснувшись кончиками пальцев моей щеки, добавил: – Если останешься здесь, твой дар раскроется. Просто это займет какое-то время и потребует обучения, но...

– Понятно, – оборвала я. – Заманчивое, конечно, предложение, однако дома обо мне волнуются и ждут. Там меня любят и ценят. А здесь мной играют. Извини, но я не пешка на шахматной доске. Мне надо вернуться! – сказала решительно, стараясь не думать о том, как безумно хочется остаться с ним и жить по законам волшебных сказок долго и счастливо. Хорошо все-таки, что король не читает мысли.

– Вернуться в скучный серый мир? – спросил синеволосый собеседник.

– Серый?! Кто бы говорил! Ты сам туда собирался сбежать, – возмутилась я.

- Но вовремя передумал.
- С чего вдруг, кстати?
- Решил, что ты слишком хрупкая, чтобы бросать на тебя одну целое королевство.
- Какая забота! – съязвила я, глядя на него снизу вверх. – Какие жертвы!
- Вот-вот... А какая в ответ неблагодарность! – передразнил он, копируя мой тон.
- Ты исполнишь мое желание?
- Которое? – его бровь насмешливо выгнулась, а на лице возникло такое невинное выражение, что я взбесилась.
- Домой! Отправь меня домой, Крис-с-стиан!
- В таком виде? – Он поддел пальцами мою пурпурную прядь.
- Я недовольно мотнула головой, отступая.
- Перекрашусь.
- Не получится. Ни одна краска не забудет цвет, подаренный магией отражений.
- Значит, сменю имидж. А что? Креативненько так, мне нравится. Хватит зубы заговаривать, твое величество, ты обещал выполнить желание. Верни уже меня домой, а?
- Это окончательное решение? – от его голоса повеяло зимней стужей.
- Да! – поспешил я, боясь передумать.
- Отлично! – Король отступил на шаг и, махнув рукой в сторону одного из настенных зеркал, бросил: – Выход там, Вероника.
- Ника, меня зовут Ника! – После его холодных слов на сердце накатила такая беспросветная тоска, что я была готова расплакаться. За что боролась, на то и напоролась. И чего, спрашивается, раскисаю? Мечты мечтами, но мозги-то тоже должны работать! Что может ожидать меня в сюрреалистическом мире, в котором уже есть один король? Да ничего хорошего! – Удачи, Крис! – сказала я и, развернувшись, пошла в указанном направлении.
- А поцелуй на прощанье? – донеслось из-за спины.
- Постояв пару секунд на месте, я оглянулась и послала ему воздушный поцелуй.
- Останься, Ника, – попросил мой синеволосый искуstтель.
- Плохая идея, – отозвалась я.
- Ты нужна своей свите...
- ...как собаке пятая нога.
- Ты нужна мне...

- ...сказал садист мазохистке.
- Ты не сможешь больше сюда вернуться. Никогда!
- Это особый вид страховки от несчастных случаев, вызванных недостатком адреналина в крови?
- Что? – не понял король.
- Я имела в виду, что таким образом оберегается жизнь больных на голову игроков, которые, вернувшись домой, однажды могут снова захотеть поиграть в салочки со смертью.
- Останься со мной, – повторил свою просьбу мужчина.
- В качестве любимой игрушки или домашнего щенка, который будет сидеть на ступенях возле трона и преданно заглядывать в глаза?
- Гм... какие интересные у тебя фантазии, маленькая, – устало усмехнулся король и не удержался от шпильки: – Я думал, про мазохизм ты пошутила.
- Я и про садизм пошутила лишь отчасти, делай выводы, Твое Проницательное Величество. Ладно, пойду. С тобой хорошо, но дома лучше, – проговорила с наигранной беззаботностью и снова зашагала к зеркалу, по которому легкими волнами заскользила темная рябь.

– Что ж, – задумчиво протянул собеседник за моей спиной, – раз ты все уже решила, иди и не оборачивайся, Ника.

Ну и зачем он это сказал? Чтобы пробудить во мне дух противоречия? А вот не выйдет! Я успела сделать еще три уверенных шага к зеркалу, как вдруг оттуда выскоились четыре бесформенные тени и, зависнув на мгновение, рванули мне навстречу. Инстинктивно отпрянув, замерла, в ужасе глядя на то, как несущиеся на меня сгустки мрака превращаются в огромных черных псов. Все произошло слишком быстро. Эти жуткие создания промчались мимо, и мучивший меня вопрос, что лучше сделать: притвориться статуей или бежать прятаться за спину короля, отпал сам собой. Впереди призывно темнел портал, обещая свободу, а позади раздавались рычание, треск и сдавленный стон... короткий, хриплый, будто сквозь стиснутые зубы.

Что б тебе пусто было, величество! Как, по-твоему, я должна не оборачиваться?!

Здравый смысл вопил, требуя немедленно уходить. Но я, вопреки его доводам, оглянулась. Глаза расширились от ужаса, тело оцепенело, а в голове заметалась истерическая мысль: «Бегом! Бегом отсюда! В безопасность родной комнаты, в предсказуемость привычного мира... в портал! В портал, из которого вылезают подобные твари. Жуть!»

Обнаружив противоречие в собственных командах, инстинкт

самосохранения благополучно заткнулся, оставив меня один на один с ощущением полной беспомощности. У подножия высокого трона синеволосый король отбивался от четверки призрачных псов, клыки и когти которых оставляли на его теле совсем не призрачные раны. А я в оцепенении смотрела на все это и не знала, чем ему помочь. Обычная девушка или королева с даром в зачаточной стадии? Какая разница, если нет ни силы, ни опыта, ни гениальных идей – ничего, кроме страха и непонимания происходящего. За что его так? Почему? Кто? И что, черт возьми, мне делать?!

Окровавленный и в изодранной одежде, Кристиан продолжал воевать с собакоподобными монстрами. Одних он распылял световой вспышкой, других просто отдирал от себя и откидывал в сторону. Но стоило этим мерзким порождениям мрака приземлиться на гладкий пол, как они снова восстанавливались и бросались в атаку. Неубиваемые твари! Без плоти и крови, но от этого не менее опасные.

Неужели игра таким образом мстит королю за вмешательство в мое пятое испытание? Или все это очередная иллюзия? Может, дверь из комнаты отражений была фальшивкой? Вдруг тот портал, куда меня только что отправил Крис, и есть настоящий выход? Не из королевства отражений, а из игры!

Один из псов, улучив момент, подскочил сзади к мужчине и, высоко подпрыгнув, разорвал зубами его шею. Король на мгновение замер, затем с яростным рыком принял раскидывать противников, чтобы, отправив в долгий полет последнего из них, поднять наконец голову и посмотреть на меня. Слишком далеко, чтобы разглядеть выражение его глаз, но достаточно близко, чтобы заметить улыбку безумца, играющую на забрызганном кровью лице. Она так и осталась на нем, как приклеенная, когда Кристиан рухнул, потеряв сознание.

Я инстинктивно дернулась к нему, даже пробежала пару шагов, но снова застыла, увидев, как распластавшееся на полу тело окружают псы. Но стоило им с довольным урчанием нависнуть над женщиной, как у меня будто что-то перекнуло в голове: забыв об осторожности и страхе, я бросилась разгонять празднующую победу свору.

– Ми... ми-и-илье собачки, – пробормотала, осознав абсурдность своего поступка, – кыш, кыш отсюда!

Четыре пары алых глаз не мигая смотрели на меня как на полную идиотку, где-то с минуту. За это время я успела мысленно перебрать несколько особо жестоких способов моей смерти от клыков и когтей теневых созданий. Когда одно из них фыркнуло, а второе зевнуло, я нервно

сглотнула. А когда все четверо гордо развернулись задом и, махнув на прощанье хвостами, потрусили прочь, осела на пол рядом с бесчувственным королем. Проводив псов взглядом до самой стены, в которой они растворились так же легко, как недавно вынырнули из зеркала, принялась осторожно тормошить раненого Кристиана.

Но на мои попытки привести его в чувство король не реагировал. Он так и лежал с улыбкой на бледных губах, с уголка которых и до самого уха тянулась тонкая алая струйка. Блестяще! Этот гад сейчас у меня тут кровью истечет, а я даже не знаю, кого следует позвать на помощь. Мы одни в зале, а может быть, одни в целом отражении. Я не медик, а он почти труп. Что же делать-то?

Всхлипнув, проверила голубоватую жилку на шее, как раз над жуткой царапиной, оставленной монстром. Она пульсировала настолько слабо, что в первый момент мне показалось, будто король умер. Я чуть с ума не сошла от страха, прежде чем поняла свою ошибку. Но первая волна облегчения и радости сменилась второй, и в ней были намешаны беспокойство за его жизнь, вина за возможную причастность к случившемуся и... полнейшее нежелание терять этого мужчину.

– Игра, ты слышишь меня? – воскликнула в отчаянии. – Я желаю, чтобы раны Кристиана зажили и он снова стал здоров, – сказала, смахивая с ресниц слезы. – Сейчас... зажили. Крис, ты ведь обещал... обещал выполнить мое желание, – проговорила тише. – А я хочу именно этого! Ну пожалуйста, очись! – жалобно всхлипнула, нахмурилась и, решив сменить тактику, завопила на весь зал: – Хватит валяться, Твое Своловочное Величество! Немедленно приходи в себя!

– Зачем же так кричать, маленькая? – поморщился этот «умирающий лебедь», открывая глаза, а потом снова улыбнулся. Ласково так, аж сердце сжалось.

Смотреть на его губы хотелось часами, а лучше не только смотреть, но и поцеловать. Пф... о чем я думаю? Мужик весь израненный... так, стоп... повреждения-то затянуло, пока я физиономию короля изучала. И что это значит? Желание выполнено?

Резко оглянувшись, поняла – портал исчез, на его месте, как и прежде, висело обычное зеркало. Не то чтобы я жалела о содеянном, но стало как-то не по себе.

– Что за твари на тебя напали? – спросила я мрачно.

– Стражи королевства отражений, – ответил он и, сев, принял ся стягивать с себя испачканную кровью рубашку.

– И чем ты им не угодил? Почему они тебя чуть не разорвали? –

удивилась я, стараясь не смотреть на обнаженные мужскую грудь и плечи.

– Ну, – он чуть замялся, а потом на полном серьезе проговорил: – Я их попросил.

– Что?! Ты… что сделал? – Мысль о слуховых галлюцинациях росла и крепла, пока этот синеволосый мазохист не убил ее одной репликой.

– Попросил на меня напасть, – спокойно сказал он и щелкнул пальцами. От ближайшей стены отделилась уже знакомая тень, приняла на ходу форму собаки и, преданно виляя хвостом, опустилась на пол рядом с Его Больным-на-голову Величеством, не забыв при этом лизнуть королевскую длань. – Они мне, естественно, не отказали, – закончил собеседник, потрепал псину по голове, после чего отправил ее жестом обратно. Та покорно поднялась, развернулась и была такова.

– Зачем? – голос мой не дрогнул, лицо, надеюсь, не выдало.

– Хотел узнать, что значу для тебя.

– Узнал?

– Да. Я тебе дорог.

– Будь на твоем месте кто-то другой, я бы тоже бросилась его спасать. Так что не обольщайся. И раз уж ты все, что хотел, выяснил, теперь, будь добр, верни меня домой.

– Не могу, – Кристиан безмятежно улыбнулся. – Ты изменила желание, я его выполнил. А в нем о доме не было ни слова. Прости, но таковы правила, Ника. Ты не сможешь покинуть наше королевство.

– Убью, – сказала я и с решимостью маньяка потянулась к его шее.

– Приступай, – охотно поддержал идею он и, откинувшись назад, поудобней улегся на забрызганном кровью полу. – Забыл сказать: короли отражений бессмертны.

– С-с-сволочь! – со злобным шипением я стиснула пальцами его шею, на что моя жертва лишь хрюпlo рассмеялась и, закинув за голову руки, прикрыла глаза, явно намереваясь наслаждаться процессом собственного удушения. Стало так обидно, что, бросив это неблагодарное занятие, я чуть отстранилась, а потом со всего маху влепила ему пощечину. Крис резко поднялся, снова сел и хмуро уставился на меня.

– За что?

– За то, что украл мое желание.

– Я не крал, – возмутился он. – Ты сама его на меня истратила.

– А ты все подстроил! Ты ведь мог вылечить себя и без моей помощи, да?

– Само бы заросло, – криво усмехнулся он.

– Р-р-р… – нормальные слова у меня закончились.

- Не надо на меня рычать.
- Я тебя сейчас покусаю.
- Ну если нежно, то давай, – согласился король.
- Убью.
- Повторяешься.
- Р-р-р-разорву!
- С этим тебя уже опередили.

Его откровенно забавлял наш диалог, я же продолжала внутренне кипеть, пока наконец не перекипела.

- Ты лишил меня права выбора! – сказала с укором.
- Неправда. Я дал тебе выбор, отпустил домой и даже велел не оборачиваться. Но любопытство, видать, сгубило кошку.
- При чем тут любопытство? Я испугалась за тебя, а ты... ты этого не стоил! Зато родители теперь получат инфаркт от беспокойства за меня.
- Не получат. Я передам им твое письмо.
- Письмо? – я опешила. – Разве так можно?
- Можно. Мне можно. Тебе тоже будет можно, но позже, когда дар разовьется полностью.
- Я смогу бывать дома? – Вечер сюрпризов набирал обороты.
- Недолго. Чтобы изучить прототип будущих отражений, мы должны их видеть. Поэтому правила разрешают королям кратковременные визиты в другие миры, – пояснил мужчина. – Но, к сожалению, есть строгий лимит времени.
- Обалдеть! – Я удивилась и обрадовалась одновременно. А еще поняла, почему его величество так спокойно говорил, что выживет в двадцать первом веке. Еще бы! Он ведь, оказывается, с ним хорошо знаком.
- Но не следует об этом болтать, – предупредил Кристиан и, реагируя на мой немой вопрос, пояснил: – Не хочу менять профессию с короля на почтальона. Так что тс-с-с, маленькая, – он приложил к губам палец и подмигнул мне: – Пусть это будет нашей тайной, моя королева.
- Я не твоя, – возразила упрямо.
- Моя, раз сидишь тут, – парировал король.
- А если бы вошла в то зеркало?
- Оказалась бы в комнате, откуда была похищена. Но ты не вошла, – улыбнулся он и ласково коснулся моих растрепанных волос. – Ты осталась... со мной.
- Но зачем? Зачем я тебе нужна? – простонала, чувствуя, что препираться с этим типом можно до бесконечности. – Неужели еще не наигрался?

– Вся жизнь – игра, а у нас с тобой жизнь вечная, – уклончиво ответил он.

– Скучно-то как, – скривилась я. – Торчать вечность в отражениях. Разве нет никакого способа умереть?

– Может, и есть, – продолжая загадочно улыбаться, произнес Кристиан, – но я тебе его не скажу. У тебя на мордашке написано, на ком испытывать эти знания будешь.

Не выдержав, я рассмеялась. Разгадал, значит, коварный план... ну-ну.

– Ладно, – произнесла, немного подумав, – раз уж мне придется тут оставаться, просвети, пожалуйста, что меня ожидает?

– Хм... – теперь настала его очередь раздумывать. – А чего бы тебе хотелось?

– Как чего?! – притворно удивилась я. – Полкоролевства, коня, принцесс... э-э-э, ладно, обойдемся без принцессы. Но хорошего наставника обязательно, чтобы помог разобраться с даром.

– Зачем тебе половина? – чуть подавшись ко мне, мужчина предложил: – Забирай все отражения вместе с королем. – Я окинула взглядом торс мужчины в кровавых разводах, задержалась на трех цепочках разной длины и формы, которые висели на его груди, после чего мотнула головой, чтобы избавиться от наваждения, но он воспринял этот жест как отрицание, что оказалось даже кстати. – Моим миром всегда правили мужчины, – продолжал убеждать Кристиан. – Ты первая женщина, получившая дар. Равная мне по способностям, которые очень скоро разовьются и усилятся. Мы станем хорошей парой.

– Тебе женщин мало?

– Женщин много, ты – одна, – серьезно сказал он. – Ну же, Вероника, соглашайся. – Я молчала, и он раздраженно рыкнул: – Можешь сколько угодно дуться, маленькая, но мне хорошо известно, о чем ты мечтаешь.

– Убью! – в третий раз за сегодня выдохнула я, заливаясь краской.

– Водички хочешь выпить? – Он плавно поднялся и протянул мне руку. – Идем, Ника. Искупаемся, поешь... подбреешь, может?

– Кристиан! – даже не думая вставать, заявила я.

– М-м-м?

– Я хочу половину твоих территорий и хорошего учителя, – упрямо тряхнула волосами и уставилась на него. – Ты мне должен, признай. И вот еще что... подсмотренная тобой сцена ничего не значит. Всего лишь адреналин и взбесившиеся гормоны, после жуткого кошмара любой нормальной женщине хочется расслабиться и почувствовать себя защищенной. Так что...

– Да-да, я понял, – кивнул он, но по глазам было видно – не поверил ни одному слову. Ну и ладно!

– Так отдашь часть отражений жертве твоего королевского произвола, то есть мне? – я решила сменить тему. Говорила вроде как шутливо, сама же до дрожи боялась услышать отказ.

– Хорошо, – покладисто согласился мужчина, и я выдохнула с облегчением. – Будут тебе отражения. И учитель тоже будет, – устав стоять в ожидании, он чуть прогнулся назад, разминая мышцы. Красивый, гад! Не выдержав этого зрелища, я отвернулась. – В свите предыдущего правителя традиционно есть носитель знаний, он и преподает теорию преемнику после ухода хозяина.

– И кто в твоей свите носитель?

– Иллар. Но тебя будем обучать мы оба, маленькая. – Кристиан многозначительно улыбнулся.

– А когда стану полноценной королевой, ты должен будешь уйти из мира отражений? – игнорируя его заявление, спросила я.

– Зачем?

– Так другие же короли уходили, – я немного растерялась.

– Потому что хотели уйти. Но ты права, не дело это, чтобы миром отражений правили два короля, а вот венценосная пара – дело другое, – усмехнулся синеволосый соблазнитель и снова подал мне руку. – Пойдем уже, Вероника. Холодно тут, ты замерзла.

– Пришлешь ко мне Иллара? – вложив пальцы в его ладонь, я поднялась с пола.

– Куда это... к тебе?

– В мои владения, – сказала просто и, чуть подумав, уточнила: – В те, которые ты мне пообещал отдать.

– Хм... и как делить будем?

– Разыграем в карты?

– Любопытная мысль. Сдается мне, что ты начинаешь проникаться атмосферой своего нового дома.

– О да-а-а! Вот после ужина и начнем играть.

– Я думал, что после ужина у нас другие планы.

– Действительно... надо выпспаться, – демонстративно игнорируя его намеки, согласилась я. – Ладно, тогда сыграем за ужином. Только ты поклянешься, что не будешь жульничать и покажешь мне при этом руки. Договорились?

– Как пожелаешь, моя королева, – хитро щурясь, кивнул король.

Легкую победу предвкушает, зараза синеволосая. Ну и пусть. А то, что

мой горячо обожаемый дедушка – президент клуба любителей покера, это моя маленькая тайна. Что ты там говорил, Твое Самоуверенное Величество? Вся жизнь – игра? Что ж, сыграем, дед не зря меня учил. Разделим отражения, обменяемся кое-кем из наших свит для обучения, шпионажа и прочих интересных занятий. Возможно, даже повоюем немного, чтобы не расслабляться, но только без жертв. Их хватает и на жуткой игре, от которой пока можно отдохнуть. А потом, когда действительно стану тебе ровней, Крис, а не забавной игрушкой, я, так и быть, соглашусь на партию в любовь.

Анна Одувалова

Алкохимия, или Софа-катастрофа... и философский камень

О том, что грядет зачет по алхимии у вредного магистра Ренара, я, к сожалению, вспомнила слишком поздно и тут же кинулась на поиски того, кто сумеет мне хоть чем-то помочь. Так как жила я не в общежитии, а снимала небольшую комнатку на чердаке у тетушки Мирины, сначала

пришлось пройти квест: проберись в общагу после одиннадцати часов вечера. Но схема была уже давно отработана, внутрь я попала без проблем, а добрые девчонки из моей группы сжалились и пожертвовали тетрадку с конспектами. Правда, дала Лорена, а почерк у нее такой, что нередко она сама не могла расшифровать, что написала. Но выбора не было, приходилось радоваться и этому.

К зачету нам требовалось создать философский камень. Конечно, от студентов-третьекурсников никто не ждал открытий чудных, поэтому достаточно было сотворить нечто, хотя бы отдаленно его напоминающее. Задание на самом деле несложное, но делать его все же лучше заранее, а не ночью перед сдачей, когда глаза слипаются и есть одно желание – упасть на кровать в обнимку с подушкой.

Мне повезло. Квартирная хозяйка уехала с ночевкой к кому-то из дальних родственников, и дом оказался в моем распоряжении до утра. Хозяйская спальня и даже холодильник меня не интересовали, зато в кладовой вполне могло найтись все, что необходимо для алхимического эксперимента.

Перегонный куб я наскоро смастерила из самогонного аппарата тетушки Мирины, и уже на этом этапе стоило бы насторожиться, так как в кои-то веки у меня получилось что-то сделать с первого раза. И это что-то даже работало.

Но магистр Ренар на занятиях признался, что для алхимических экспериментов вовсе не обязательно иметь специальное и дорогое оборудование. Подойдет любой дистиллятор. Я и использовала первый подвернувшийся.

За окнами уже давно наступила ночь, и я торопилась. Пытаясь разобраться в караулях Лорены, закинула ртуть, которую специально для таких случаев хранила в маленькой коробочке с плотной крышкой. Добавила небольшой кусочек олова, селему, серу. Потом в ход пошли ингредиенты, которые можно было найти на любой кухне. В списке обнаружился даже сушеный розмарин, сахар и две щепотки дрожжей. Девятый пункт пришлось пропустить, потому что его Лорена написала непонятно на каком языке. Но мы его точно не проходили, и я эти орочьи иероглифы не разбрала. А вот с десятым – шкурой змеи – возникли проблемы.

Сомневаюсь, что добропорядочная хозяйка Мирина хранит у себя в кладовке подобную гадость. Лучше бы магистр Ренар в рецепт включил мышь. Мышь хотя бы теоретически можно найти в мышеловке в подполье, а шкурку змеи где взять? Ни одна алхимическая лавка в три часа ночи не

работает. Да и денег до стипендии осталось преступно мало – жалко тратить на разные непонятные вещи.

Найденный под крыльцом жирный дождевой червь змеиную шкурку заменить не мог, и я это понимала. Зато он сам внешне в темноте походил на змею, поэтому я зажмурилась и кинула его в булькающую, уже перегнанную жидкость. Переливать из чана пока не стала, а, как и указано в рецепте, убрала на четыре часа в темное прохладное место – в кладовку.

Теоретически из этой бурды к утру должен был получиться камень. Желания он, конечно, исполнять не будет, но, возможно, хотя бы окажется красивым. Жидкость сейчас цвет имела зеленоватый, мутный и иногда в ней вспыхивали серебристые сполохи, так что шансы были неплохие. А то обычно у меня выходило серо-буро-малиновое нечто, которое и показать приличным людям стыдно.

Магистр Ренар всегда говорил: «Софэя – ты самая настоящая катастрофа! И почему в нашей академии нет факультета вредителей? Там бы ты была отличницей!»

Но надеялась я зря. Сегодняшний алхимический эксперимент не был исключением. Вообще, я бы удивилась, если бы у меня все получилось так, как я задумывала. Утро принесло новые проблемы. То, что я вчера перегнала, на камень не походило совсем. Жидкость так и не загустела.

Что тому было виной, печально болтающийся на дне червяк, самогонный аппарат или моя криворукость, я не знала. Времени исправлять содеянное не было, и пришлось перелить плоды своих трудов в литровую бутыль, чтобы принести на зачет хоть что-то. Червяка я хотела оставить, но он все же печально плюхнулся и неэстетично замер на дне бутыли. Выковырнуть его оттуда было невозможно, и я плонула на это бесполезное занятие. С червем или без, зачет я, кажется, завалила.

Мутная жидкость в колбе вспыхивала зеленым, бурлила и отчетливо воняла сивухой. Запах дешевого самогона не перебили даже апельсинные корки и коричные палочки, которые я туда сунула в надежде хоть как-то спасти положение. Я смотрела на бутылек и думала, как буду устраивать свою жизнь, если на этот раз меня все же отчислят. Содержимое бутыли выглядело как самогон, пахло как самогон. Даже вкус (признаюсь, макнула язык) имело весьма характерный и совсем-совсем не напоминало философский камень.

Я специально явилась позже всех, извинилась и просочилась на свое место, старательно прижимая к груди большую сумку. Мой коварный план заключался в том, чтобы тихонько просидеть до конца зачета и опозориться последней, когда уже никого из однокурсников не будет в аудитории.

Но тихонько – это не про меня.

– Ну что, Софа, вышло что-нибудь? – шепотом, который, мне кажется, был слышен даже в коридоре, спросила Лорена, и я в ответ скривила рожицу и неопределенно пожала плечами. Своими гримасами и шумными попытками устроиться поудобнее привлекла внимание преподавателя, и он тут же вызвал меня к себе со словами:

– Давай, Софэйя, перед смертью не надышишься.

– Ага, а вот опозориться успеешь, – буркнула я себе под нос, но все же послушно вышла в центр аудитории к кафедре. Выдохнула и достала из сумки плод своих трудов.

«Благодарные зрители» в лице моих однокурсников восхищенно выдохнули. А с последних рядов даже послышался вопль Марка – главного заводилы: «Софочка, ты в этот раз превзошла сама себя!»

Я не удержалась и показала аудитории неприличный жест. Магистр Ренар посмотрел на нас осуждающе, и снова воцарилась приличествующая зачету тишина.

– И вы считаете, это можно назвать философским камнем?

Преподаватель с презрительной улыбкой на губах изучал мою работу. В прозрачной бутыли объемом почти литр (только такую я смогла найти в кладовке квартирной хозяйки) болталась мутно-зеленая, временами вспыхивающая жидкость, которая даже с огромной натяжкой не могла претендовать на «зачет» по алхимии. Червяк на дне извивался из-за того, что содержимое бурлило. Смотреть на него было противно и немного жутковато.

– Аг-га... – проблеяла я, предчувствуя неминуемую пересдачу. Но что вышло, то вышло. Ничего другого я создать за эту ночь не успела. Не нужно было гулять весь предыдущий месяц, радуясь зеленою травке и теплому весеннему солнышку.

Понятно, от нас никто не ждал ничего сверхъестественного и не надеялся, что студенты-третекурсники совершают на зачете то, до чего алхимики так и не дошли за более чем трехсотлетнюю историю науки. Но я рассчитывала получить пусть не философский камень, но и не мечту всех алкоголиков района.

Магистр, видимо, лицезреть меня на пересдаче не хотел, поэтому предпринял последнюю попытку и открыл бутыль. Принюхался, удивленно вскинул черную бровь и посмотрел на меня подозрительно.

– Софэйя! Это же алкоголь!

– Я, правда, не специально-о-о! – взвыла я и услышала за спиной хихиканье сокурсников.

Вот зачем он про алкоголь так громко? Мало того, вместо Софы-катастрофы прозовут «самогонщицей», так еще и рецепт требовать начнут. А я в упор не понимаю, как у меня это получилось. Да и дозировку ингредиентов не помню. Сыпала щедрой рукой, сколько зацепилось.

Из аудитории я вылетала пулей под гогот однокурсников, расстроенная настолько, что боялась разрыдаться, а это стыдно, если ты учишься на третьем курсе и на пересдаче ходишь с завидной регулярностью. Бутыль мне, естественно, не вернули, ее магистр Ренар конфисковал, хотя я просила отдать. Тара была не моя, а принадлежала квартирной хозяйке. Теперь оставалось надеяться, что та не заметит пропажу. А то устанешь оправдываться, да и возмещать убытки придется.

Занятая нерадужными мыслями, я неслась, не глядя по сторонам и не разбирая дороги. Поэтому, когда налетела на кого-то в коридоре, равновесие удержать не смогла и некрасиво плюхнулась на пятую точку, безуспешно пытаясь рассмотреть сквозь упавшие на лицо рыжие кудри препятствие, возникшее на пути. Первым делом взгляд наткнулся на высокие шнурованные сапоги-берцы и плотные кожаные штаны. Никогда не понимала, как в них можно ходить. Жарко же! Особенно в теплые весенние деньки.

– Не ушиблись? – голос, тихий, с хриплыми завораживающими нотками, заставил застонать. Это был он. Эрис Нолдон – некромант, в которого я была безответно влюблена с первого курса.

Высокий, взрослый, с черными волосами и синющими глазами. Несбыточная мечта. Меня даже его чересчур выдающийся нос нимало не смущал. В моих глазах он лишь добавлял Эрису мужественности.

Только вот чувства я свои старательно игнорировала и никому о них не говорила, так как подобные Эрису не смотрят в сторону неуклюжих рыжих студенток. Он и в академии-то у нас появлялся исключительно потому, что был дружен с магистром Ренаром. Они учились на одном потоке. Только вот магистр к своим почти тридцати годам изрядно оплыл и отрастил кругленькое брюшко, а Эрис был подтянут и радовал глаз красивой фигурой. Работа у некромантов, в отличие от преподавательской, требовала физической силы и выносливости.

Мужчина дежурно мне улыбнулся, вежливо помог встать и скрылся за дверями аудитории, где все еще сдавала зачет моя группа. А я, чувствуя, что настроение упало ниже плинтуса, отправилась домой. Правда, по дороге зашла в чудесную кондитерскую на углу. Обычно я специально ходила домой другой дорогой, чтобы не искушать себя, но сегодня выпила огромную кружку капучино и засела умопомрачительно-нежным и вкусным

пирожным. Называлось оно «Страсть в ночи». Шоколад, сливки и клубничный джем, который символизировал кровь.

После трапезы стало легче, причем и на душе, и в кошельке. Но на кошелек в данный момент мне было наплевать. Не первый раз придется прожить неделю на сущие копейки. Зато сейчас я отвела душу. А то, что придется экономить, даже лучше. Если бы я могла есть такие пироженки каждый день, наверное, стала бы, как наша староста Иесса, необъятной.

Сейчас даже несдача зачета перестала видеться трагедией. Я знала, магистр Ренар, который ведет у нас алхимию с первого курса, испытывает слабость к нашей группе, поэтому не станет проставлять в ведомость «незачеты». Просто придется еще почтить его своим присутствием, и не раз. Он умел выжимать из студентов все соки. Впрочем, я с ним традиционно встречалась в сессию три раза. Ну вот почему эта сдача должна была стать исключением?

Вернулась к себе в чердачную комнатку уже после обеда и завалилась на диван с книжкой. Собиралась весь вечер читать и страдать. И по несданному зачету, и по некроманту, который, скорее всего, меня даже не запомнил. Хотя внешность у меня выдающаяся. Сияющие, словно пламя костра, волосы в толпе трудно не заметить. Только вот рыжие далеко не всем нравятся.

Я знала, что однокурсники обязательно сегодня соберутся у кого-нибудь в комнате в общаге, чтобы отметить сдачу зачета, но идти на это мероприятие не собиралась. Все еще была расстроена. Да и не хотелось терпеть пусть добродушные, но насмешки. Нет уж! Лучше проведу вечер в тоске и гордом одиночестве.

Впрочем, мечтам моим не суждено было сбыться. Едва только на улице стемнело, в окошко раздалось настойчивое скрябание, и я печально вздохнула. Если гора не идет к адепту, адепт сам идет к горе.

– Ну? Что нужно? – недовольно осведомилась я, высунувшись на крышу.

Ко мне пожаловала неразлучная троица – Марк, Леон и Викс, зacinщики всех общажных беспорядков. Сегодня парни явились верхом на подушках, которые заставили левитировать. Скорее всего, колдовал знатный любитель развлечений и по совместительству мой пылкий поклонник Леон.

Идиоты! А если заклинание в самый неподходящий момент откажет? Но такие мелочи парней не волновали.

– Софочка, как же ты могла сегодня не прийти? Мы так ждали! – заголосил Леон, пытаясь удержать равновесие на заметно вихляющей

подушке. Мне стало страшно, что он с нее свалится. Разве можно летать в пьяном виде?

«Летать на подушках вообще не стоит», – услужливо подсказал внутренний голос.

– Софа, – проникновенно начал Марк, проигнорировав горестные завывания друга. – Мы знаем, ты научилась делать самогон. Дай!

– С ума сошли?

– Ну, Софа-а-а! – заныл Викс. – Ты же все равно не сдала зачет, ну дай! Мы попробуем, что получилось. Магистр Ренар сказал, что в бутыли алкоголь!

– Вы совсем сбрендили? – задала я риторический вопрос. – Во-первых, представления не имею, что получилось, и пить это опасно. Кто знает, каким образом оно подействует?

– Магистр Ренар пробовал, – упрямо заявил Марк. – Если бы ты создала яд, думаю, он до конца зачета не досидел бы. Магистра бы как минимум пронесло. Но ничего не случилось. Он был бодр и свеж. Все со своим дружком черноволосым перешучивался!

– Это ничего не значит! – При упоминании «черноволосого дружка» сердце екнуло. – Но есть еще и во-вторых! – добавила я. – Магистр Ренар, если вы не заметили, забрал у меня бутыль. Если бы даже хотела, дать все равно бы не смогла.

– А что у тебя ничего не осталось? – искренне удивился Леон.

– Нет, конечно! Мне-то зачем?

Попытав еще какое-то время, парни все же оставили меня в покое и свалили, а я покачала головой и отправилась спать, удивляясь безалаберности своих однокурсников. Как можно хотеть выпить плод неудавшегося магического эксперимента? Неважно, что он пахнет как самогон, выглядит как самогон, и на вкус очень на него похож, но делала его я!

Уже это должно было насторожить. Наверное, даже к лучшему, что магистр догадался отобрать бутыль. А то бы парни не отстали, и пришлось бы отдавать, а потом мучиться всю ночь, гадая, не пострадал ли кто от моих алхимических экспериментов.

Троица, задорно улюлюкая, умчалась. Леон все-таки едва не сорвался со своей подушки, одетой в наволочку с забавными зайчиками, но в последний момент сумел поймать равновесие и выровняться. Я закатила глаза и захлопнула створки чердачного окна. Настроение читать нежную и плаксивую книжку про любовь куда-то пропало, не иначе как улетело на подушке вместе с парнями на поиски халявной выпивки. А я тоскливо

посидела на краю кровати, потаращилась на звездное небо и поняла – единственное, что мне остается (если я не хочу присоединиться ко всеобщей гулянке), это ложиться спать.

Едва только голова коснулась подушки, я отрубилась. Вопреки ожиданиям, даже нехорошие мысли после несдачи меня не мучили. Спала я всегда аки младенец, крепко, подсунув кулак под щеку.

Но приключения на этом не закончились. В разгар самого сладкого сна, в котором перемешался сюжет недочитанной книжки и синеглазый некромант, в дверь моей комнаты кто-то настойчиво постучал. Я испуганно подскочила на кровати и уставилась в темноту.

Не дожидаясь, когда разрешу войти, на пороге появилась жутко недовольная квартирная хозяйка в ночном чепце с рюшами и со свечой в руках.

– Софа! Это наглость! – сонно заявила она. – К тебе еще на ночь глядя будут преподаватели таскаться? Иди вон, встречай, внизу в гостиной расположились!

– Преподаватели-и-и-и?.. – шокированно протянула я, не понимая, это сон вдруг из романтичного стал бредовым или все происходит наяву.

– Да! Целых два! – фыркнула она и исчезла, а я прямо как была, в розовой фланелевой ночной сорочке до пят, помчалась вниз по лестнице. За спиной огненным флагом развевались волосы, босые пятки задорно шлепали по половицам, а я пыталась сообразить, что же такого натворила и кто ко мне в ночи пожаловал.

Внизу, в гостиной комнате, в креслицах расположились очень сосредоточенный, даже слегка напуганный магистр Ренар в светлой рубашке, которая натянулась на изрядно выпирающем животике, и мечта моих девичьих грез, как и положено некроманту, во всем черном.

Сердце скакнуло к горлу, взгляд зацепился за расстегнутый ворот рубашки, где на серебряной витой цепочке болтался массивный амулет. Ну почему судьба так несправедлива? Ночнушка на мне была подарена бабушкой, со всеми вытекающими – тепленькая, мягонькая и жутко страшная, как и я сама, подозреваю. Я не относилась к тем трепетным и нежным созданиям, которые со сна выглядят мило.

– Софэйя! – без приветствия начал магистр Ренар. – Где самогон?

– Вы что, сговорились, что ли? – изумленно буркнула я, думая, как бы незаметно привести себя в порядок. – Какой самогон?

– Та бутыль, которую я у тебя отобрал? Где она? – Магистр даже привстал, стараясь казаться значимее, но в присутствии своего друга моего внимания он не смог бы завоевать, даже если бы залез на стол.

Черноволосый заметил, что я на него пялюсь, и понимающе усмехнулся, а я смутилась и все же перевела взгляд на заметно нервничающего магистра.

– Ну так вы ее у меня отобрали, – осторожно ответила я, чувствуя, что разговор уходит в какое-то очень странное русло. То ли я еще сплю, то ли магистр того самого самогона перепил.

– Признавайся, это ты выкрала у меня из дома бутылку? – Мужчина начал на меня наступать, а я испуганно попятилась к лестнице. Но потом замерла, ругая себя за излишнюю робость, и фыркнула. Похоже, магистр просто тронулся умом.

– Ага! Вот прямо в розовой ночнушке бегала ночью по городу, чтобы на сон грядущий в гордом одиночестве уговорить литровую бутыль подозрительной жидкости. Нет, конечно! Я вообще спала и, между прочим, видела очень приятные сны, пока вы меня не разбудили!

– А кто забрал? – задал он, по сути, логичный вопрос, который поставил меня в тупик.

Эрис развалился в кресле и откровенно ржал. Я бы тоже с удовольствием похихикала, если бы сейчас было не три ночи и если бы меня не обвиняли в краже самогона крайне подозрительного качества.

– Представления не имею кто, но пусть им будет хорошо, – отзвалась я. Парней я выдавать не собиралась, но готова была поспорить, что бутыль умыкнули именно они. Нужно будет не забыть забрать тару, а то хозяинка хватится и мне влетит.

– Какое «хорошо»! – Магистр сделал круг по комнате. – Софэйа, я не знаю, как у тебя это получается, но ты всегда из простых заклинаний со строго прописанной рецептурой умудряешься создать нечто! Думаешь, я просто так бутыль забрал? Нет! Я тоже, знаешь ли, не любитель самогона. Просто в таких случаях, как этот, заклинание тщательно изучается, то, что вышло в результате, тестируется, и потом плод трудов криворукого студента помещается в академический утилизатор. Ну, или, если вдруг студент по незнанию или безалаберности совершил прорыв в науке (такое тоже иногда бывает), заклинание уточняется, составляется новая рецептура и неудавшийся эксперимент хранится в архиве! Ты понимаешь, что может произойти, если кто-то это выпьет? Во-первых, последствия непредсказуемы – в бутыли до сих пор чувствуется нехилая магия. То есть это не просто самогон. А во-вторых, пострадают отчетность и моя репутация!

– Понимаю... – отрешенно заметила я, думая, что теперь делать. – Ну, я спать?

Повернулась и сиганула по лестнице наверх, под горестный вопль

магистра:

- Софэя, ну где мне найти бутыль?
- Ну... поищите, – на бегу отозвалась я. – Может, под кровать закатилась?
- Под какую кровать? – взвыл магистр, но я уже захлопнула за собой дверь и распахнула шкаф. Нужно было срочно бежать в общагу и надеяться, что эти придурки еще не вылакали мой самогон. Верилось, конечно, с трудом. Но вдруг? Я была девицей позитивной, приученной думать о хорошем.

Основная проблема заключалась в том, что мои навыки в левитации оставляли желать лучшего. На подушке я лететь банально боялась. Наши девчонки пробовали рассекать по городу на швабрах и говорили, что это удобно. Но взбунтовались стражники, и швабры запретили использовать в качестве средства передвижения, как, впрочем, и метлы, веники и даже садовые лопаты. С тех пор студенты изгалялись кто как мог. Красавица блондинка Каве с выпускного курса, помнится, прилетела на зачет на сундуке.

А я боялась. Пешком ночами шастать по ночным улицам тоже страшно, но все же привычнее. Только через дверь я выходить не стала. Вдруг магистр Ренар и синеглазый еще не ушли? Лучше им на глаза не попадаться.

Я вылезла через окно на крышу и по чердачной лестнице спустилась в темный переулок, а оттуда знакомой дорогой помчалась в общагу, которая находилась буквально в двух кварталах от моего скромного жилища.

Но зря я надеялась на положительный исход дела. В общагу я проникла через тайную дверцу, про которую знали не только студенты, но и преподаватели, и, поднявшись на третий этаж, где обитали алхимики, попала в кромешный ад. Заклинание тишины студенты учились ставить достаточно рано, еще на первом курсе, и вовсю его использовали, стараясь скрыть свои гулянки, поэтому услышать, что творится на этаже, можно было, только заглянув за дверь.

В обнимку со все еще полной бутылью бегал радостно-пьяный Леон и орал:

- Ура! Она не кончается!

Мелиssa – черноволосая и готичная девица – сидела на стуле, скрестив ножки, обнимала подушку и томно вздыхала. Мне даже стало неловко, словно я подглядела за какой-то очень интимной сценой.

Марк отплясывал на столе, причем, судя по его движениям, парню казалось, что он там не один.

Лорена ползала по полу и бормотала себе под нос:

– Еще нашла! Изумрудик, бриллиантник. Мои ж вы хорошие! Как вас тут много! – Она вскинула глаза на меня, прикрыла руками на полу что-то невидимое и пьяненько шикнула: – Софа, кыш! Тут все мое!

– Что – все? – удивилась я, разглядывая не очень чистый половик в холле третьего этажа.

– Да брюлики она собирает! – крикнул со стола Марк и притянул к себе воздух, словно это была знайная красавица. – Не видишь, что ли?

Я не видела, но решила не расстраивать пока однокурсников и не говорить, что у них знатные глюки. Все равно не поверят. Вместо этого направилась за Леоном, который в ближайшей комнате щедро разливал самогон всем желающим.

– Софа, когда хочет, может быть совсем не катастрофой! Пейте, народ, такая штука забористая. Желания и правда исполняет, только с подвывертом (Софя же делала), но все равно приятный бонус. А самое главное, этот сэм не кончается! Ути, мой хороший!

К кому была обращена последняя фраза, я не поняла, но решительно вошла в комнату.

– Леон, бутыль отдавай!

– О! – пьяно завопил парень. – Софочка пришла! Давай я тебе налью!

– Нет уж! – я замахала руками и отступила. Не настолько себе доверяла. – Бутыль верни!

– Нет-нет! – Парень быстро плеснул в огромную кружку самогон, поцеловал зачем-то стекло бутылки и дал от меня деру. Я, естественно, помчалась следом, планируя догнать паршивца, но бегал Леон хорошо, гораздо лучше меня, и знал, в какой комнате спрятаться. Пока я искала нахала, общага все больше стала напоминать дурдом. Студенты ходили словно зомби. Найти среди них того, кто еще не прикоснулся к прекрасному, было крайне сложно. Как я поняла, мой волшебный самогон порождал занятные галлюцинации, создавая иллюзию исполнения самых заветных желаний. Едва только хмельные пары выветривались, приятные глюки исчезали. Тогда слышался обиженный вопль, и страдалец мчался за новой дозой.

Леон пару раз попадался мне в коридорах, но я не успевала его поймать. Да и в бутылку парень вцепился крепко.

В итоге на традиционном обходе комендант узрел много чудных картин. Хорошо хоть, я успела спрятаться в ванной у девчонок, которые не обращали внимания ни на кого и ни на что, потерявшихся в своей реальности.

Надо было срочно найти Леона и обезвредить, отобрав у него бутылку. Но парень мышился и свое сокровище, похоже, спрятал. Я выловила нахала у окна и попыталась возвратить к разуму.

– Леон, ты понимаешь, что они все сбрендили?

– Не отдаам. – Он правильно понял, куда я клоню. – Это классная, забористая штука, и она не кончается. Нет, Софа, не дождешься.

– Кстати... – Я сделала шаг вперед и попыталась поймать расфокусированный взгляд мутных серых глазенок. – Почему ты-то нормальный?

– А твой сэм, Софочка, он исполняет желания. Вон Мелиssa получила мужика, Лорена – бабло. А я хотел незаканчивающийся алкоголь. И он у меня есть! Причем самый настоящий, а не иллюзорный!

– Леон, отдавай, а? – особенно ни на что не надеясь, заныла я. – Ведь все равно узнают и отберут.

– Нет, Софочка. Я его спрятал! Никто не узнает и не найдет.

Выдав это, Леон позорно сбежал, а я тяжело вздохнула и уселись у стеночки. Ну почему это случилось со мной? Я не могла отделаться от мысли, что все то, что происходит сейчас в общаге, творится исключительно по моей вине. Наверное, стоило собраться с духом и идти каяться к магистру Ренару. Только вот дух ушел куда-то в пятки, и я не могла себя заставить. Было страшно, поэтому сидела в сторонке и наблюдала за беспределом в надежде, что, может быть, все рассосется само. Так, собственно, оно и вышло.

Магистр Ренар примчался в общежитие через полчаса. Видимо, ему доложили, что курс, который находится под его началом, немного сошел с ума. Некромант явился вместе со своим другом. Попадаться я им на глаза не хотела, поэтому сбежала и спряталась в шкаф. Если попадусь в общежитии, окажусь виноватой. А так, может быть, творящийся в общаге бедлам не свяжут с пропажей самогона. А я постараюсь найти, где Леон спрятал свое сокровище. В любом случае он сделал это где-то здесь. С появлением магистра решимость сошла на нет, и я моментально забыла о том, что всего пять минут назад была готова идти и сознаваться во всем.

Сейчас осталось одно желание – замыштиться. Я не знаю, сколько просидела в шкафу, слушая, как студенты переговариваются громче, бегают активнее и тоже стараются спрятаться от начальства. Магистр Ренар воплями пытался выяснить, что именно тут происходит, но все это было далеко. За пределами моего шкафа. Кажется, я даже немного задремала. Разбудил меня звук открывающейся дверцы. Я подпрыгнула и попыталась спрятаться за цветастой юбкой Лорены, но юбка была значительно меньше,

чем я, и получилось только натянуть ее на голову. Подозреваю, вид я имела при этом крайне комичный.

– Какой сюрприз... – протянул некромант, хитро улыбнувшись, когда я вывалилась на него из шкафа.

Я перепугалась и поэтому сделала немыслимое. Поднесла палец к губам и сказала: «Тс-с-с!» – а после этого снова забралась в шкаф и устроилась на баулах с зимними шмотками, словно курица на насесте.

– Не выдавайте меня магистру-у-у, – проныла я и подозрительно выглянула из-за дверцы. – Ну пожалуйста!

Я умела делать большие невинные глаза, и многие даже велись на это, но некромант оказался невосприимчив.

– А с чего это вдруг мне тебя покрывать? – протянул черноволосый, заглянув в шкаф. У некроманта были длиннющие черные ресницы и великолепные губы. Мечта. Вот зачем он так красив? Чтобы я соображать не могла совсем?

– Потому что если магистр Ренар застанет меня сегодня в общаге, убьет, и зачет я точно никогда не сдам. А я очень хочу доучиться.

– Вот не зря тебя называют Софа-катастрофа, – хмыкнул он, а я покраснела. Оказывается, синеглазый знал мое имя и даже прозвище. Приятно. – Твоих рук дело? – поинтересовался он, намекая на творящийся беспредел. – Все же ты стащила бутыль?

– Да не тащила я! – вопль вышел возмущенным и искренним. – Не тащила!

– А почему же так в тему оказалась в центре всего безобразия? – все еще недоверчиво уточнил Эрис.

– Предотвратить хотела.

– Ну и? Получилось? – хмыкнул синеглазый. Кажется ситуация его изрядно забавляла.

– А то не видно? – обиженно надулась я, понимая, что любить эту язву начинаю меньшее.

– Пошли! – скомандовал он.

– К магистру? – печально уточнила я, чувствуя, что получу разнос.

– Да нет, бутылку искать, пока твои однокурсники еще чего не учудили.

– То есть магистру Ренару не сдадите? – уточнила я подозрительно, не торопясь вылезать из шкафа.

– У Эмиля и так день тяжелый. Скоро глаз будет дергаться. Нет уж! Пусть пока разбирается с глуками, приводит вверенных ему студентов в порядок, а мы в это время найдем источник безобразия. Это ведь твой

алкохимический эксперимент так на них действует?

– Ага. – Я кивнула, проигнорировав обидное «алкохимический». – Исполняет желания.

– Вернее, вызывает галлюцинации, – уточнил некромант.

– Ну да. – Я поморщилась. Определение Эриса мне нравилось меньше.

Некромант схватил меня за руку и помог выбраться из шкафа, а потом мы перебежками, прячась за дверями комнат, помчались искать Леона. Два раза едва не столкнулись с магистром, но Эрис всегда успевал дернуть меня за ближайшую дверь.

Мы чуть не попались, так как дверь в комнату открылась, едва мы успели спрятаться в углу. Чтобы я не получила по носу, Эрис резко развернул меня к себе и сжал в объятиях.

Магистр Ренар заглянул, не заметил нас в углу за дверью, крикнул, видимо, опасаясь заходить в бардак. Общажные комнаты парней, все как одна, напоминали лежбище бомжей из трущоб – настолько тут было хламно.

– Тут есть кто-нибудь? – ответа не получил и ушел.

А я так и осталась стоять в кольце теплых рук. Вскинула голову и утонула в синих глазах, в которых сейчас мелькали смешишки. Мне было хорошо, уютно, да и сам Эрис не спешил меня отпускать.

– А тебе говорили, Софа, что ты очень красивая? – тихо и проникновенно начал он, наклоняясь к моим губам.

Я слегка отстранилась, но не успела ничего ответить, так как откуда-то с заваленной хламом кровати донеслось пьяное:

– Нет! Никто ей этого не говорил. Так как Софа – катастрофа. Смельчаков не нашлось!

– Ах, вот ты где! – романтическое наваждение спало, и я коршуном метнулась в сторону кровати, где под грудой покрывал и одежды прятался Леон. Парень все еще сжимал в руках бутылку с зеленой мутной жидкостью.

Леон заорал, вцепляясь в бутыль сильнее, но вместе с Эрисом мы все же сумели ее отобрать. Мой однокурсник неприлично обругал нас, но даже с кровати встать не смог, так как пока прятался, видимо, постоянно прикладывался к волшебному самогону и на данный момент был мертвецки пьян.

– А в бутылке точно червяк? – прошептал некромант мне на ухо, разглядывая нашу добычу.

Я чувствовала горячее дыхание и поэтому соображала плохо, но «да» из себя выдавить все же сумела.

– А я бы сказал, это Зеленый Змий. Самый настоящий. Смотри, цвет у него какой интересный.

– Меня больше занимает, почему он не сдох и из-за чего самогон не кончается? – задумчиво протянула я, разглядывая сквозь мутную жидкость маленького шустрого змееныша.

– А он кончается, – пьяно пробормотал Леон, который валялся навзничь на кровати и уже смирился с тем, что игрушку у него отберут.

– Но ты сказал...

– Да, сказал. Потому что он действительно не кончается...

– А поточнее? – сурово уточнил Эрис и даже сделал шаг по направлению к пьяному телу.

– Ну... – парень с трудом пытался сформулировать мысль. – Если подлить воды в бутыль, получается самогон. Разливаешь по стаканам, снова доливаешь воды – опять самогон! Классно же. Софа, тебе можно зашибать бабло!

– Как? – тоскливо пробормотала я, понимая, что опять из-за своей криворукости и плохой памяти со свистом пролетаю мимо золотой жилы. – Я ж не помню ничего. Может, бутылка волшебная. Тогда с квартирной хозяйкой придется делиться, и тогда разбогатеет она.

– Э нет, – заметил некромант. – Тут волшебная не бутылка.

– А что? – удивилась я.

– Думаю, все дело в Зеленом Змие. Пошли, Софа.

Некромант снова схватил меня за руку и потащил к выходу.

– Куда мы идем?

– Мы идем разбираться, что ты сотворила, и думать, как сделать из тебя обеспеченную женщину.

– А магистр Ренар?

– Магистру Ренару полезно побегать. Физическая подготовка у него ни к черту. Так что не переживай!

– А эти? – Я имела в виду своих однокурсников.

– А эти проспятся, и все будет в шоколаде. Там уже профессора Сайзера вызвали. Он мигом устранит все безобразие. И, сама понимаешь, лучше ему под горячую руку не попадаться.

Я этими словами прониклась и ускорила шаг. Мы выбрались из общаги через ту же неприметную дверцу, и некромант потащил меня куда-то по улице.

– Мы куда? – уточнила я, вспомнив, что мама меня перед поступлением в академию наставляла неходить никуда с незнакомыми мужчинами. Я и не ходила до сегодняшнего дня. Но Эрис не был совсем

незнакомым, не знаю, извиняло ли меня это.

– Ко мне, – коротко отозвался он. – У меня есть лаборатория.

Молодой человек выглядел таким сосредоточенным, что заподозрить его в неприличных намерениях я не смогла, поэтому и вопросов задавать больше не стала.

Жил некромант недалеко, в двухэтажном особняке. Я хоть девой была некорыстной, но оценила и ухоженный двор, и холл. К слову, лаборатория была выше всяких похвал – просторная, с хорошим освещением, даже несмотря на то, что находилась в подвале.

Но сделать ничего полезного нам не дали. Дверь слетела с петель, едва только Эрис успел приготовить оборудование. Некромант схватил меня за талию, и мы нырнули под алхимический стол.

– Ладно Софа! – заорал магистр Ренар из клубов дыма, которые застилали дверной проем. – Но ты, Эрис? Предатель!

– А что я? – Некромант высунулся, ойкнул, тут же нырнул обратно и спрятал лицо у меня в волосах. – Там еще профессор Сайзер! – трагически прошептал он, и я побледнела. Ректора боялись все от мала до велика. Седовласый и крайне неприятный тип доводил всех – и преподавателей, и студентов.

– Нолдон, – язвительно произнес профессор Сайзер. – Вот десять лет прошло с того момента, как вы закончили академию, а мозги до сих пор как у студента-первокурсника.

Отвечать некромант не стал. И я его прекрасно понимала. Вступать в спор с ректором себе дороже. Лучше отсидеться в тишине и покое под столом.

Профессор Сайзер забрал бутыль со Змием и исчез в огненном вихре вместе с магистром Ренаром, который все еще ругал своего безответственного друга.

Когда все затихло, я, испытывая смущение, осторожно выбралась из объятий Эриса. Уселась прямо на полу, скрестив ноги, и тихо поинтересовалась:

– Ну и что делать будем? – Была уверена, что некромант тут же спровадит меня домой, но он задумчиво прислонился спиной к столу, лукаво посмотрел и сказал:

– Зачем нам какой-то Зеленый Змий? У меня есть этурайское шампанское, лед и клубника. Как ты на это смотришь?

Я, чувствуя, как розовеют щеки, кивнула. Надеялась, что Эрис поймет, что именно хочу сказать. Он дураком не был и довольно улыбнулся. Поднялся с пола и, уже когда почти вышел из комнаты, поинтересовался:

– А тебе хоть восемнадцать-то есть?

– Давно уже исполнилось, – пожав плечами, ответила я и поймала хитрую усмешку, заставившую сердце стучать быстрее. Задумалась и все же крикнула в спину некроманту: – Но я все равно порядочная девушка, поэтому исключительно шампанское и клубника! Все!

В ответ раздался тихий, волнующий смех, который заставил задуматься о своей порядочности. И я так и не поняла, что он значил. Но это не имело значения. Не сейчас. Главное, я пусть и в своей манере, но сумела поймать мечту. А уж удержать я смогу. В свои силы я верила.

Ольга Пашнина
Сказка не о тролле

В темной башне, у ворот,

*Принцесса юная живет.
Плачет, стонет и вздыхает.
Жениха с тоской встречает...*

Народная песенка

Вот так шел себе тролль по лесу. Пропитание искал, на худой конец – храбрую гибель от меча бравого воина. А получилось... впрочем, история немного не об этом.

Зима во владениях Инеевых хребтов выдалась на редкость суровая, со снежными заносами, обледеневшими деревьями и полностью скрытыми под белоснежным полотном курганами. В свете факелов кружились снежинки, а днем было темно, как ночью. Ходили слухи, будто боги наслали такую зиму в наказание – здешние короли не чтили обычай.

Но у Велдона и его воинов такой священный трепет перед морозами вызывал лишь снисходительную улыбку. Многие, в том числе и вождь, помнили времена, когда даже драконы не могли преодолеть горы. Плотная снежная завеса преграждала путь в долину, и горе тем, кто оказался в дороге. Сколько отрядов сгинуло в ущельях в надежде спастись от лютой зимы, теперь уж никто и не вспомнит?

Впереди показался замок. Темный, кажущийся чужеродным среди укрытых шапками снега деревьев. Остроконечные башенки устремлялись в небо. Были высокие, крыши которых скрывались в морозной дымке, были низкие, в окнах которых виднелся свет. Кони, почувствовав изменившееся настроение всадников, немного оживились.

– Остановимся? – спросил Реннар, хоть и сам знал ответ.

Реннар был стар, но умен настолько, что до сих пор ему не было в Граде равных. Будь воля Велдона, Реннара уже не брали бы в походы, но участие целителя – единственное условие, что выставил король. Впрочем, несмотря на беспокойство за пожилого друга, Велдон ни разу не пожалел о согласии, да и сам не лишился жизни лишь благодаря силе Реннара. Целитель безоговорочно признавал право вождя на приказы и предпочитал советы давать мягко, чаще спрашивая, нежели назидая.

Велдон кивнул. Ему самому – хоть никогда в жизни он бы не признался – хотелось отдохнуть в нормальной постели. Чего говорить о юнцах, которых взяли в поход впервые. Или о раненых. Им повезло: не было умирающих и тяжелобольных. Иначе останавливались бы чаще. Но все же воины заслужили отдых. Ни один глава города не откажет в постое,

а хороший вождь, в свою очередь, отплатит добром за добро. Велдон бывал во многих походах. Иногда за постой просили помочь с нечистью разобраться, иногда были рады и рассказам о службе. Но никогда еще не отказывали.

Их отряд был слишком большим, чтобы в замке его не заметили, поэтому, когда Велдон подъезжал к ограждающему рву, уже был опущен мост. Но вождь все же кивнул Реннару, велев поднять зеленый флаг – символ мира и добрых намерений. Жителям города не было нужды устраивать ловушку, но годы службы научили – никогда не следует пренебрегать простыми правилами. Отряд медленно двинулся к воротам.

Велдон был напряжен. Высматривал лучников, засаду, магию – все, что могло повредить его людям. Не стоило недооценивать горные городки. Они разбросаны по всей долине, почти обособлены от внешнего мира, но на своей территории порой куда опаснее самых сильных государств. Велдон был в ответе за жизни тех, кто шел за ним. Отдохнет он позже.

Благодаря этому вниманию от мужчины не укрылось движение наверху. У одной из башенок, на небольшом балконе мелькнула светлая шевелюра. Мелькнула – и исчезла, а затем из открытого окна раздался крик отчаяния, словно девушку, что смотрела с балкона на нежданных гостей, жестоко обидели. Все смолкло, из окна высунулась рука и захлопнула створки.

Велдон и Реннар переглянулись, и вождь пожал плечами. Девушка и девушка, опасности от нее нет. Испугалась, может, или встречательно любопытничать не пустили. Девушка – это не лучник, она вреда причинить не может.

Их уже ждали: на главной площади, крохотной, как и сам городок, ждал местный правитель, в котором Велдон с трудом, но узнал самого короля Инеевых хребтов. Титул этот был скорее утешением да знаком уважения – слишком мало было в долине поселений, чтобы король был по-настоящему могущественным.

А время все же не щадит никого, и вот уже у смелого северного покорителя в волосах блестит седина. Велдон помнил праздник в Граде, когда правитель собирал всех королей, чтобы говорить с богами перед началом новой эры. Король Инеевых хребтов тогда казался ему мужественным и молодым. В знак уважения Велдон спешился. Они пошли рядом, и оказалось, что правитель почти на две головы ниже воина.

– Добро пожаловать, славный воин, – приветственно склонил голову король. – Благодарю, что успокоил моих людей флагом мира. У нас не принято отказывать гостям, но времена нынче неспокойные. Тролли

беспредельничают, наемники захаживают. Вам, наверное, нужен ночлег?

— Мы едем из Аврагниевой впадины, — кивнул Велдон. — Впереди три дня пути, мои люди устали. Хочу просить ночлега. Я ручаюсь за них, ваше величество.

— Я верю. Вам дадут дом, — его взгляд устремился куда-то вдаль, к горам, — вкусный ужин и... впрочем, перейдем сразу к делу, ведь с дороги, да еще такой холодной, просто необходимо отдохнуть. Зима у нас...

Он шел и говорил так быстро, что у Велдона зародились странные подозрения. Он и сам не мог понять, что именно не так. Будто король изо всех сил старался о чем-то не думать или же не допустить, чтобы подумал вождь.

Маленькие снежные королевства хранят свои тайны. Велдон не имел никакого желания их постигать, но опыт подсказывал: иногда они сами так и падают в руки.

Ужин им сообразили и впрямь хороший. В гостевом доме обеденный зал был заполнен так, что негде было яблоку упасть. Три длинных стола ломились от простой, но источающей изумительный аромат еды: кабанина, оленина, фаршированные яблоками снежные утки, рулеты из крыльев азарина, слабосоленая янтарная форель. От алкоголя воины отказались было, но Велдон разрешил сидр, и целая бочка золотистого яблочного напитка опустела в один миг.

Мужчина наблюдал за отрядом с затаенной гордостью: не шумели, подавальщиц не зажимали, горячо благодарили и хвалили за угощение. Тучная хозяйка гостевого дома расцвела от внимания и даже раскраснелась.

За крайним столом, рядом с Велдоном, к его удивлению, сел сам король. Все такой же задумчивый и молчаливый. Любопытство внутри не дремало, но Велдон загнал его как можно глубже. У правителя, пусть он правит небольшой и почти безжизненной снежной долиной, полно поводов для раздумий.

Велдон и сам не любил говорить о важном с посторонними, а потому удивился, когда король обратился к нему:

— А что, вождь, говорят, в Граде много достойных мужей?

— Много, — согласился Велдон, поняв, к чему клонит король. Мужчин на севере традиционно не хватало, жизни многих уносили морозы и дикие звери. Отдавать девушек замуж в далекие земли считалось едва ли не обязанностью многих королей.

Велдона поражало только одно. Все, кто был хоть как-то близок королю, сидели в зале, и у каждого был свой кубок с символизирующими

родство узорами. Велдон видел королевский кубок с рубинами, сам пил из гостевого – обильно украшенного вензелями, видел и сестру короля, и даже двоих племянников. Но вот детей почему-то не было. Не было в зале или не существовало вообще?

– И девушки небось как на подбор? – продолжал король. – Надеюсь, вождь, твоя жена обладает небесной красотой.

– У меня нет жены, – с легкой усмешкой ответил Велдон.

Он догадывался, что сейчас ему предложат присмотреться к местным красавицам. Да он и присмотрится, наверное, и, может, даже увидит какую-нибудь, непременно с черными, как ночь, волосами. Но в роли мужа Велдон себя не представлял. А еще больше не хотел однажды уйти и не вернуться, как ушел много лет назад его отец.

Однако следующие слова короля заставили его подавиться мясом:

– Я дочь свою, – глухо проговорил его величество, – обещал за первого, кто через ворота войдет. Клятву богам дал. Стало быть, ты и вошел... первый.

Король взглянул Велдону в глаза, и там читалась почти мольба.

– Не откажи уж, вождь. А то погибнет.

Этого Велдон не планировал. И сейчас, сидя за одним столом с этим понурым мужчиной, для которого было настоящим унижением просить заезжего воина о подобном, вождь думал, что лучше бы они и не заезжали в замок, лучше б несла их дорога вперед, к Ледяному Граду.

Хоть клятву богам и не он давал, поди теперь пойми, как отказаться.

– Я, Эрих Литор Третий, король Инеевых хребтов, вверяю жизнь, душу и силу своей дочери, Власти Литор, Велдону Ледяному Мечу. Да свершится свадьба, да будут связаны их души, пока боги не покинут этот мир.

Толпа вокруг трижды прокричала имя какого-то бога, Велдон толком не расслышал. Ему надлежало стоять по левую сторону от короля, в компании целителя, и чтить чужие традиции. По правую сторону расположились принцесса и несколько ее нянек. Во всяком случае, мужчина думал, что это няньки – они все поголовно плакали, едва их взгляд падал на жениха. Было немного неуютно, словно он делал что-то плохое. Велдон ощущал себя варваром, силой вынудившим гордый народ отдать прекраснейшую принцессу к нему на ложе. Да пропади оно все пропадом! И принцесса, и ложе, и все остальное.

Хотя, пожалуй, реакция окружающих была обоснованная. Велдон не обольщался насчет своей внешности. Почти сажень в высоту, чуть меньше

в плечах, лицо пересекал шрам, не сказать что уродливый, но все же малопривлекательный для юной принцессы. Стригся вождь почти наголо, вопреки традициям. В битве волосы мешали.

Украдкой, чтобы не заметила, Велдон рассматривал принцессу, с некоторым неудовольствием отмечая опухшие от слез глаза и дрожащие губы. Везти через половину долины перепуганную насмерть девчонку в его планы не входило. Но не отказываться же теперь. Порода у нее хорошая, сама красивая и очень северная – светловолосая, с серыми, почти бесцветными глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Высокая, статная, стройная и очень... подходящая. Ее легко можно было представить и в замке, гордо несущую королевский венец, и в хижине, укрытую одними лишь шкурами, соблазнительную в отсветах пламени камина. Свадебное белоснежное платье обрисовывало контуры фигуры, и любоваться девушкой хотелось бесконечно. Она напоминала снежную богиню и, к сожалению, была так же холодна.

Напугана практически до обморока. Велдон сразу понял, что именно принцессу видел на въезде в город. Каираулила, высматривала, кого отец назначит мужем. Высмотрела на свою голову и крика не сдержала.

Велдон не знал, что заставило короля дать такую клятву. Простая глупаяссора с дочкой или что-то более серьезное. Но спроси кто Велдона, он бы сказал однозначно – несусветная глупость вверять судьбу единственного ребенка в руки случая. То, что Власта Литор была единственной дочерью короля, Велдон выяснил у прислуки накануне свадьбы.

Его кто-то толкнул. Король выжидающе смотрел, держа наготове руку дочери, а та старательно отводила глаза. Велдон откашлялся и принял подарок. Пальцы девушки были ледяные, а его – горячие. Велдон ощутил дрожь, мимолетное, едва уловимое движение ресниц девушки и сжал ее руку увереннее.

– Благодарю тебя, достойный король, и даю священную клятву, что буду мужем твоей дочери, пока холод не скует мое сердце.

Строго говоря, жениться Велдон не собирался. Совсем, никогда. В молодости, когда еще был учеником, на девушек отвлекался, случалось. Но до обряда все не доходило, а как стал вождем, так и решил не просить у богов больше, чем изволили дать. Но даже если мужчина и думал о свадьбе, то в мечтах была другая женщина. Более взрослая, черноволосая и улыбчивая. А не эта перепуганная насмерть златовласка.

В общем, с невестой они поторопились, но отказываться Велдон не стал, сделал вид, будто вовсе и не удивлен странному поведению

правителя. И к концу пребывания в Инеевых хребтах вел под руку молодую жену, про себя усмехаясь: на родине удивятся.

Выезжать должны были под утро, поэтому после свадьбы Власту тут же увели. Велдон ощущал укол разочарования: ему хотелось поговорить с девушкой перед путешествием. Но настаивать и требовать своего мужинного права не рискнул.

Потом, когда весь гостевой дом спал, мужчина выбрался наружу, чтобы вдохнуть ночной морозный воздух и немного подумать. Он брел по двору, ноги по колено проваливались в снег, которого навалило за считанные часы. Жгучие снежинки врезались в обнаженную грудь и таяли, но холода вождь почти не чувствовал.

Он сам не знал, куда идет. У этой ходьбы не было цели, она лишь помогала думать. О том, как он вернется, что будет делать дальше. Еще день назад ответ Велдона был бы однозначен – короткий отдых и новый поход. Теперь он подумывал принять предложение и возглавить градскую стражу. Раз уж на него свалилась эта свадьба, будь она неладна. Оставить взятую практически силой жену, сгинув в походе, – последнее дело.

Ноги сами принесли его к башне у ворот, где по приезде он видел Власту. Тогда он заметил лишь волосы, золотистые, да слышал крик. Теперь, когда жену – уже жену, конечно, не невесту – удалось рассмотреть на церемонии, Велдон представлял ее на этом балконе. Как она напряженно закусывает губу, высматривая гостей, как побелевшими пальцами сжимает перила. А на морозном ветру развевается белоснежное тонкое платье.

Картина в голове казалась такой реальной и в то же время необычной, что Велдон не сразу понял: это происходит в реальности. Власта действительно стояла на балконе, смотря куда-то вдаль, к горизонту, где кончались острые пики сосенок и через несколько часов обещало взойти солнце.

Мужчина замер, рассматривая ее. Впервые за много лет Велдон растерялся. Что делать? Уйти? Заметит ведь, подумает, что шпионил. Окликнуть и поговорить, как хотел после свадьбы? Не докричишься, да и ушей повсюду много.

Судьба рассудила сама. Власта вздрогнула и перевела взгляд на Велдона, но посмотреть девушке в глаза он не успел. Как и днем, она резко бросилась прочь. Велдон задумчиво сжал пригоршню хрустящего снега. Он уже почти не таял на коже... плохой знак – надо возвращаться. Если он сляжет с болезнью, отряд спасибо не скажет.

Наутро Власту почти никто не провожал. Ни няньки, ни подружки.

Отец только вышел, сам за руку вывел и усадил в повозку. Велдон промолчал, хоть и считал, что леди надлежит ехать верхом. Но Власту этому то ли не учили, то ли Эрих боялся, что она не выдержит поездку. Повозка так повозка, Велдону, в общем-то, было все равно.

Медленно воины двинулись дальше на север, туда, где за туманом возвышались остроконечные башенки Ледяного Града. Повозки с добычей и ранеными товарищами поскрипывали, переваливаясь на камнях, а тишину зимнего леса изредка нарушали крики северных птиц. Велдон ехал во главе, весь обратившись в слух. На пути мог встретиться кто угодно.

Наконец плотный лес поредел, и впереди показалась небольшая полянка. Если расчистить землю и поставить палатки, можно переждать непогоду – шаман предупреждал о надвигающейся снежной буре. Вождь поднял руку, приказывая разбивать лагерь.

– Велдон, – окликнул его целитель.

На таких стоянках оклики Реннара пугали. У целителя было правило: он никогда не сообщал о смерти раненых в дороге. Только на привале, в безопасности и покое. Людей Велдон терять не любил и, хоть повидал за тридцать с лишним зим много разной жути, всегда напрягался, когда целитель ковылял меж спешившихся воинов, поддерживая ниспадающее до земли выцветшее одеяние.

Сейчас Реннар подошел не для того, чтобы сообщить о чьей-то смерти. Наверное, в глубине души вождь догадывался, о чем пойдет речь.

– Твоя невеста, Велдон. Она создает проблемы.

– Мы ей тоже не радость доставляем, Реннар. Сколько девчонке? Семнадцать? Она еще дитя, а ее вырвали из дома и везут вдали. Такие, как она, в Граде не замуж выходят, а в цветниках играют.

– Тем не менее даже ты должен признать, что ее появление существенно осложнит быт.

Велдон поморщился, поняв, на что намекает Реннар. И о чем наверняка думает перепуганная девица. Он приказал своему другу проследить, чтобы Власту отвели в его шатер и накормили, но можно себе представить, кем они кажутся девушке, толком не видевшей чужаков.

– Воины не тронут ее. В моем отряде не бывает подонков.

– Я рад слышать, Велдон. Это лишь малая часть беды. Во-первых, девушка напугана. Она отказывается от еды и теплых вещей, совсем окоченела. Если так пойдет, до Града Власта Литор не дотянет.

Мужчина хмуро кивнул. Такой вариант он не предполагал и теперь размышлял, как заставить упрямую принцессу принять судьбу... и заодно пищу. Ему до зубовного скрежета не хотелось ее отпускать на родину, да и

девчонка там станет посмешищем, выгнанная мужем. А если он отпустит ее в Граде, станет посмешищем сам.

– А во-вторых?

– А во-вторых, брак неплохо бы консумировать. Иначе кто-то из приближенных к королю советников вполне может объявить Власту военным трофеем и отобрать в пользу короны. Совсем необязательно король подарит ее тебе, и дальше... в общем, традиции хребтов ничего не значат для Ледяного Града, ты и сам это знаешь. Лучше бы тебе так или иначе вернуться ее мужем по крови, а не на словах.

– У тебя, мой друг, удивительно противоречивые слова, – усмехнулся Велдон. – Девушка меня боится, но консумировать брак я должен. Не находишь это странным?

– Вот поэтому, – Реннар потрепал Велдона по плечу, – я и говорю, что у тебя проблема.

Мужчина отвернулся, начав отвязывать от седла заплечный мешок. Вдалеке уже занималась снежная буря.

– Ставить палатки! Живее! – прорычал Велдон.

Вокруг началась суета.

Тени плясали на грубой ткани, растворялись в шкурах и мягко освещали пространство. Раньше палатка казалась Велдону тесной, а теперь он подумал, что в ней слишком много места для хрупкой девушки, что забилась у дальней стены и мелко дрожит.

Власту одели по-походному, но все же легко. Тонкие черные брючки, сапожки с изящной росписью, кружевная рубашка белого цвета – словно одеяние невесты. Уважили традиции, ничего не скажешь – родичи. О том, что дитятке через горы и лес ехать, даже папенька не подумал.

Рядом стояли нетронутые обед и ужин. Уже остывшее мясо покрылось коркой жира, и уж теперь-то принцесса точно есть не станет. Надо подогреть.

На душе, как говорили в его роду, было неспокойно. И с каждым взглядом, брошенным в сторону Власти, становилось тревожнее и тревожнее. Она, несомненно, была из тех упрямиц, что не сдаются ни за что, даже если напуганы до смерти. Готовая вот-вот броситься в бой, отбиваться, как дикая кошка. Он еще ее не тронул, а она уже напряжена, как натянутая тетива.

Велдон многое видел. Убивал – безусловно; пытал – и такое случалось; ритуалы кровавые... сам проводить не проводил, но шаману помогал нередко. А вот насильником не был и как-то не стремился. Судьба,

она такая. Встретишь смерть смелостью, хитростью ударит. Пойдешь на врага с огнем, водой ответит. А если соблазн встретишь честью... подбросит принцессу, годящуюся в дочери.

И вот что с ней делать?

– Зря не ешь, – наконец сказал Велдон. – Зима не прощает гордыни.

Он провел рукой над мясом и жар опалил кожу. По палатке распространился аромат съестного. Девчонка и ухом не повела, только сильнее сжалась и лицо в коленях спрятала.

– У вас женщины – хранительницы очага, так? – спросил Велдон и, не дожидаясь ответа, продолжил: – А в моем роду женщины могут быть воинами наравне с мужчинами. И они едят с нами то же, что и другие. Я не буду заставлять тебя сражаться или есть со мной, когда окажемся в Ледяном Граде, куда мы направляемся. Но сейчас хочу, чтобы ты ела, принцесса.

В ответ – тишина. И завывание ветра где-то вдалеке. Снежная буря... теперь из палатки не выйти, шаман защитил их ритуалом.

– Нам еще три луны ехать, будет плохо. Поешь. Тут видишь, какая штука. Ты у нас принцесса, а вот я-то совсем не король. Привезу тебя в Град, покажу как трофей – могут отобрать. Не обязательно, конечно, отберут, но сама ж знаешь, в жизни всякое бывает. А я тебе скажу, воин – это не худший муж. У нас хотя бы о чести понятия есть, да и насилием не промышляем, в работе хватает. А знаешь, среди знати сколько ублюдков? Знаешь, наверное, сама ж росла в замке. Так вот, мне страсть как тебя отдавать им не хочется. Я ж, сама видишь, девкам не особо нравлюсь, а тут жену дали, да еще какую. А чтобы тебя не отдавать, надо кое-что сделать.

Он помолчал, ожидая реакции, но то ли Власте было все равно, то ли она и впрямь была сущим дитем. Девушка избегала его взгляда и не подавала виду, что слушает. Хотя слышала, куда бы она делась из шатра.

– Знаешь, что происходит между мужем и женой? Уверен, что слышала. Вот чтобы брак считался законным у нас – нужно, чтобы ты была моей. Понимаешь? Ляжешь добровольно?

Она с таким ужасом замотала головой и всхлипнула, что Велдон поморщился. Он протянул руку, взял девушку за подбородок, чтобы посмотреть прямо в глаза. В них отражалось... что-то необычное. Не столько страх, сколько... вождь и сам не мог сказать, что именно в них увидел. Просто отпустил ее и уже мягче произнес:

– Тогда поешь. И я не буду тебя обижать сегодня, поняла? Если ты причиняешь зло самой себе, значит – можно и мне. Если ты себя любишь, то и муж будет тебя любить. Очень простая истина, Власта. Ешь.

Он сунул ей в руки миску и придинул кувшин, а сам лег, наблюдая. Несмело и очень осторожно, но девушка начала есть. Мясо было слишком жестким для изящных пальчиков, а из кувшина было неудобно пить. Она обожгла губу, та покраснела, и на глазах Власти выступили слезы.

— Молодец, — лениво и немного сонно сказал Велдон, когда миска опустела. — Теперь отдохни. Возьми вон ту шкуру, завернись и ложись. Я не трону тебя этой ночью, ты должна поспать.

Под глазами принцессы залегли темные круги усталости, противиться она не стала. Впрочем, как и раздеваться. Завернулась в теплую шкуру, свернулась клубочком все у той же стены, как можно дальше от Велдона. Тот лишь вздохнул, стягивая рубашку.

Вообще, он шел к ней с определенной целью. И до последнего был уверен, что, несмотря ни на что, сделает ее своей, но... слова вылетели сами по себе и, хоть были правильные, оставили внутри чувство досады. Будто он проиграл в споре с самим собой.

Несмотря на шкуры и магию, в палатке было холодно. Вскоре Власта спряталась под шкурой полностью, и ее дыхание выровнялось. Велдон аккуратно притянул девушку ближе. Тепла от нее было мало, зато прямо веяло свежестью и не то невинностью, не то каким-то истинно женским очарованием. Совершенно неожиданно для себя Велдон понял, что, в общем-то, совсем не против завести дом, где всегда будет ждать красивая жена, детей, которых он лично обучит всему, что должны знать настоящие воины. Очаг, который погаснет лишь с его смертью, а если будут милосердны боги, вспыхнет вновь уже от руки его наследников.

Он слышал ее дыхание, чувствовал биение сердца. Грел юную принцессу своим телом, с наслаждением отмечая, как она расслабляется, как послушно к нему прижимается и засыпает глубже. Едва касаясь, Велдон провел рукой по светлым волосам, изящной спинке, обтянутой кружевной тканью, задержался на округлых ягодицах. И нечеловеческим усилием заставил себя прекратить, не пугать ее и просто охранять сон.

Будет время и для остального. Если в это верить, служба идет легче.

Снаружи бушевала метель.

Сон подкрадывается незаметно, ласково, но уверенно уводит за собой, да так, что и не поймешь, когда уснул. Велдон не мог вспомнить, как отключился, лишь оставил в памяти мгновение, когда держал спящую девушку в кольце рук и вдыхал ее необычный, немного цветочный аромат.

Но проснулся он один, и это обстоятельство разом сбросило дремоту. Мужчина сел, осмотрел палатку и бросился наружу. Если Власта сбежала...

перепуганная, в легкой одежде, далеко она не уйдет. Больше всего на свете сейчас мужчине не хотелось найти ее замерзшее тело. Не уберег, не довез... что толку от его благородства, если девчонка в снегу погибнет?

Сначала он хотел закричать, поднять всех на уши и отправить осматривать лес, но, к счастью, не успел. Натолкнулся на усмехающегося Реннара и обратил взор к костру, где сгрудились готовящие еду воины. Была среди них и Власта. Принцесса сидела у костра, задумчивая, прекрасная и, как ни странно, тепло одетая – в меховую жилетку, теплые, немного большие, сапоги. В руке девушка держала прутик с наколотым на него хлебом. Языки костра ласково облизывали корочку.

– Осваивается. – Реннар подошел ближе. – Хорошо. Зря только ты свадьбу не завершил, Велдон.

– Не сейчас, Реннар. – Он покачал головой. – Не сейчас.

– Рискуешь.

– Знаю. Мне кажется, оно того стоит.

– Да, – целитель вдруг улыбнулся, – мне тоже. Интересно, что же у них с отцом случилось, что он ее за первого встречного отдал. А если бы это был наемник или беглый каторжник?

Велдон и сам задавался подобными вопросами, но расспрашивать Власту пока не решился. Придет время, он обязательно задаст ей этот вопрос и, если сделает все правильно, услышит честный ответ.

Но ответить целителю Велдон не успел. Резко, неприятно и очень громко протрубил рог, отчего стайка птиц взмыла в небо.

– Лесные тролли! – закричали сторожевые, и вождь одним движением схватил меч, что стоял прислоненный к шатру.

– Уведи принцессу! – бросил Реннару.

На краешке сознания мелькнула мысль – одним выстрелом убить двух зайцев. Реннар ведь все равно за оружие схватится, так пусть хоть Власту защищает. К ней Велдон ни одного тролля не подпустит, а значит, и целитель не пострадает.

Их оказалось трое. Вдвое выше обычного человека и в десять раз сильнее. Тролли размахивали дубинками, отбиваясь от ударов мечами, как от комарных укусов. Люди в доспехах их мало интересовали, они шли на тепло раненых, что лежали под шкурами. И на Власту, само собой, она наверняка привлекала их сильнее всего. Велдон примерился и прыгнул, распорол сухожилия на ноге твари и выбил из его рук дубинку. Рядом четверо воинов справлялись еще с одним. Третий пока не мог подступиться к лагерю, только рычал чуть поодаль и махал оружием почем зря.

Велдон вогнал меч в горло тролля, с видимым усилием вытащил и

обратил лицо к третьему. Тот выдержал прямой взгляд и какой-то частью примитивного сознания испугался этого сильного человека, готового сражаться. Тролли боятся прямой агрессии, но слишком тупы, чтобы принять решение отступить. Велдон увернулся от удара, и рядом стоявшее дерево разлетелось в щепки. Меч скользнул по касательной, не причинив троллю вреда, но сила удара была такова, что вождь не удержался на ногах.

А в следующее мгновение мощный удар в грудь отбросил его на несколько метров в сторону. Троллем занялись другие воины, и сквозь черную пелену Велдон увидел то, от чего мгновенно забыл и о боли, и о злости. С противоположной стороны из леса вышел еще один тролль, значительно меньше предыдущих, но не менее опасный.

И самое страшное, что на его пути стояла Власта, не подозревающая об опасности. Велдон закричал, но от удара в груди не осталось воздуха, и получился лишь болезненный, надсадный хрип. Рядом не было никого, кто мог его услышать и понять, а тело отказывалось служить.

Время вокруг замедлилось, и мужчина видел все очень хорошо. Вот Власта слышит звук у себя за спиной, вот Реннар ее отталкивает, а тролль заносит дубинку. Целитель не успеет увернуться, и Велдон уверен – скоро раздастся мерзкий звук ломающихся костей.

Удар, и... дубинка раскалывается надвое, ударившись об руку девушки, что заслонила собой целителя. Тролль недоуменно смотрит на ставшее негодным оружие, а Власта меж тем вырывается у него остаток дубинки из рук и со всей силы бьет по хребту. Тролль наклоняется, острые девичьи коленка врезаются ему в лицо. Удары смешны и нелепы, с таким же успехом ребенок может пинать воина в боевом облачении, но тролль почему-то ведет себя так, словно побежден. Дубинка еще раз обрушивается ему на голову, а затем Власта поднимает копье, оброненное кем-то у костра, и со всей силы вонзает его прямо в грудь лесному монстру. Копье входит по основанию, остается глубоко в земле, навечно пригвождая тролля к этой дороге.

Воцаряется тишина. Бой окончен, а к Велдону возвращается способность двигаться. Реннар осматривает пострадавших. Воины восстанавливают сокрушенные палатки и оттаскивают туши троллей подальше от лагеря.

А Велдон, не отрываясь, смотрит в серые, почти прозрачные глаза. И чудится ему в них смешинка, а может, просто снег искрится и играет отражением во взгляде принцессы Власты Литор.

Гнедой конь шел впереди отряда, указывая дорогу к Ледяному Граду.

Чуть позади, буквально на половину шага, степенно ступала вороная кобыла, гордо неся новую хозяйку. За спасение Реннар сделал Власте щедрый подарок. Он уже был слишком стар для коня, но лишь теперь, когда стал обязан жизнью этой принцессе, согласился пересесть в повозку.

– Папенька силу не одобрил, – сказала Власта, улыбнувшись собственным мыслям. – В ужас пришел. Как так, девочка – да охотница? Велел запереться дома, книжки читать, музыку учить и молить богов о хорошем муже. А я через окно сбегала и путников вытаскивала из ловушек. Всегда к рассвету возвращалась, да вот не успела один раз. И пapa пообещал выдать замуж... за первого, кто войдет в городские ворота. Так кто же знал, что вы через хребты поедете?

– И отдал, – кивнул Велдон.

Он тоже сидел прямо, не показывая слабости, хоть удар и заставлял ныть всю грудину.

– Отдал, – вздохнула девушка. – Сказал, что раз я девушкой быть не хочу, буду женой варвара, и поделом.

– И ты решила притвориться испуганным ребенком.

– Ну почему притвориться? – звонко рассмеялась она. – Я и впрямь испугалась. Потом ты сказал про женщин-воинов, и я подумала... а вдруг? Вдруг разрешишь использовать силу. Раздумывала, как подступиться с таким, а тут тролли. И само вон все вышло, странно так.

После долгого молчания, во время которого Велдон лишь поражался тому, как легко девчонка обвела его вокруг пальца, он спросил:

– Значит, домой ты не хочешь?

– Нет, – лукаво улыбнулась Власта. – И к вашим советникам тоже не хочу.

Она пустила вороную вперед, да так, что из-под копыт только снег и летел.

– Нам придется поговорить еще раз, – крикнула, обернувшись. – О том, чтобы вернуться в Град твоей... женой.

Бросив взгляд на отряд, Велдон пустил коня следом. Если что случится, он успеет вернуться. А дать себя обойти молодой девчонке... да будь у нее трижды дар охотницы, она в первую очередь его жена. И теперь-то уж точно никуда не денется.

В лицо ударили холодный воздух. Теперь он не обжигал. Теперь в нем витал аромат перемен, хоть Велдон не просил ничего у богов, но отказываться от предложенного не собирался.

Вот так шел себе тролль по лесу, искал пропитание. Ну или надеялся убиться о меч храброго воина. А убился о девушку, и кто знает, скольких

еще впереди подобная участь ждет. Впрочем, история ведь не об этом, правда?..

Светлана Ушкова

Любовь по распределению

Запряженный парой лошадей трамвайчик громыхал по рельсам, а я

хмуро смотрела в окно на просыпающийся город. Еще пара остановок, и я окажусь перед входом в центр порталных перемещений Индросара. Из столицы мне предстояло отправиться за сотни километров на север, в земли оборотней. Точнее, в Аттаргат – столицу клана Черных скал. И от этого факта по коже пробегали пугливые мурашки, а душа боязливо сжималась.

«Бездна поглоти службу распределения выпускников», – в очередной раз ругнулась я, вспоминая, по чьей милости оказалась в подобной ситуации.

Неделю назад в кабинет старика Гантави, своего куратора, я летела с широкой улыбкой и надеждой получить отличную работу в столице. Еще бы! Ведь золотой диплом выпускника Академии Казначейства не мог не воздаться сторицей. Но меня ждал неприятный сюрприз.

– Вы шутите? – с надеждой спросила я, вчитываясь в строчки направления. – Как такое возможно? Оборотни не принимают в кланы людей!

– Ну отчего же, если им нужны специалисты, то принимают, – сухо откликнулся профессор.

– Неужели у них своих не нашлось? – в отчаянии спросила я.

– Если вы прочитаете до конца, то увидите, что на должность аудитора требуется именно человек. Не знаю, что случилось у альфы Дирта Модлара, но своим он, видимо, не доверяет, – равнодушно проговорил куратор, а после, задумчиво потерев подбородок, предложил: – Впрочем, вы можете отказаться от распределения. Но, так как вы обучались на бюджетной основе, придется оплатить счет за пятилетнее обучение.

На мгновение вспыхнувшая надежда умерла, придавленная заоблачным количеством лит, требующихся для откупа. Ни у родителей, ни тем более у меня таких денег отродясь не было.

Приспично же Модлару проверить своих на вшивость человеческими руками! Мало того что оборотни в принципе людей не любят, считая их навроде расплодившихся кроликов, так аудитора будут ненавидеть вдвойне. Где гарантия, что кто-нибудь не устроит специалисту со стороны несчастный случай? Даже власть альфы от подобных доброжелателей не убережет.

Неудивительно, что главе клана пришлось обращаться в службу распределения. Ни один состоявшийся специалист не согласится на подобные перспективы. В отличие от обязанных отработать свое обучение бедных выпускников.

– А может, есть другое распределение? – с надеждой спросила я и состроила умоляющее выражение лица, но Гантави это не проняло.

– Увы, заявки на выпускников с бюджета распределяются центральной службой, и изменить их невозможно. Так что у вас два пути: либо отработать пару лет по направлению, либо оплатить обучение и найти работу самостоятельно.

В общем, выбора у меня не оказалось.

И теперь я направлялась в клан оборотней, который пару столетий назад первым предложил сократить популяцию людей до минимума и последним притерпелся с нашим существованием. Да даже сейчас на их территории убийство человека не считалось наказуемым деянием!

Трамвайный колокол звякнул, вырывая меня из воспоминаний, а механический женский голос сообщил:

– Центр порталных перемещений. Следующая остановка...

Дальше запись слушать не стала. Подхватила длинную юбку дорожного платья, небольшой чемодан на колесиках и поспешила выйти.

Оказавшись перед двухэтажным серым зданием, над входом которого блестели три медные буквы «ЦПП», я на мгновение дрогнула. Осознание, что еще немного и обратно могу уже не вернуться, страхом прошлось по позвоночнику.

«Соберись, Анрия. Ты хороший специалист, ты справишься с этой работой. Глава клана дал обещание защиты, значит, надо просто быть предельно вежливой и не влезать куда не следует», – я постаралась настроить себя на позитивный лад. После чего, сделав глубокий вдох, шагнула в сторону центра.

На входе меня, как и всех желающих воспользоваться порталами, обдало теплым дуновением от сканирующего заклинания. Но, в отличие от остальных, я не стала сворачивать в сторону касс. Мой далеко не дешевый «проезд» оплачивал будущий работодатель. Поэтому направилась прямиком в соседний зал, вдоль одной из стен которого тянулась вереница однообразных каменных арок. Внутри «проходов» клубился туман всех возможных оттенков, а сверху горели таблички с названиями различных областей и городов.

Я шла вглубь помещения, минуя многочисленные очереди, искала специальный портал свободной настройки. Первый такой попался в середине зала. Рядом с ним отправления ждали лишь двое мужчин, одетых в дорогие деловые костюмы с зауженными по последней моде брюками и удлиненными сюртуками.

Очередь закончилась быстро. Даже слишком. Мне очень захотелось пропустить кого-нибудь спешащего вперед, но, оглянувшись, к сожалению, таковых не нашла.

– Мисс, для настройки портала мне требуется ваш билет, – поторопил дежуривший у арки маг.

Резко выдохнув, я решительно шагнула к мужчине и протянула ему выуженную из сумочки бумагу с гербовой печатью.

Прочитав место назначения, маг взглянул на меня с сомнением. Правда, задавать лишних вопросов не стал, просто проверил занесенный в билет отпечаток моей ауры и связался с точкой выхода.

Ответ пришлось ждать несколько долгих и нервных минут. У меня в какой-то момент затеплилась надежда, что в доступе откажут и это отсрочит мое перемещение на пару дней, пока уладят все вопросы. Но туман в арке все же сменил цвет, наполнившись чернильной тьмой. Ох, как же захотелось сбежать! Впереди ждал слишком пугающий и незнакомый мир, где предстояло жить среди хищников.

– Мисс? – обеспокоенно спросил маг, видя мою нерешительность.

Я резко тряхнула головой, отгоняя от себя панические мысли. В конце концов у меня есть защита Модлара и шанс заработать, а сбежав, я лишь погрязну в долгах и родителей по миру пущу.

Пара шагов, и я оказалась в Аттаргате.

В небольшом, отделанном серым гранитом зале меня встречали два оборотня. Рядом с единственной каменной аркой застыл мускулистый паренек в простых, без изысков, брюках и пиджаке. Скорее всего, он открывал для меня портал. А вот в паре метров впереди стоял плечистый высокий мужчина в дорогом, темно-синего бархата камзоле. Его волосы цвета воронова крыла спускались на плечи, едва прикрывая перевязь. Но это не мешало рассмотреть украшенный драгоценными камнями герб с когтистой лапой, скребущей символичное изображение черной горы.

«Глава клана», – моментально догадалась я и сделала приветственный книксен, отметив, что привлекательности мужчине не занимать. Правильные черты лица притягивали взгляд, а сжатые в одну линию губы и массивный подбородок выдавали в нем суровую и властную натуру. Правда, сильнее всего меня поразили невероятные желтые глаза оборотня. Среди людей таких точно не встретишь.

– Анрия Кирт? – вместо приветствия сухо поинтересовался альфа и глубоко вдохнул, словно принюхиваясь.

Странные манеры оборотня смущали, но я решила не придавать этому значения. Только отметила, что мужчина после «обнюхивания» недовольно нахмурился.

«Вот и начались трудности. Духи ему мои не понравились, что ли?» – мысленно отметила я, но паниковать раньше времени не стала.

Выпрямилась и уверенно ответила:

– К вашим услугам.

Глава окинул меня еще одним придирчиво-недовольным взглядом, но все же приказал:

– Идемте, – после чего резко развернулся и направился к выходу.

Мешкать не стала, подхватила юбку и поспешила следом. Правда, в один шаг оборотня укладывалось два моих, и, чтобы догнать его, пришлось приложить немало сил.

Миновав узкий, длинный коридор, мы вышли на улицу. Правда, осмотреться особо не удалось: прямо у ступенек стояла большая, без опознавательных знаков карета. И стоило нам появиться на крыльце, как рядом мгновенно оказалась пара внушительного вида мужчин в серой форме. Один распахнул дверцу экипажа, пропуская своего альфу, а второй, принудительно забрав чемодан и подхватив меня за локоть, помог взобраться в салон следом. Если точнее, то впихнул внутрь. Пришлось поджать губы, чтобы не ляпнуть что-нибудь едкое о правилах обращения с дамой.

Как только я устроилась на мягкому, отделанном кожей диване, сидящий напротив глава вновь потянул носом воздух и поспешил коснуться одного из кристаллов на панели управления. В тот же миг по лицу скользнул прохладный ветерок.

«Включил принудительную вентиляцию. Точно мой парфюм не угодил», – хмуро заключила я.

А и ладно, сам виноват. Надо было указывать в требованиях к работнику, что не переносишь аромат чайной розы.

Пока я боролась с вспыхнувшими досадой и раздражением, карета тронулась. Но легче не стало. В воздухе буквально чувствовалось напряжение, и неловкое молчание лишь усугубляло ситуацию.

Однако спрашивать о чем-то альфу язык не поворачивался. А сам глава клана заводить разговор не собирался, глядя куда-то в пустоту чуть выше моего правого плеча. Отвлечься на виды Аттаргата тоже не получилось – окна наглухо занавесили плотными шторами. Пришлось всю дорогу посвятить нервному разглядыванию декоративных складок на платье.

К счастью, продлилась своеобразная пытка недолго. Спустя четверть часа экипаж остановился, а дверь распахнулась. Выскочив вслед за альфой на улицу, я моментально оказалась под конвоем все тех же плечистых парней.

Когда мы поднялись по каменным широким ступеням, ведущим к входу в величественный замок, двери незамедлительно распахнули.

Встречал нас подтянутый мужчина средних лет в черной лакейской ливрее. Он склонился в низком приветственном поклоне, пропуская хозяина. На меня, естественно, даже не взглянул.

Переступив порог, я оказалась в просторном холле. Солнце проникало сквозь витражные окна, раскрашивая отделанные светлым мрамором пол и стены во всевозможные краски. У дальней стены вверх уходила широкая лестница с резными перилами.

Практически сразу Модлар обратился к слуге:

– Йетр, проводи мисс Кирт в ее комнату и распорядись о завтраке, – после чего обернулся ко мне: – Как расположитесь, пришлю за вами, обсудим ваши обязанности.

– Как пожелаете, – откликнулась я, приседая в быстром книксене.

Альфа кивнул и отправился по делам, оставив меня в компании своих подчиненных.

Я нервно сглотнула, провожая главу взглядом. В его компании определенно было спокойней, все-таки именно он обещал защиту.

– Прошу за мной, – обратился ко мне дворецкий и, не дожидаясь ответа, направился к лестнице.

Всю дорогу до выделенных апартаментов меня не покидало ощущение захлопывающейся ловушки. Конвой из двух стражников усугублял ситуацию.

Об осмотре интерьеров замка и речи не шло. Воспаленное страхом сознание не желало воспринимать окружающее пространство. Все древние гобелены, портреты, вазы и статуи слились для меня в одно смазанное пятно.

Но, как оказалось, переживала я зря. На протяжении всего пути никто из сопровождавших оборотней не выказал никакой агрессии или недовольства.

Поднявшись на второй этаж, мы прошли в конец коридора, ибо выделенная мне комната оказалась самой крайней.

«М-да, случись что, до помохи не докричишься...» – уже практически без удивления отметила я и, повинувшись приглашающему жесту Йетра, вошла внутрь.

Вопреки опасениям, просторное помещение, отделанное в светлых тонах, оказалось достаточно уютно обставлено. Справа у стены находилась роскошная кровать под бирюзовым балдахином, а у окна, задрапированного тяжелыми шторами, расположились пара мягких кресел и чайный столик. Чуть в стороне я увидела украшенный позолотой трельяж, а в дальнем углу приметила небольшую дверь в ванную комнату.

Мой чемодан стражник оставил рядом с массивным трехстворчатым шкафом.

– Завтрак подадут через двадцать минут, – ровно сообщил Йетр и оставил меня в одиночестве.

– Ну, пока все не так страшно, как казалось вначале, – облегченно вздохнула я, когда дверь закрылась.

Правда, пока «общаться» пришлось лишь со стражей и прислугой. И не думаю, что более статусные оборотни проявят такую же лояльность.

Взять хотя бы самого Модлара. Вот что ему стоило так явно не демонстрировать отношение к моему парфюму? Или ему в принципе человеческий дух не по нраву?

Махнув рукой на все предположения, я решила заняться первоочередными делами: разобрать чемодан и сменить дорожный комплект на повседневный. Для первого трудового дня выбрала темно-бордовое платье, укращенное черным лаконичным кружевом. Мягкий корсет практически не сковывал движения, а рукава прикрывали плечи и руки до локтя. Дополнял образ небольшой овальный кулон с переливчатым драгоценным камнем. Благодаря своей способности менять окраску, амулет, подаренный матерью, подходил к любому наряду.

Переодевшись, я собрала рабочую сумку. В небольшой, но вместительный портфель убрала пару блокнотов, писчие принадлежности с запасными чернильными капсулами и, главное, аналитический кристалл.

Артефакт, без которого не обходился ни один казначей, выглядел как овальный камень из горного хрусталя, оправленный в серебро. Он легко помещался на ладони. Внутри переливчатых граней клубился белесый туман сложного записывающего заклинания, которое создавало проекции таблиц и производило необходимые расчеты. Стоила такая вещица недешево, но я еще ни разу не пожалела, что разорилась на нее, будучи еще на третьем курсе.

Неожиданно раздался стук в дверь. Пред тем как разрешить посетителю войти, я глубоко вдохнула. Откровенно – было боязно. Но на пороге появилась молодая черноволосая служанка с пронзительно-яркими голубыми глазами. Она держала в руках поднос с тарелками, накрытыми фигурными крышками.

– Меня зовут Риита, – вежливо проговорила она, приседая в положенном книксене. – Альфа велел подать вам завтрак, а после проводить к нему.

В ответ я лишь кивнула и села за стол.

Горничная терпеливо дождалась, когда я разделяюсь с ветчиной,

яичницей и чаем с пирожным, после чего попросила следовать за ней.

К моему удивлению, альфа ждал не в своем кабинете, а в архиве, расположенному на первом этаже.

Здесь напрочь отсутствовали окна. Единственный магический светильник нормально освещал лишь массивный стол и несколько стеллажей, заставленных папками. Когда я вошла, Модлар как раз задумчиво изучал корешки учетных книг.

За моей спиной раздался звук закрывающейся двери, а следом шелест сомкнувшейся непроницаемой защиты, призванной уберечь архив от любых катаклизмов.

– Проходите, присаживайтесь, – приказал оборотень.

Прокользнув мимо начальника, я спешно опустилась на край единственного стула и замерла в ожидании. Дыхание немного перехватывало от волнения: мне предстояло выслушать свои обязанности и ничего не упустить. Не хотелось опростоволоситься в первый же день.

Тем временем альфа подошел ближе и придинул ко мне ключ. Правда, едва втянул носом воздух, сразу же отступил на пару шагов.

«Надо было пропустить завтрак и в душ сходить», – с досадой отметила я, стараясь скрыть неуместное смущение и раздражение.

– Это – ключ от архива, – тем временем холодно пояснил Модлар. – Здесь вы будете работать. Вам предстоит найти в документах изъян, о котором мне хотел не так давно сообщить мой бывший казначей, но не успел.

Я невольно нахмурилась.

– Не успел?

– Он скоропостижно скончался, – сухо сообщил альфа. – Вас это не должно волновать. Я хочу в ближайшее время узнать, о какой финансовой махинации он собирался рассказать. В вашем распоряжении все документы, и если что-то еще понадобится, обращайтесь. Понятно?

В первое мгновение я растерянно моргнула, но практически сразу взяла себя в руки и уверенно кивнула:

– Да, сделаю все что смогу.

– О любой мелочи будете сообщать лично мне. И не распространяйтесь о своем задании. Для остальных вы просто временная замена, призванная привести документы в порядок. Покидать пределы замка без моего согласия нельзя. Надеюсь, вы понимаете, что ваша безопасность зависит не только от моего покровительства, но и от вашего благоразумия.

Мужчина говорил спокойно, но тревога, сковавшая все внутри еще

неделю назад, сжала меня сильнее. Одно дело – предполагать, какие опасности поджидают, и совершенно другое – получить им подтверждение.

– Я все поняла, – быстро заверила Модлара. Надеюсь, мой голос не слишком жалко звучал.

– Отлично. Вечером будет званый ужин, там вас представим. И заодно, – альфа как-то странно усмехнулся, – продемонстрируете свою храбрость. В нашем обществе это немаловажный фактор.

Я нервно сглотнула. Ужин? Среди оборотней? Да я там скончаюсь от разрыва сердца! Какая уж тут храбрость?!

Вот только воспротивиться и отказаться я не могла.

– Кхм, – кашлянула я, пытаясь заставить перехваченное страхом горло работать. – Постараюсь не подвести.

– Очень надеюсь, – хмыкнул мужчина и развернулся к выходу, но обернувшись на пороге, ровно проговорил: – И еще, смените духи.

Оставшись одна, я еще некоторое время просто не могла пошевелиться. В голове судорожно бегали мысли о задании, смерти предшественника, предстоящей демонстрации храбрости. Еще эти духи! Где я возьму другие, если из замка выходить нельзя под страхом смерти? Можно было бы попросить Рииту купить, но денег у меня не слишком много. Жаль тратить на прихоть какого-то там… оборотня. Разве что в счет будущего жалованья?

Да, так и поступлю. Вечером попрошу у альфы выписать мне чек. В конечном счете это ему не нравится мой парфюм, пусть помогает.

Посчитав проблему решенной, я собралась и все же приступила к выполнению своих трудовых обязанностей.

– Ну-с, начнем! – подбодрила я себя и, подойдя к ближайшему стеллажу, взяла первую папку с годовыми отчетами.

За разбором документов не заметила, как наступило время обеда. Если бы не настойчивый стук в дверь и не вошедшая после разрешения Риита, я бы про него и не вспомнила. Впрочем, от посещения столовой я отказалась. Во-первых, в рабочем азарте голода я не чувствовала, а во-вторых, лишний раз покидать защищенный архив не хотелось.

В следующий раз оборотниха появилась вечером.

– Ужин начнется через два часа, – сообщила она. – Мне велено вас проводить.

– Да, конечно. Только сначала мне нужно переодеться, – встрепенулась я и, убрав аналитический кристалл в сумку, поспешила на выход.

Добравшись вместе с горничной до своей комнаты, я выудила из чемодана единственное вечернее платье, которое взяла на всякий случай.

Наряд приобретала для выпускного, потратив всю месячную стипендию. Он хоть и не отличался особыми изысками, но смотрелся достойно. Шелковая тонкая ткань серо-жемчужного цвета приятно переливалась и даже без специальных декоративных элементов смотрелась великолепно. Расшитый серебряной нитью корсет выгодно подчеркивал талию и даже мою небольшую грудь.

Платье практически сразу взяла на поруки Риита, кивнув мне в сторону ванной:

– Пока вы принимаете душ, я все подготовлю.

Я на мгновение опешила, непривычная к подобным жестам, особенно со стороны оборотня, но отказываться не стала и, быстро поблагодарив девушку, скрылась в ванной.

На душ потратила около четверти часа, куда больше ушло времени на укладку волос и макияж. Правда, с этим помогла Риита. Уложив мои пепельно-русые локоны в сложную прическу, она взялась подводить стрелки на веках.

– А у вас необычные для человека глаза, – задумчиво проговорила девушка. – Не слышала, чтобы у вашей расы были желто-зеленые оттенки.

– Такие редко, но встречаются, – улыбнулась я, понимая, что девушка судит лишь по слухам и обобщенной информации. – Хотя ваши глаза, безусловно, намного красивее.

На комплимент молодая горничная горделиво усмехнулась, но комментировать не стала.

– Пойдемте, гости уже собираются.

– Да, сейчас...

Рука рефлекторно потянулась к фигурному флакончику с духами и замерла в нерешительности. Раздражать альфу их запахом еще раз не хотелось. Поэтому решила обойтись без дополнительных ароматов. В конечном счете, я только что из душа.

Покинув комнату, я следом за Риитой спустилась на первый этаж. И практически сразу попала под перекрестный обстрел презрительными и недобрьями взглядами.

Оборотни в дорогих нарядах моему появлению уделили самое пристальное внимание. В какой-то момент показалось, что воздух вокруг начнет искрить от напряжения. Я чувствовала себя натянутой до предела струной, а сохранять спокойствие удавалось с большим трудом.

«Анрия, ты должна пройти это испытание. Глупо предоставлять этим хвостатым повод тебя презирать! Человек – это звучит гордо!» – подбодрив себя, я нашла то самое упрямое чувство, которое позволило невозмутимо

добраться до входа в торжественный зал.

Риита оставила меня у порога отделанного белым мрамором и золотом помещения. Скользнув взглядом по гостям и стоящему в стороне богато сервированному столу, я практически сразу наткнулась на Модлара. Глава клана сменил синий камзол на алый с золотой вышивкой, а волосы собрал в хвост, что ему удивительно шло.

Альфа встречал гостей в центре зала, величественно отвечая на приветствия и порой заводя короткие разговоры. От его позы и жестов буквально исходила сила. Даже у глупца, обделенного разумом, не возникло бы сомнений, что именно этот оборотень здесь всевластный хозяин.

«Вот уж рядом с кем меня точно не тронут», – билась в голове мысль, а ноги несли к цели.

Мое приближение заметили где-то на половине пути. Дирт Модлар прервал разговор и обратил на меня пристальный взгляд. На его лице, к моему удивлению, появилась довольная усмешка, а в едва прищуренных глазах сквозил испытующий интерес.

«Он полагал, что я испугаюсь и не приду, а теперь ждет последствий?»

Впрочем, мелькнувшее на задворках сознания недоумение я быстро отбросила. После на эту тему подумаю.

Когда я оказалась в паре шагов и присела в положенном книксене, оборотень потянул носом воздух и... закаменел. Я кожей ощутила резко возросшее напряжение и насторожилась.

Что опять не так?!

Хотелось уже откровенно взвыть и потребовать конкретный перечень того, что вызывает у начальника раздражение. Вот только сейчас менять что-либо было уже поздно. Если прогонит с торжества, я буду только рада.

– Как продвигаются дела? Только коротко, – холодно спросил альфа.

– Разбираюсь с документами, сверяю правильность отчетов, составляю аналитические таблицы, – быстро отрапортовала я.

Дирт кивнул и, махнув рукой, сухо приказал:

– Отдыхайте. Скоро подадут ужин.

Я быстро огляделась по сторонам и поняла, что уходить не хочу. Рядом с главой, несмотря на его раздражение, было спокойнее.

– А представлять меня не будете? – ляпнула я, вместо того чтобы радостно удалиться.

– Вас уже все видели, этого достаточно, – явно теряя выдержку, рыкнул Модлар и первым отошел в сторону, намекая, что разговор окончен.

Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру и двинуться в

противоположную сторону. Я добралась до окон и только здесь поняла, что забыла попросить выписать мне часть жалованья на покупку духов.

Взгляд метнулся к Модлару, но тот уже разговаривал с подошедшими дамами, и мне ничего не оставалось, как ждать подходящего момента. Наблюдая за альфой, я в очередной раз не смогла не отметить, что глава клана Черных скал – невероятно красивый и притягательный мужчина, особенно когда улыбается.

«Для тебя, Ани, у него в арсенале лишь приказы, недовольный взгляд да постоянные придирики», – с сожалением констатировала я.

– Добрый вечер, – неожиданно раздался совсем близко чуть вибрирующий мужской голос.

Вздрогнув, я резко обернулась и увидела рядом высокого, черноволосого, как и альфа, оборотня. Он приветливо улыбался и не выказывал никакой агрессии, но я все равно настороженно подобралась и покосилась в сторону Модлара. Однако тот приветствовал своих гостей и в нашу сторону не смотрел.

– Не стоит меня бояться, – тут же заверил незнакомец, заметив мой взгляд.

«Действительно, здесь же кругом милые и пушистые... волки!» – с сарказмом хмыкнула я и, вспомнив наставление альфы о храбрости, постаралась взять себя в руки. Даже подобие приветливой улыбки удалось натянуть.

– Меня зовут Остир де Шнавер, я занимаюсь в клане банковскими делами, – представился мужчина. – Вот решил, так сказать, поздороваться с коллегой.

– Арния Кирт, – откликнулась я. – Приятно познакомиться.

– Как вам первый день на новом рабочем месте? – вежливо поинтересовался Шнавер.

– Разбираюсь с бумагами, которые оставил после себя предыдущий казначей, – нейтрально проговорила я.

Оборотень понятливо покачал головой и с легкой грустью в голосе сказал:

– Мистер Травер был хорошим специалистом, но разбирать бумаги, особенно в последнее время, крайне не любил. Так что, если не найдете какие-то документы, обращайтесь, постараюсь помочь.

Я припомнила все виденные мною папки и не сказала бы, что там был бардак.

«Надо будет посмотреть последние месяцы», – поставила себе зарубку.

– Буду иметь в виду, – откликнулась я и осторожно

поинтересовалась: – А как умер мистер Травер?

– В своей постели. Ночью, – охотно откликнулся оборотень. – Мы были хорошими друзьями, но, увы, никто не вечен.

– Соболезную, – искренне выдохнула я, понимая, что все это – не случайное совпадение. Сначала мистер Травер обнаруживает финансовые махинации, потом пропадают документы, и следом казначей таинственно умирает.

– О, мы с вами болтались, – бодро проговорил оборотень и подхватил меня под локоток. – Позвольте, я вас провожу к столу.

От неожиданности я даже не подумала об отказе и послушно двинулась за мужчиной.

Прожигающий взгляд главы клана почувствовала кожей, а обернувшись, поняла: «Я опять сделала что-то не так». Правда, страха по этому поводу не испытала, видимо, устала дергаться. Куда больше волновал приставший как банный лист Шнавер. Оборотень почти силой усадил меня рядом с собой в центре длинного стола, вместо того чтобы отвести к самой дальней его части. И мои попытки сообщить об этом пропускались мимо ушей.

Весь ужин мужчина ухаживал за мной и рассказывал, какие блюда национальной кухни оборотней придется мне по вкусу, а какие для человеческого желудка слишком «сыроваты». Информация, конечно, была ценной, поэтому я вежливо благодарила и улыбалась. А еще старалась не замечать пристальные взгляды со стороны альфы, хотя порой кусок вставал поперек горла от такого внимания. Боги, да даже сидящие рядом местные вельможи столько недовольства не выказывали!

«Раз я ему так не нравлюсь, пусть отправляет домой. Я даже на отметку о профнепригодности согласна», – хмуро размышляла я, стараясь хотя бы на лице удержать спокойное выражение.

Окончание трапезы встретила как божественное благословение. Мысль, что еще немного и окажусь вдали от начальства, надменных оборотней и всего прочего, придавала сил. Но радость оказалась преждевременной. Когда я поднялась со своего места, Шнавер неожиданно ухватил меня за локоть и отвел в сторону от шумных гостей, которые спешили выказать благодарность хозяину замка.

– Мисс Кирт, – заговорщически понизив голос, начал оборотень. – Я хочу предложить вам помочь. Вы – молодая красивая девушка, и мне бы не хотелось, чтобы вы здесь сгинули. Я могу вытащить вас отсюда и устроить на работу по протекции в людском банке. Но ваше решение мне необходимо в ближайшее время, пока вы не сильно углубились в клановые

дела. Иначе, даже покинув Аттаргат, вы не будете в безопасности.

Я глубоко вдохнула, стараясь не позволить вспыхнувшей с новой силой панике выплеснуться наружу. До этого момента я даже и не задумывалась, что после двух лет отработки мне откажут в возвращении домой. А может, и того хуже...

Меня просто устраният, желая сохранить дела клана в тайне!

Что-то внутри встрепенулось против такого предположения: «Альфа не похож на того, кто может отказаться от обещания».

– Альфа Дирт дал слово, что мне не причинят вреда, – столь же тихо сообщила я.

– Пока вы находитесь в клане, – парировал Шнавер. – Но у вас вся жизнь впереди. Неужели вы хотите похоронить себя здесь?

С чего вдруг такая забота? Или это очередная ловушка?

– В любом случае, мое предложение будет в силе и через два года, – громче, чем раньше, заверил мужчина, чем вызвал у меня недоумение.

– Что за предложение? – голос незаметно подошедшего Модлара морозом пробежал по коже.

Вздрогнув всем телом, я обернулась к недовольно прищурившему глаза начальнику и забыла все слова оправдания.

Ситуацию спас Шнавер, спокойно ответив:

– На место мистера Травера спустя какое-то время придет другой оборотень, поэтому я осмелился предложить мисс Кирт место в банке. Было бы неплохо для связи с людьми иметь в штате человека.

Вот ведь верткий тип, и не соврал же по большому счету.

– А ты везде пытаешься найти для себя выгоду, Остир, – хмыкнул альфа, поверив в объяснения.

– Профессиональная привычка, – с улыбкой заверил банкир, после чего, поклонившись на прощанье, поспешил покинуть зал.

А в следующий миг на моем локте болезненно сомкнулись мужские пальцы. Все спокойствие Модлара оказалось лишь идеальной маской. Оборотень, не говоря ни слова, быстро потянул меня к противоположному выходу. Да с такой скоростью, что я даже пискнуть не успела, как очутилась в коридоре.

Чувствуя нарастающую панику, я дернулась в отчаянной попытке вырваться. Но мои потуги альфа даже не заметил. Он протащил меня еще с десяток метров и, резко открыв одну из дверей, затянул внутрь темной комнаты.

Мгновение, и меня резко дернули назад, прижимая спиной к закрытой двери.

Я замерла, боясь пошевелиться. В голове судорожно носились мысли в поисках оправдания лжи Шнавера и заверений, что я не виновата.

Тем временем оборотень склонился к моим волосам и с шумом втянул воздух.

А я... я окончательно растерялась. Что вообще происходит?

Модлар же, не замечая ничего вокруг, продолжал дышать мной. Я чувствовала, как бешено бьется мужское сердце, а от сжимавших талию сильных рук исходил невероятный жар.

И неожиданно, вопреки всякому здравому смыслу, по телу пробежали мурашки, а губы пересохли от вспыхнувшего возбуждения. Когда мужское дыхание коснулось обнаженной шеи, я закусила губу, поймав себя на желании ощутить в том месте поцелуй.

– Твой запах сводит меня с ума, – хрипло проговорил Дирт, прижимая сильнее. – И не могу понять почему? Что в тебе такого притягательного? Ты ведь всего лишь человек...

Ответить я была просто не в состоянии, да от меня этого и не ждали. Пребывая в каком-то трансе, альфа продолжал глубоко вдыхать и скользить руками по моему телу. Боги! Да я сама выпала из реальности, утопая в нахлынувшем наслаждении.

В какой-то момент мужчина обхватил рукой мой затылок и потянул назад, вынуждая запрокинуть голову и посмотреть в глаза. Почекневшие омыты жадно вглядывались в мое лицо, пытаясь найти ответы. В повисшей тишине я немного пришла в себя и поняла, что все это надо как-то прекратить. Срочно!

Я облизнула пересохшие губы, чтобы сказать хоть слово, но не успела.

Взгляд оборотня вспыхнул золотом, и Дирт с глухим рыком запечатал мне рот поцелуем.

В одно мгновение я забыла все, что только можно забыть. Демон побери, меня еще никогда так не целовали! Жадно, настойчиво, вынуждая сдаваться и задыхаться от удовольствия.

Все закончилось так же резко, как и началось. С глухим рыком Дирт выпустил меня из объятий и метнулся вглубь комнаты. А я осталась цепляться за резные выступы двери, чтобы хоть как-то удержаться на непослушных ногах.

Это что сейчас было? Я совсем инстинкт самосохранения потеряла?!

Ответить себе не успела, мужчина вернулся и всучил мне в руки флакон с духами.

– Это нейтрализатор. Без него из комнаты не выходишь, – тяжело дыша, прорычал оборотень. – А теперь живо к себе!

Повторять дважды не пришлось. Подхватив юбку, я стрелой вылетела в коридор и понеслась на второй этаж с такой скоростью, будто следом гончие псы бежали. Расстояние до комнаты преодолела на одном дыхании. Лишь когда дверной замок щелкнул, я обессиленно осела на пол. Тело потряхивало от пережитых эмоций и противоречивых чувств.

Я откровенно не понимала происходящего. Оборотни никогда не связывались с людьми. Так с чего вдруг Дирт проявил ко мне вполне конкретный интерес? Я ему настолько понравилась?

Сердце на миг сжалось в приятной истоме, но внезапно включился голос разума: «Ему понравился запах, и связываться со мной он не собирается».

Я посмотрела на зажатый в руке флакон с нейтрализатором. На долю секунды сердце кольнула досада, но я быстро затолкала это чувство как можно глубже. Мы с Диртом изначально не можем быть парой, и сожалеть об этом нет смысла.

Стоило много о чем подумать. Решить, как вести себя дальше, сделать выводы из ситуации со Шнавером... Но, добравшись до кровати, я просто отключилась.

Утром меня разбудила Риита. Девушка принесла завтрак, избавив от необходимости идти в столовую, за что я ей была необычайно благодарна.

До ванной комнаты ползла со скоростью самой медлительной улитки. Выходить из комнаты не хотелось, думать – подавно. Подленькое чувство подсказывало – ничего хорошего из этого не выйдет, только еще больше расстроюсь.

Одевшись и позавтракав, я побрызгалась нейтрализатором и хмуро отправилась на работу. Подбадривала себя мыслью, что если раскрою финансовую махинацию, а отношения с начальством нормализуются, то может и получится вырваться домой.

Но едва я задумалась, как буду выпрашивать себе вольную, память услужливо подбросила воспоминания о вчерашнем поцелуе. Внутри мгновенно все сжалось в приятной истоме, а дыхание замерло.

«Да что б ему пусто было!» – раздражаясь, пожелала я оборотню. Будто мне других проблем было мало, теперь еще и это надо как-то забыть.

Придя в архив, я даже не глянула на оставленные вчера на столе документы и полезла в отчетность последних трех месяцев. И не удивилась, обнаружив там сущий бардак.

За разбором бумаг время летело невероятно быстро. Казалось, что я вот-вот нападу на след финансовых махинаций, поэтому ни на что не

хотелось отвлекаться. Обед и ужин заменила чаем с булочками, которые мне принесла Риита, а вечером засиделась аж до полуночи.

Однако, несмотря на все усилия, к разгадке тайны казначея я так и не приблизилась. Устало потянувшись и размяв затекшую шею, я с грустью посмотрела на заваленный бумагами стол. Как и говорил Шнавер, части банковских расчетов не хватало. Еще отсутствовали некоторые акты, и это сильно усложняло поиски.

Решив на сегодня закончить с работой, я отправилась спать.

В коридорах уже погасили большинство светильников, так что пришлось щелкнуть пальцами, чтобы вызвать небольшой огонек. Удалось, правда, не с первого раза. Голова с трудом соображала, сконцентрировавшись на желании добраться до подушки. Я даже про страх забыла, стремясь скорее вернуться в комнату.

«Еще немного», – мысленно вздохнула я, выйдя в центральный холл и приблизившись к широкой лестнице.

Но внезапно что-то тихо свистнуло, и плечо пронзила острая боль.

Вскрикнув, я схватилась за поврежденную руку, из которой торчал тонкий дротик с черным оперением. А в следующий миг ноги подогнулись. Я попыталась прикрыться руками от новых выстрелов, но их больше не последовало. И нетрудно было догадаться почему.

Яд!

От маленькой раны расплзлась обжигающая боль. Я сделала попытку подняться, но тело не слушалось, полностью отключившись. «Боги, я не хочу тут умирать!» – от бессилия на глаза навернулись слезы.

– Помогите! Хоть кто-нибудь! – срывающимся голосом еле слышно взмолилась я.

– Анрия? – неожиданно раздался удивленно-обеспокоенный голос Дирта откуда-то сверху.

– Пожалуйста! – Я подняла затуманенный взор, но разглядеть альфу не смогла.

Неужели померещилось?

К счастью, нет. Спустя мгновение меня прижали к полу.

– Лежи, – приказал Дирт и осторожно вытянул дротик.

Понюхав маленькую стрелу и ругнувшись, он подхватил меня на руки и устремился наверх. В считанные мгновения мы оказались в его покоях на третьем этаже. Уложив меня на диван в гостиной, оборотень метнулся к одному из шкафов. Зазвенели переставляемые с места на место пузырьки.

Боль становилась с каждой секундой сильнее, и теперь я уже не могла сдерживать рвущиеся наружу стоны.

В какой-то момент широкая ладонь легла мне на затылок, приподнимая, а в рот аккуратно влили противоядие. На вкус лекарство оказалось горьким, но я глотала его, понимая – иначе не спастись.

Выпила все до последней капли, но на этом мой доктор останавливалась не стал. Оборотень легко разорвал платье на плече, превращая и так немаленькое декольте в нечто совсем непристойное. По инерции я попыталась сомкнуть лоскуты обратно, но мою вялую попытку быстро пресекли, перехватив за запястья.

Дирт открыл пузырек с другим зельем и щедро полил на рану. Мгновенное жжение сменилось приятным онемением, а спустя пару секунд от прокола не осталось и следа.

Облегченно вздохнув, я посмотрела на своего спасителя. Дирт придерживал меня, дожинаясь, когда окончательно приду в норму. Неожиданно захотелось прижаться к мужчине еще плотнее, отгородиться от всего враждебного мира.

От последней мысли я вздрогнула.

Кажется, яд все еще действует – бред в голову лезет.

– Еще болит? – по-своему расценив мою реакцию, обеспокоенно поинтересовался альфа.

– Н-нет, все хорошо. Спасибо, – едваправляясь с нахлынувшими эмоциями, проговорила я и изъявила намерение подняться. Стоило как можно скорее уйти. Вот только от смены положения голова внезапно закружилась, и я пошатнулась.

Дирт тут же сжал мои плечи.

– Осторожней. Не шевелись пока, – посоветовал он, а получив от меня согласный кивок, поднялся и направился обратно к шкафу.

Без его объятий стало как-то… неуютно. Пока мужчина убирал пустые пузырьки и связывался со стражей по переговорному артефакту, я попыталась встать, вот только ноги оказались ватными. Да, в таком состоянии я точно до комнаты не доберусь…

– Куда торопишься? – задал риторический вопрос оборотень. – Подожди немного, я тебя провожу.

– Не надо, я сама…

– Не спорь. Я обещал тебе защиту, – слишком резко оборвал он.

Я нервно вздрогнула и настороженно уставилась на раздраженного мужчину. Тем временем тот шумно выдохнул, успокаиваясь, и более спокойно сказал:

– В этот раз повезло, но еще раз полагаться на случай я не намерен. Теперь у тебя будет охрана.

В комнате повисло молчание, и тут внезапно глаза защипало от слез, а из груди вырвался сдавленный всхлип.

Дирт резко обернулся и строго приказал:

– Не реви.

В ответ лишь громче всхлипнула. Сама не понимала, с чего вдруг заплакала. Радоваться бы, что моей защитой теперь озабочатся в полной мере, но – увы. Издерганные за последние дни нервы просто не хотели прислушиваться к доводам разума, и сдержаться не получилось.

Альфа ругнулся и, в одно мгновение оказавшись рядом, вновь подхватил меня на руки.

Я сразу вцепилась в него как в спасательный круг и вдохнула приятный аромат терпкого парфюма. Накатившая недавно истерика немного отступила, хотя тело еще тряслось и из груди вырывались всхлипы.

Когда мы добрались до моей комнаты, я уже мертвой хваткой держалась за своего спасителя, отчаянно не желая отпускать. И это чувство было сильнее всяких здравых рассуждений. Да и оборотень не особо торопился отцеплять меня.

– Тише, успокойся, – уговаривал Дирт, замерев в центре комнаты и глубоко дыша. – Все уже позади. Тебе надо просто поспать.

Его голос приобрел хрипловатые нотки, от которых у меня по коже пробегали мурашки, а в сознание прокрадывался густой туман.

«Это моя комната, – неожиданно мелькнула догадка о причинах такого поведения оборотня. – А значит, здесь пахнет мной. И просто так он отсюда не уйдет...»

Особо не соображая, что творю, я легко коснулась губами мужской шеи. Дирт дернулся как от удара, а в следующее мгновение его пальцы запутались в моих волосах, вынуждая запрокинуть голову. Миг – и он стремительно впился в мой рот поцелуем.

Я мгновенно ответила и прижалась как можно плотнее. Все, что сейчас было важно, – это мужчина, в объятьях которого я находилась.

Несчастное платье снова затрещало по швам под сильными руками оборотня. Я решила не оставаться в долгу и рванула рубашку Дирта, лишив ту нескольких пуговиц. Мои пальчики заскользили по обнаженной коже, и я не смогла сдержать стона удовольствия. В ответ Дирт глухо рыкнул и в мгновение ока переместил меня на кровать. Горячие прикосновения и поцелуи сводили с ума.

Это было как стремительный и захватывающий полет. В какой-то момент наслаждение накрыло меня с головой, вытеснив сознание в запредельные дали.

Сколько это длилось – не знаю. Мне показалось, что целую вечность. А когда страсть утихла, ее место заняла всепоглощающая усталость. И получив нежный, успокаивающий поцелуй, я практически мгновенно отключилась.

Проснувшись утром в гордом одиночестве, почувствовала себя как никогда погано. Меня преследовал неприятный привкус предательства. И хотя я понимала, что глупо было ждать иного, но очень хотелось устроить скандал.

Резко выдохнув, я сползла с кровати и поплелась в ванную.

Первым делом взглянула в зеркало, чтобы оценить, насколько сильно смахиваю на потасканный полутруп. И ошарашенно замерла.

На изгибе шеи четко виднелся алый с золотым ободком отпечаток зубов. Подобное я уже видела в школьном учебнике по естествознанию в разделе «Оборотни и их традиции».

Сомнений не было: на мне брачная метка.

Можно испугаться, если не знать, что человеку настоящий символ никогда не получить.

– Дурацкие шуточки, Дирт, – желчно выдохнула я и коснулась рисунка, желая стереть.

В тот же миг метка вспыхнула золотом, а по телу прокатилось тепло. От неожиданности у меня едва колени не подогнулись, и я судорожно вцепилась в раковину.

– Не может быть...

В ужасе я выскочила обратно в комнату. Выхватив из шкафа первое попавшееся платье и тонкий шелковый шарф, я спешно оделась и направилась к начальству.

Столкнувшись в коридоре с парой стражников, не удивилась. Мне же обещали охрану! Шок от первого осознания сменился злостью. Мне требовались ответы, и немедленно! Поэтому, окинув хмурым взглядом двух оборотней, я сказала:

– Отведите меня к своему альфе.

Мужчины переглянулись, а потом тот, что был чуть выше, коротко кивнул и жестом предложил следовать за ним.

Мы спустились на первый этаж и, миновав пару залов, остановились перед смутно знакомой мне дверью. Кажется, именно тут Модлар поцеловал меня первый раз...

Метка снова отзывалась теплом, чем вновь подогрела мое раздражение. Я даже не подумала постучаться.

Вторжение альфа встретил спокойным взглядом и активировал звукоизолирующее заклинание.

«Боится, что нас стража под дверью услышит! Подлец!» – зло прищурилась я и набрала воздуха в грудь.

– Я требую объяснений! – рявкнула я.

Оборотень удивленно заломил бровь.

– Каких? Все произошло по обоюдному согласию. И больше не повторится.

– Да плевать мне на согласие и повторы! – окончательно теряя самообладание, выкрикнула я. – Зачем, а главное, как ты мне метку поставил?!

С последними словами я сдернула шарфик и продемонстрировала отпечаток клыков.

Все спокойствие и сдержанность альфы как ветром сдуло. Он вскочил со своего кресла и ошарашенно уставился на мою шею.

– Не может быть... Если только ты не... – едва слышно пробормотал он и, неуловимо быстро оказавшись рядом, ухватил меня за руку.

Я испуганно дернулась прочь, но вырваться не удалось.

– Ай! – вскрикнула я от острой боли в прокушенном пальце. – С ума сошел?! Псих!

Хотела добавить еще пару эпитетов, но поперхнулась своим возмущением. Удерживающий меня мужчина буквально потемнел от гнева. С таким выражением лица обычно убивают.

– А я все голову ломал, почему меня тянет к человеку. Где маскирующий артефакт? Показывай! – требовательно рыкнул альфа, сильнее сжимая мое запястье.

Я болезненно зашипела, и мужские пальцы тут же ослабили хватку. Демоны все пожри, это я должна требовать и возмущаться!

– Не знаю, про что ты! – воскликнула я. – Отпусти меня немедленно! И объясни, что тут происходит?!

Это был отчаянный шаг, и на успех я совершенно не рассчитывала. Скорее даже наоборот, ожидала, что меня скрутят, воткнут кляп и обыщут в поисках несуществующего артефакта. Но вопреки всему Дирт вздрогнул и выпустил мою руку.

Я тут же отпрыгнула на добрых два шага и настороженно посмотрела на мужчину. Тот не собирался меня догонять, лишь на мгновение прикрыл глаза, стараясь успокоиться. Поэтому сразу сбегать не стала, надеясь, что мне ответят.

Альфа с силой втянул сквозь сжатые зубы воздух и только после этого

сказал:

– Ты полукровка с активной второй ипостасью. И теперь – моя пара.

Он старался говорить ровно, но в голосе все же проскользнули сожаление и обреченность. Я на мгновение замерла, переваривая полученную информацию, а после нервно хохотнула.

– Тебе не кажется, что эта шутка затянулась и перешла все разумные пределы?

– Я с радостью посмеялся бы вместе с тобой. Но, увы, я не шучу, – сообщил альфа как отрезал.

Я несколько секунд пристально смотрела на оборотня, пытаясь заметить хоть тень злой насмешки. Но он оставался спокоен и хмур. Да и моя интуиция оказалась на его стороне, настырно твердя, что сказанное – правда. Вот только принять это я не могла.

– Не может быть! Я – человек! Мои родители – люди! И все предки были людьми. Да и вообще, ни один оборотень не свяжется с человеком, тем более не заведет детей. Вы же ненавидите полукровок!

– Да, ты права. Полукровок убивают сразу. Не знаю, кто твой отец, но он позаботился, чтобы тебя не нашли, и снабдил сильным маскирующим амулетом.

Рука сама дернулась к висевшему на шее кулону, который я носила, не снимая, с самого рождения.

Мой жест не укрылся от Дирта. Он сразу потянулся к украшению, но когда я нервно дернулась, замер и миролюбиво сказал:

– Я только посмотрю.

Получив от меня согласный кивок, он подошел и провел кончиками пальцев по драгоценному камню.

– Великолепный артефакт, замаскированный под обычный оберег, – констатировал оборотень, а в следующий миг сурово посмотрел на меня и приказал: – Не снимай его даже на секунду. И метку тщательно спрячь. Есть законы, которые никто не может отменить. Если кто узнает о твоем происхождении... В общем, лучше молчать.

Пауза в речи Дирта оказалась более чем красноречивая. У меня сердце ухнуло в пятки и затихло.

– Меня теперь убьют, – схватившись за голову, горестно простонала я.

– Не впадай в истерику, – рыкнул Дирт и встряхнул меня за плечи так, что зубы клацнули. – Сейчас пойдешь к себе и успокоишься. Если будешь себя правильно вести, все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Я слушала оборотня с широко распахнутыми от ужаса глазами, и смысл его слов с трудом достигал сознания. Поняв это, Дирт быстро

вернулся к столу и выудил из верхнего ящика какой-то пузырек.

— Как чувствовал, что потребуется, — пробормотал он, вкладывая зелье мне в руку. — Это успокоительное. А теперь отправляйся к себе. Думаю, пары часов для принятия реальности тебе хватит. После пойдешь в архив и продолжишь работать как ни в чем не бывало.

Меня замотали обратно в шарфик, развернули к выходу и подтолкнули в спину.

До своей комнаты я добиралась как в тумане, а выпив лекарство от нервов, повалилась на кровать.

Надо сказать, что зелье действовало просто великолепно, спустя несколько минут я не то что шевелиться, даже думать особо не могла. Нерадужные мысли неспешно перебирались по извилинам, правда, и этого хватало, чтобы расстраиваться.

Я никому не нужна, и каждый будет рад меня убить. Даже Дирт. Ответную метку я поставить не могу, значит, потеря такой негодной пары пройдет для него практически безболезненно. Последняя мысль, несмотря на действие успокоительного, заставила сжаться в болезненный клубок.

Сколько я пролежала так, без понятия. И даже грохот резко распахнувшейся двери не смог выдернуть меня из состояния апатии. Я лишь мысленно отметила: «Наверное, пришли убивать», — и продолжила смотреть в пустоту.

— Хватит рефлексировать! — рыкнул Дирт, подойдя к кровати. — Тебя работа ждет.

— И что? — равнодушно поинтересовалась я. — У меня тут проблемы поважнее, я думаю, как выжить.

— Я тебя нанял, так что, будь добра, выполни вверенные обязанности!

— Как нанял, так и уволь. Может, успею до дома добраться и спрятаться от вас, хвостатых. От тебя помочи вряд ли дождусь...

Неожиданно в комнате повисла звенящая тишина — активировалась звукоизоляция. Тут же меня сдернули с кровати и поставили на ноги. В глазах Дирта проскальзывал гнев, и я замерла, не зная, чего ожидать от оборотня.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас сказала? — вкрадчиво поинтересовался он и, не дождавшись ответа, тихо продолжил: — Ты сомневаешься, что я могу защитить свою женщину? Считаешь меня слабаком и подлецом? Я выбрал тебя, пусть неосознанно, но менять этого не собираюсь. Поэтому буду защищать тебя даже ценой своей жизни. Слышишь меня?

Я прекрасно слышала и ловила каждое слово, интонацию, пытаясь

распознать в них фальшь, и не могла. Сердце забилось как бешеное от нахлынувшего счастья и облегчения.

Я ему нужна, он меня не бросит!

Порывисто подалась вперед и безошибочно нашла мужские губы своими. Дирт ответил сразу, прижав меня к себе с такой силой, что вздохнуть стало проблематично. Голова от тесных объятий и страстного поцелуя моментально поплыла. Правда, длилось это недолго. Альфа шумно втянул носом воздух и нехотя оторвался от моих губ.

– Я целовал бы тебя вечность, Ани, – выдохнул он. – Но пока мы должны придерживаться уже известного всем положения вещей. Так что давай входи в свое амплуа казначея и отправляйся в архив. Вечером я за тобой зайду.

В ответ я лишь смущенно кивнула и выскользнула из мужских объятий.

Оставляя меня одну, Дирт попросил быть крайне осторожной, пока его нет. Произошедшее нападение и судьба моего предшественника прямо говорили, что затеявший все это оборотень не скучится в методах устранения неугодных.

Но, несмотря на все опасения, день прошел спокойно. Я разбирала бумаги и планомерно сравнивала показатели, один за другим. Все выглядело правильно, хоть часть документов и отсутствовала. Мне уже начало казаться, что я ищу нечто эфемерное и несуществующее. Даже закралась идея обратиться за помощью к Шнаверу, но эту крамольную мысль я быстро отбросила. Нет гарантии, что добросердечный оборотень сам не замешан во всей этой истории.

Вечером перед ужином, когда я в задумчивости созерцала полки с учетными книгами, в дверь постучали.

– Кто? – не вставая с места, поинтересовалась я.

– Это Риита. Альфа просил вам передать бумаги на подшивку.

После моего разрешения девушка вошла и положила на край стола тонкую папку. Не дожидаясь, когда снова останусь одна, я полезла смотреть, что такое мне прислали.

Первый же документ оказался банковским запросом на перевод средств с одного счета на другой. Обычный формуляр, я их и до этого видела немало. Но этот привлек внимание указанным в нем комиссионным процентом, который превышал обычный в два раза.

«А ведь именно банковских запросов и не хватало в большинстве своем!» – Я с недостойной леди прытью подскочила со стула, преодолела два пролета с полками и забежала в третий. Именно здесь хранились

документы за прошлый год. Насколько мне было известно, за это время банковская комиссия менялась незначительно. Я смогу увидеть разницу, и это будет хоть какое-то продвижение в моем расследовании!

Папки выкладывала прямо на пол и тут же листала. Раньше я не особо вглядывалась в суммы, отчисляемые банку за работу, разница в несколько лит не была заметна. Но сейчас несоответствие было налицо. Видимо, в последнее время кто-то совсем обнагел. А значит, почувствовал собственную безнаказанность.

И кто в клане у нас главный банкир?

Шнавер.

Он кичился связями и наверняка нашел возможность прикарманивать часть комиссии.

– Добрый вечер, – раздался за спиной мужской голос.

С испугу я подпрыгнула, резко распрямляясь и разворачиваясь к нежданному посетителю.

– Ох, простите, не хотел вас напугать, мисс Кирт, – искренне заверил стоявший в шаге от меня Шнавер.

Я с опаской и сомнением посмотрела на своего подозреваемого. В архив без спроса мог зайти только Дирт.

– А как вы...

– Как я вошел? – угадал мой вопрос оборотень и, жестко усмехнувшись, приблизился, заставив меня инстинктивно отступить и упереться спиной в стеллаж. – Я еще при жизни мистера Травера сделал себе доступ сюда. Незаконный, как вы понимаете.

«После таких откровений меня точно с миром не отпустят!» – Я нервно взглянула в сторону выхода, который частично перекрывал Шнавер. Шансов проскочить мимо мужчины у меня не было никаких.

Оставалась единственная надежда на спасение – крик.

Я даже воздуха в грудь набрать не успела, как рука оборотня метнулась ко мне.

Удар не заметила. Просто тело взорвалось невыносимой болью, а рот моментально заполнился кровью.

– Не стоит поднимать шум. К тому же охрану я обезвредил, – сообщил Шнавер и с неприятным хлюпающим звуком вынул когтистые пальцы из моей груди.

Цепляясь за полки, я стала медленно сползать на пол.

Внезапно глаза мужчины буквально засияли торжеством. Он вновь приблизился и приподнял мою голову за подбородок.

– Как ты стала парой нашего альфы?! – изумился он, а в следующий

миг лизнул свои окровавленные пальцы и улыбнулся еще шире. – Полукровка! Так я благодаря тебе избавлюсь от двух проблем сразу. И заодно получу шанс занять место нашего бесславного лидера, который посмел признать полукровку!

Я ничего не могла сказать, но тело само дернулось придушить засранца, посмевшего не только смертельно ранить меня, но и покуситься на Дирта!

– Если бы ты могла обратиться, у тебя бы был шанс меня укусить, – хмыкнул Шнавер. – Так что удача не на твоей сто...

Договорить оборотень не успел. Раздался звук удариившейся о стену двери. Секунда – и в проеме пролета показался... Дирт?

Оборотень в боевой трансформации – это действительно нечто страшное. Гора мышц с когтями и невообразимыми клыками в удлиненной пасти. Только мне не было страшно. Даже наоборот. Душа восторженно ликовала: «Он пришел!»

Шнавер попробовал измениться, но не успел. Движения Дирта размазались в пространстве, а в следующее мгновение мой убийца уже лежал на полу с разодранным горлом.

– Дирт, – хотела позвать я своего спасителя, но получилось лишь невнятное бульканье.

Сознание все же начало отступать в темноту, и обратный оборот своего волка я видела уже сквозь кроваво-черную пелену.

– Ани, открывай глаза, хватит спать, – настойчиво требовала мама почему-то голосом Дирта.

От этой несуразицы я встрепенулась и, не открывая век, поднялась, дабы прогнать дурной сон. Вот только от резкого перемещения в пространстве потеряла равновесие и упала на бок.

– Тише, Ани. Тебе надо привыкнуть к этому телу, – мягко проговорил Дирт и погладил меня по голове.

– Какому телу?! Я в нем уже двадцать лет живу! – хотела возмутиться я, но вместо привычной человеческой речи получился какой-то рык.

Та-ак, что опять со мной учудил этот оборотень?! Я резко распахнула глаза и обомлела. Первое, что увидела, – длинные волчьи лапы вместо рук. Дальше хуже...

Я – огромная серая волчица?! Меня превратили в зверюгу?!

Я буквально взмыла.

Внезапно сильная рука ухватила меня за морду, лишая возможности высказывать свое негодование и отчаяние. Дирт заглянул мне в глаза, и от

вида его улыбки в душе вспыхнула злость. Еще и веселится!

– Ты даже в зверином обличье и пяти минут помолчать не можешь, – хмыкнул альфа и неожиданно посерезнел. – Выслушай меня внимательно. Чтобы залечить твои раны, мне пришлось напоить тебя своей кровью и провести обряд обращения. Шансы были невелики, полукровки редко способны сменить облик. Пришлось понадеяться на то, что звериная часть души у тебя активна. И, к счастью, все удалось. Правда, вернуться в человеческое обличье тебе придется самостоятельно, чтобы завершить обряд.

У меня был один-единственный вопрос: «Как?» – и задать я его могла только невербально. Но на удивление Дирт понял и без слов.

– Просто надо захотеть, – уверенно сообщил оборотень.

Легко сказать: «Захоти!» – а что именно хотеть? Почему не сказать нормально, по пунктам?!

Бессилие и непонимание раздражало. Выжидающее смотрящий оборотень – тоже. Он виноват во всем, что случилось, и теперь ждет от меня обращения?!

Хочу руки, чтобы обнять этого несносного альфу и лично придушить!

Желание оказалось настолько сильным, что фантазия ярко нарисовала, как его осуществляю.

Внезапно меня словно ударили в солнечное сплетение, выбив весь воздух. Тело скрутило болью и выгнуло дугой. Но через миг все закончилось, и я рухнула на кровать. Только теперь по разгоряченной коже приятно скользил прохладный воздух.

Я обернулась обратно? Я обернулась обратно! Ох, как же хорошо-о!

Даже ноющие мышцы мою радость не омрачили.

Практически сразу Дирт перевернул меня на живот и начал разминать спину.

– Ты молодец, Ани, у тебя все получилось, – успокаивающе говорил он. – Это только первый раз так тяжело, потом привыкнешь.

– Угу, – неопределенно промычала я, а про себя добавила: «Даже пробовать больше не буду. Хотя...»

Мой альфа оказался мастером массажа. Я таяла под его прикосновениями и млела от коротких поцелуев. Пожалуй, если каждый раз после обрата Дирт будет так делать, я еще разочек сменю облик.

В какой-то момент касания мужчины изменились и стали не расслаблять мышцы, а разжигать во мне желание. В считанные секунды сознание накрыло наслаждением. Я даже не подумала сдерживаться, выгибаясь под нежными поцелуями и подставляя шею для болезненных

укусов. Порой сама в порыве страсти впивалась зубами в мужские плечи. Я хотела быть рядом с Диртом, и только.

В реальность вернулась, лишь когда Дирт лег рядом и, притянув меня к себе, прошептал на ушко:

– Наконец-то мы полноценная пара.

– Мм? – удивленно промычала я, приоткрывая глаза.

И сразу наткнулась на красную брачную метку, сияющую на шее оборотня. Как это получилось, не представляю, но от вида укуса я ощутила неподдельное удовлетворение. Все, теперь Дирт мой и никуда не денется!

А потом в мою голову неожиданно стали возвращаться здравые мысли. И первая из них: «Как мы будем дальше жить?»

– Как все семейные пары, – откликнулся Дирт. Видимо, я забылась и спросила вслух.

– Но я же полукровка, – напомнила я... мужу.

– Уже нет. Человеческого, после обретения, в тебе осталось не больше, чем в любом другом из нас. Для всех ты – полноценный оборотень, а как моя пара еще и альфа.

– И ни у кого не возникнет вопроса, как я из человека стала серой волчицей? А сами Серые не озадачатся, откуда я взялась? – усомнилась я.

Но и на это у Дирта имелся ответ:

– Вряд ли они будут афишировать историю со спрятанным под личиной человека внебрачным ребенком кого-то из статусных мужчин.

– А мои родители?

– Будешь встречаться с ними под маскировкой. Прости, в клан я их взять не могу, – безапелляционно заявил мой альфа.

А я и не собиралась противиться. Людям надо жить с людьми, а мне... Мне просто необходимо находиться со своим мужчиной, который за пару дней умудрился стать для меня всем.

– Я тебя люблю, – тихо выдохнула я.

– И я тебя, – раздался не менее честный ответ.

